

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 6 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnohtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France

D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shteltzel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Клюканов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- В.И. Журавлева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

История международных отношений и внешней политики

Наталья А. Цветкова

- Применение искусственного интеллекта
в анализе внешней политики США: обзор современных практик 12

Мария А. Филимонова

- Джон Уэсли и методистский дискурс
в британской пропаганде периода Американской революции 28

Евгений Ю. Сергеев

- Особенности советско-британского концессионного сотрудничества
в 1920-х гг. 42

Егор В. Аргунов

- Память о Второй мировой войне в японской манге 58

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Никита А. Потевский

- Понятие внеинституциональности
в рамках сотрудничества ЕС и НАТО 71

Альберт А. Новиков

- Между идеологией и анализом: подходы экспертно-аналитических
центров США к разработке рекомендаций по Ирану 88

Гия Г. Голава

- Отношения Грузии и США в контексте трансформации
грузинской внешней политики в 2022–2025 гг. 103

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Татьяна В. Алентьева

- Образ католицизма и ирландцев в творчестве Томаса Наста 121

Анна М. Волошина

- Правый популизм в Канаде XXI в.: развитие и влияние
на современные институты власти 134

<i>Илья Ю. Храмов</i>	
Международный характер движения Black Lives Matter в Канаде в 2013–2020 гг.	150

Книжная полка

<i>Михаил И. Рыхтик</i>	
Американское общество: традиции и новации в развитии. Рецензия на книгу: США в прошлом и настоящем: Pro et contra: Курсы лекций: В 2 кн. / В.И. Журавлева, И.В. Морозова, А.Б. Окунь, А.С. Панов, Г.Ю. Прокопенков, И.А. Цветков, Н.А. Цветкова / под ред. В.И. Журавлевой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 2025	166

Научная жизнь

<i>Антон С. Панов</i>	
Религиозные ландшафты США в исторической ретроспективе: Обзор IX Международных Зверевских чтений по американистике (РГГУ, Москва, 28–29 апреля 2025 г.)	179

CONTENTS

History of International Relations and Foreign Policy

Natalia A. Tsvetkova

- AI-assisted methods in US foreign policy analysis:
A review of current practices 12

Maria A. Filimonova

- John Wesley and the methodist discourse
in the British propaganda during the American Revolution 28

Evgenii Yu. Sergeev

- Features of the Soviet-British concession collaboration in the 1920s 42

Egor V. Argunov

- Memories of World War II in Japanese manga 58

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Nikita A. Potevskii

- The notion of extra-institutionalism in the framework of EU – NATO
cooperation 71

Albert A. Novikov

- Between ideology and analysis: US think-tanks' approaches
to developing recommendations on Iran 88

Gia G. Golava

- Georgia – US relations in the context of the changing foreign policy
of Georgia in 2022–2025 103

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Tatiana V. Alentieva

- The image of Catholicism and the Irish in the works of Thomas Nast 121

Anna M. Voloshina

- Right-wing populism in Canada: current development
and influence on the main political institutions 134

Ilya Yu. Khramov

The Black Lives Matter movement in Canada, 2013–2020: on the international character of the movement	150
---	-----

Bookshelf

Mikhail I. Rykhtik

American society: traditions and innovations in development. Book review: SShA v proshlom i nastoyashchem: Pro et contra: Kursy lektsii: [USA in the past and present: Pro et contra] / ed. by V.I. Zhuravleva. Moscow: RGGU, 2025	166
---	-----

Academic Life

Anton S. Panov

Religious landscapes of the USA in historical retrospective. Overview of the 9 th Aleksei Zverev International Biennial Conference on American Studies (RGGU, Moscow, April 28–29, 2025)	179
--	-----

История международных отношений и внешней политики

УДК 004.8:327(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-12-27

Применение искусственного интеллекта в анализе внешней политики США: обзор современных практик

Наталья А. Цветкова

*Институт США и Канады РАН им. Г.А. Арбатова,
Москва, Россия, n.tsvetkova@iskran.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу направлений использования искусственного интеллекта (ИИ) в исследованиях внешней политики и международных отношений. Автор рассматривает четыре ключевые области применения ИИ: прогнозирование международных событий, моделирование дипломатических переговоров, оценка рисков автоматизированных решений в ядерной сфере и анализ процесса принятия внешнеполитических решений. В центре внимания – сравнительная оценка моделей, разработанных в США, Китае и России, и возможности локальных ИИ как эффективного инструмента экспертного анализа. Особое внимание уделяется методам бенчмаркинга и роли эксперта в интерпретации результатов.

Ключевые слова: внешняя политика, ИИ, дипломатия, прогнозирование, принятие решений, международные отношения, США, стратегическая стабильность

Для цитирования: Цветкова Н.А. Применение искусственного интеллекта в анализе внешней политики США: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 12–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-12-27

AI-assisted methods in US foreign policy analysis: A review of current practices

Natalia A. Tsvetkova

*Georgy Arbatov Institute for US and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
n.tsvetkova@iskran.ru*

Abstract. This article examines the application of artificial intelligence (AI) in the analysis of foreign policy and international relations, with a particular emphasis on the United States. It identifies four principal fields of AI application: forecasting international events, modeling diplomatic negotiations, evaluating the risks of automated decision-making in the nuclear domain, and analyzing foreign policy decision-making processes. The article offers a comparative assessment of AI systems developed in the United States, China, and Russia, underscoring the growing relevance of specialized and domain-specific AI models as tools for expert analysis. Particular attention is devoted to benchmarking methodologies for evaluating generative models and to the critical role of human expertise in interpreting AI-generated outputs.

Keywords: foreign policy, AI, diplomacy, forecasting, decision-making, international relations, US, strategic stability

For citation: Tsvetkova, N.A. (2025), "AI-assisted methods in US foreign policy analysis: A review of current practices", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 12–27, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-12-27

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемым элементом аналитической инфраструктуры в международных отношениях и внешней политике. За последние пять лет наблюдается рост числа научных и прикладных проектов, направленных на использование ИИ для поддержки принятия решений, оценки рисков, моделирования дипломатических сценариев и реконструкции логики внешнеполитического поведения. Понимание того, как именно используются ИИ-модели в этих областях, становится критически важным как для исследователей, так и для практиков международной политики.

ИИ-модель – это обученный алгоритм, способный генерировать текст, классифицировать информацию, выявлять закономерности и строить прогнозы на основе больших массивов данных.

Большинство используемых сегодня систем относятся к категории больших языковых моделей (Large Language Models, LLMs), таких как американские GPT-4o, Llama или китайская Qwen.

Важно различать публичные генеративные чаты, ориентированные на широкий круг задач, и локальные ИИ-системы, разработанные под конкретную тематику – например, внешнеполитический анализ, безопасность или кризисное реагирование. Локальные ИИ чаще всего настраиваются с использованием нужных для экспертов корпусов документов, что повышает точность аналитических выводов и снижает риск ошибок генерации. Для понимания сути работы ИИ необходимо учитывать так называемое обучение ИИ – это процесс обработки больших объемов текстовой и числовой информации, в результате чего модель формирует вероятностные представления о связях между понятиями, событиями и действиями. Алгоритмы и обучающие корпуса документов, использованные в США, Китае и России, существенно различаются, что влияет на характер ответов и интерпретаций, которые генерируют эти модели. В США ИИ применяется преимущественно для поддержки разведки, моделирования рисков и стратегического анализа (проекты StateChat, CamoGPT, Donovan), в Китае – для выработки внешнеполитических решений, согласованных с национальными интересами (Qwen, Doubao, Ernie Bot), а в России ИИ-системы развиваются в рамках оборонных и академических проектов с ограниченным публичным доступом.

Цель данного исследования – выявить существующие подходы к применению искусственного интеллекта в области внешней политики и международных отношений в США. Мы покажем ключевые направления аналитического использования ИИ, а также оценим специфику алгоритмических решений. Особое внимание уделяется возможностям и ограничениям ИИ как аналитического инструмента, влияющего на процессы прогнозирования, принятия решений и моделирования дипломатических сценариев в условиях растущей международной нестабильности.

В настоящей статье выделены ключевые направления исследований в области международных отношений, в которых ИИ находит эффективное применение: прогнозирование международных событий; моделирование дипломатических переговоров; риски автоматизированных решений в ядерной области; процесс принятия внешнеполитических решений. Указанные направления формируют структуру основной части статьи.

Направления исследований с использованием ИИ во внешней политике и международных отношениях

Прогнозирование международных событий. ИИ активно используется для прогнозирования возможных международных событий: вооруженных конфликтов, миграционных кризисов, политической нестабильности. Такие разработки сочетают исторические базы данных и онлайн-источники (новости, спутниковые снимки, социальные сети) с методами прогнозирования.

В первую очередь речь идет о предсказании вероятности вооруженных столкновений, политической нестабильности, гуманитарных кризисов и других форм эскалации. ИИ-платформы анализируют большие массивы данных и выявляют признаки риска. Несмотря на некоторые успехи в прогнозировании общих тенденций, модели нуждаются в значительно большем объеме данных для предсказания конкретных событий. Особенно перспективным признано использование специализированных, локальных ИИ, ориентированных на геополитику конкретных стран (например, китайские модели Qwen и Doubao), которые формируют ответы в соответствии с постулируемыми правительственными ведомствами государственными интересами. Ведется работа по использованию ИИ в моделировании развития ситуации и конечных результатов на основе как исторических аналогий, так и текущих индикаторов. Такие инструменты потенциально позволяют формировать альтернативные сценарии и использовать их в разработке внешнеполитических решений.

Количество открытых публикаций по данной тематике остается ограниченным [Цветкова 2020]. Большинство проектов и разработок осуществляются в закрытом режиме и предназначены для внутреннего использования государственными структурами. В частности ИИ-прогнозирование активно тестируется в Пентагоне и используется в качестве дополнительного инструмента при сценарном планировании. Еврокомиссия заказала исследование по прогнозированию миграционных потоков с помощью ИИ для создания функции «раннего предупреждения» по возможному перемещению населения.

Попытка использовать ИИ для открытых прогнозов в мировой политике предпринята экспертами Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе¹. Они разработали базу данных исторических событий и запустили сбор информации для предсказания геополитических событий.

¹ MIRAI Multilingual Open Language Models for Science and Security. 2024. URL: <https://mirai-llm.github.io> (дата обращения 04.03.2025).

литических изменений. ИИ имитирует условия реального мира и обрабатывает современные ситуации. Система продемонстрировала способность к прогнозированию, но при попытке предсказать конкретные типы взаимодействий между странами возникает необходимость в получении дополнительного объема данных. Система слабо справляется с прогнозированием уникальных событий, таких как начало войны или смена власти. Модель не интегрирует данные в реальном времени и не учитывает скрытые политические мотивы и эмоциональные факторы, что ограничивает ее применимость в оперативной аналитике. Наш анализ показывает, что локальный или специализированный ИИ с ограниченными задачами эффективнее решает конкретные вопросы. Однако наличие широкого корпуса информации и его преобразование в датасет является важнейшим этапом насыщения модели для составления аналитических прогнозов.

В силу появления десятков моделей, которые могут использоваться в науке и экспертизе, набирает обороты разработка методик тестирования ИИ на предмет способности рекомендовать экспертам и политикам подходящие внешнеполитические решения. Исследователи предлагают так называемый бенчмаркинг внешнеполитических решений – комплексную оценку того, как разные модели ИИ (американские, китайские или российские) обрабатывают сложные сценарии международной жизни и конфликтов. *Бенчмаркинг* (benchmarking) – это инструмент оценки, позволяющий определить, насколько эффективно модели искусственного интеллекта справляются с задачами, связанными с принятием решений во внешней политике. Оценка состоит из набора стандартных сценариев, на основе которых эксперт сопоставляет ответы различных ИИ-моделей. Цель – выявить отклонения в характере рекомендаций: какие модели предлагают агрессивные, эскалационные действия, а какие – напротив, склонны к дипломатическим или примирительным стратегиям. Бенчмаркинг позволяет оценить предвзятость моделей в критически важных ситуациях и выявить потенциальные риски их применения в стратегическом анализе.

Многие модели склонны предлагать агрессивные меры в кризисных ситуациях. Широко используемые модели ИИ выдают рекомендации по эскалации в кризисных сценариях (рис. 1), причем наибольшую агрессивность показывают широко известные американские модели, такие как “Llama”, и китайская – “Qwen” [Jensen, Reynolds, Atalan 2024]. Это еще раз доказывает, что только эксперт компенсирует ограничения ИИ: даже самая продвинутая модель не может полноценно заменить человеческое стратегическое мышление.

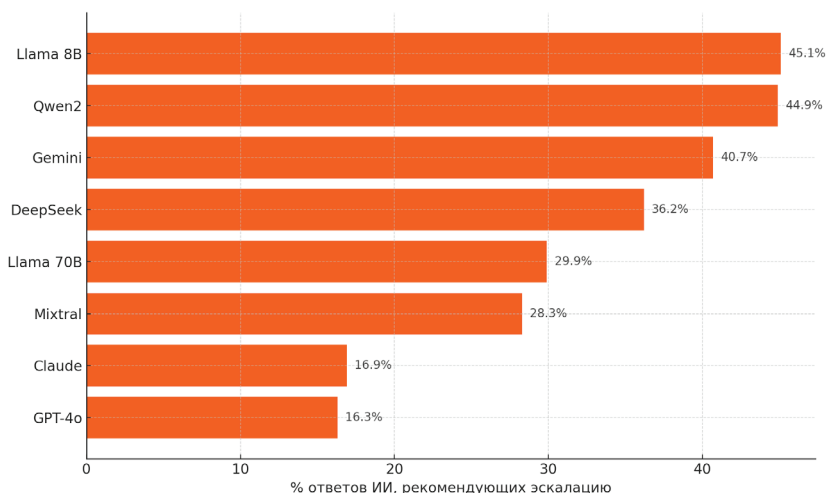

Рис. 1. Рекомендации ИИ по эскалации в кризисных ситуациях

Многие модели ИИ интегрируются в приложения национальной безопасности. В США подобные приложения тестируются в рамках государственных и оборонных структур. В частности, разработаны специализированные ИИ-модели StateChat для анализа внешнеполитических сценариев в Государственном департаменте, а также NIPRGPT и СамоGPT, – в Министерстве обороны для поддержки оперативного анализа и стратегического планирования. В России аналогичные задачи решаются преимущественно в рамках закрытых оборонных и академических программ. Среди них – элементы интеллектуальной обработки данных, разрабатываемые Институтом системного программирования РАН и в рамках оборонных проектов². В Китае активно внедряются национально-ориентированные большие языковые модели, которые применяются в области анализа международных отношений, геополитических рисков и информационного реагирования. Алгоритмические архитектуры, языковые корпуса и источники данных, используемые для обучения этих моделей, существенно различаются. Это определяет вариативность их ответов, интерпретаций и рекомендаций по внешнеполитическим вопросам, что важно при сравнительном анализе результатов моделирования.

² Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН. URL: <https://www.ispras.ru> (дата обращения 04.03.2025).

Бенчмаркинг показывает разброс вариантов предлагаемых решений – от эскалации до сотрудничества, что и называется предвзятостью в критически важных областях принятия решений во внешней политике. Именно здесь важнейшую роль играет эксперт. Ни одна модель полностью не отражает реальность – даже самый продвинутый ИИ остается приближением, поэтому эксперт выявляет и смягчает ошибки, которые могут исказить стратегический анализ и ввести в заблуждение лидеров национальной безопасности, работающих вместе с ИИ-агентами. При тщательном обучении и подходе к тонкой настройке эти предвзятости могут быть снижены или скорректированы в нужную сторону.

Модели ИИ искажают политический анализ в сторону более агрессивных ответов, что увеличивает риск просчетов в условиях высокой геополитической напряженности. Без постоянной оценки и доработки ИИ-агенты могут усилить склонность к эскалации в сценариях, где сдержанность и стратегическая неопределенность часто являются предпочтительными вариантами³.

Моделирование дипломатических переговоров. Последние исследования показывают, что ИИ может эффективно моделировать дипломатические переговоры, особенно если используется метод RAG – когда модель обращается к проверенной базе документов. Такой подход помогает снизить риск вымышленных ответов и делает сценарии более достоверными. Этот подход подкрепляется анализом баз соглашений и политических текстов: на их основе ИИ формирует возможные сценарии урегулирования, выделяя устойчивые элементы соглашений, ключевые факторы конфликтов и возможные препятствия к переговорам. Использование таких методов, как *chain-of-thought prompting* (поэтапное рассуждение) и *few-shot learning* (обучение по нескольким примерам), помогает выстраивать логику рассуждений, близкую к человеческому анализу, и тем самым повышает реалистичность и аналитическую ценность выводов модели. Результаты показали, что ИИ способен воспроизводить структуры политических решений, предлагать реалистичные и альтернативные варианты соглашений, но не может учесть нестабильность политической воли и непредсказуемые факторы человеческого поведения. Поэтому модели рассматриваются как вспомогательные аналитические инструменты.

³ Critical foreign policy decisions Benchmark // Futures Lab. Center for strategic and international studies. 2025. URL: <https://www.csis.org/programs/futures-lab/projects/critical-foreign-policy-decisions-benchmark> (дата обращения 04.03.2025).

Эксперимент по моделированию условий мирного урегулирования конфликта между Россией и Украиной с помощью ИИ показал несколько моментов [Reynolds, Jensen 2024]. Наличие выборки релевантных документов существенно повышает точность и достоверность ответов, снижая характерную проблему «галлюцинаций» – создания недостоверной или вымышленной информации. Модель таким образом получает возможность опираться на проверенные источники при формировании вывода. Методы *few-shot learning* и *in-context learning*, предполагающие обучение модели с использованием ограниченного количества примеров внутри запроса, позволяет адаптировать модель к специфике задачи. Техника *chain-of-thought prompting* – структурированной постановки задач, позволяет модели держаться логики аргументации и имитировать аналитическое мышление эксперта.

Для обеспечения глубины анализа использовалась тщательно подобранная источниковая база. Основу первого корпуса составили 333 полных текста мирных соглашений, заключенных в период с 1989 по 2018 г. Второй корпус включал 79 аналитических и журналистских материалов, отобранных экспертами, посвященных различным сценариям возможного урегулирования российско-украинского конфликта. Эти данные были загружены в платформу Donovan (<https://scale.com/donovan>) – оболочку, позволяющую настраивать механизмы анализа информации.

В результате моделирования было получено несколько сценариев мирного соглашения, различающихся по политической реалистичности. Первый сценарий включал прекращение огня и вывод войск, но не содержал положений о гарантиях безопасности, статусе спорных территорий или международном мониторинге. Второй сценарий добавлял буферную зону, пакт о ненападении между сторонами и отказ от членства в НАТО. Третий сценарий включал совместные экономические и антитеррористические программы, признание границ Украины и России. Четвертый сценарий допускал интеграцию Украины в НАТО [Reynolds, Jensen 2024].

Полученные результаты позволяют сказать, что корректная постановка задач и встраивание обучающих примеров существенно повышают качество вывода модели и его соответствие текущим условиям конфликта. Более того, ИИ может быть использован для тестирования политических альтернатив и разработки сценариев, однако требует постоянной адаптации исходных данных, экспертной валидации и стратегической интерпретации полученных результатов.

ИИ может использоваться в качестве аналитического инструмента при моделировании дипломатических переговоров. Он особенно полезен на стадии формирования альтернатив, струк-

турирования аргументов и выявления повторяющихся элементов в исторических данных. В то же время, ключевым ограничением остается неспособность ИИ в полной мере учитывать быстро меняющуюся политическую динамику, стратегические интересы сторон и эмоциональные компоненты, присущие человеческому принятию решений. Следовательно, ИИ следует рассматривать не как автономный механизм выработки политики, а как вспомогательный аналитический ресурс, требующий критической настройки, контроля и интеграции с экспертным знанием.

Риски автоматизированных решений в ядерной области. Одним из наиболее обсуждаемых направлений современных исследований на пересечении ИИ и международной безопасности является вопрос о влиянии алгоритмических систем на стратегическую стабильность в условиях потенциальных вооруженных конфликтов, особенно между ядерными державами. Это направление объединяет вопросы кризисного принятия решений, теории сдерживания и когнитивной психологии. В данной области наблюдается быстрый рост интереса среди аналитиков, политологов и военных стратегов, однако академических публикаций с открытыми данными и четко обозначенной методологией почти нет.

Центральный вопрос в исследованиях – может ли автоматизация аналитики и решений привести к непреднамеренной эскалации. Вводится понятие «алгоритмической стабильности» – способности сохранять предсказуемость стратегических взаимодействий в условиях высокой автоматизации.

Ключевым вкладом в развитие данной темы является проект Algorithmic Stability, реализованный экспертами США. Его цель состояла в проверке гипотез о том, как ИИ могут изменить принципы управления кризисами, связанными с риском ядерной эскалации. Методом служили серия симуляций гипотетических международных кризисов, в которых моделировалось поведение государств с различным уровнем интеграции ИИ в структуру принятия решений. Исследование было построено на ряде допущений из теории международных отношений. Во-первых, эксперты опирались на теорию рационального выбора в условиях неопределенности, в рамках которой алгоритмы ИИ выполняют функцию усиления (но не замены) экспертизы человеком. Во-вторых, использовали концепт алгоритмической стабильности – термин, обозначающий способность системы стратегического взаимодействия сохранять предсказуемость и контролируемость при высокой степени автоматизации аналитики и решений.

Проект показал, что государства пока еще не передают критически важные решения полностью ИИ, но используют его для

усиления аналитики. Исследование показало необходимость прозрачности и новых режимов контроля над вооружениями, включая взаимный контроль за применением ИИ в стратегических системах. Более того, исследование позволило сделать два ключевых вывода. Во-первых, несмотря на различия в уровне технологической оснащенности разных государств, фундаментальные принципы стратегического поведения в условиях кризиса сохраняются. Государства продолжают применять комплексный подход, комбинируя инструменты давления — от дипломатии до экономических и информационных мер — и не склонны передавать критически важные решения полностью на усмотрение алгоритмических систем. Во-вторых, по мере развития ИИ-систем меняются условия выбора тактических и оперативных решений в конфликтных ситуациях. Это требует развития новых механизмов контроля над вооружениями, включая взаимную транспарентность в вопросе использования ИИ в критических системах⁴.

Дополнительную перспективу дает исследование о восприятии ИИ в стратегическом мышлении России и США. США, как отмечается, рассматривают ИИ преимущественно как инструмент повышения эффективности — автоматизации обработки данных, усиления разведки, логистики и поддержки принятия решений. Такие инициативы, как Project Maven и Центр ИИ при Министерстве обороны (JAIC), служат иллюстрацией этого подхода. В то же время Россия склонна использовать ИИ как инструмент специального назначения, делая акцент на автономных платформах, радиоэлектронной борьбе, а также кибер- и психологических операциях, включающих элементы ИИ-моделирования поведения противника. В итоге, специалисты приходят к выводу, что ИИ пока не угрожает стратегической стабильности. Его влияние зависит от институционального контекста, степени прозрачности, политической воли и способности государств к взаимному доверию и диалогу. При отсутствии этих условий возникает угроза недопонимания, автоматической эскалации и нарушения баланса сдерживания [Nadibaidze, Miotto 2023].

Процесс принятия внешнеполитических решений. ИИ оказался эффективным инструментом для анализа внешнеполитических решений лидеров на основе публичных речей, интервью, стратегических документов. Все модели ИИ позволяют выявлять

⁴ Jensen B., Atalan Ya., Macias III J.M. Algorithmic stability: How AI could shape the future of deterrence // Center for Strategic and International Studies. 2024. URL: <https://www.csis.org/analysis/algorithmic-stability-how-ai-could-shape-future-deterrence> (дата обращения 04.03.2025).

эмоциональные паттерны, риторические стратегии, исторические аналогии и влияние советников на процесс принятия решений, что существенно трансформирует такую область знаний, как внешнеполитический анализ. Сегодня можно выделить несколько перспективных направлений исследований.

Во-первых, особое внимание уделяется текстовому анализу, с чем ИИ справляется особенно успешно. Модели способны отслеживать как прямые упоминания, так и скрытые параллели – структурные совпадения между прошлыми и текущими ситуациями. По мере роста использования исторических аналогий современными лидерами возрастает интерес к выявлению их влияния на решения. Специалисты в области внешнеполитического анализа уже давно выдвинули гипотезу, что использование исторических аналогий определяет содержание будущего решения. Исследования показывают, что аналогии выступают как средство обоснования решения, а также как способ справиться с психологическим давлением и стрессом, связанным с весом принимаемых решений [Khong 1992; Jervis 2017; Цветкова 2024]. Однако на протяжении многих лет эксперты не имели возможности провести масштабный анализ источников и сопоставить, на каких этапах и в какой мере лидеры различных стран используют исторические аналогии и насколько серьезно они влияют на итоговое решение.

Открытые ИИ-инструменты, такие как ChatGPT, как оказалось, могут быть эффективно использованы для поиска и систематизации исторических аналогий и анализа процессов принятия внешнеполитических решений в общем. Ключевым элементом выступает возможность загрузки больших объемов информации – заявлений и интервью президентов и их советников, а также доктринальных документов – и проведения целенаправленного анализа на предмет наличия поиска позиций, эмоций, предпочтений президента, исторических аналогий, влияния советников и пр.

Благодаря точности в поиске аналогий – как явных (например, прямые сравнения отдельных кризисов с событиями из прошлого, такими как Мюнхен, Ялта или Карибский кризис), так и имплицитных (сопоставление по структуре аргументации или набору исходных характеристик) – становится возможным не только фиксировать факт их появления, но и определять их функцию: когнитивную (влияние на ход размышления) или риторическую (убеждение аудитории).

Последние исследования показывают, что исторические аналогии рассматриваются не как вспомогательный аргумент, сопровождающий процесс выбора решения среди предлагаемых альтернатив, а как индикатор уже принятого решения лидером. Возникающая

в публичной риторике историческая аналогия служит предвестником действия, а не реакцией на него. Эмпирический материал, включающий кейсы лидеров самых разных стран, подтверждает, что артикуляция аналогии в риторике лидеров предшествует ключевым внешнеполитическим шагам. Последовательность уточняющих запросов к модели позволяет реконструировать логику принятия решений, идентифицируя не только момент появления аналогии, но и ее аргументационную структуру. В отличие от классических работ, где аналогии трактуются как инструмент убеждения, здесь они интерпретируются как маркеры хода мысли национальных лидеров и их советников, особенно в условиях стратегической неопределенности. ИИ, при правильной настройке и контекстной подаче информации, способен воспроизвести и классифицировать аналогии с учетом международного контекста, выделяя те, которые имеют значение для прогнозирования [Tsvetkova 2025].

Вторым интересным трендом стали исследования влияния советников на позицию лидеров государства, в частности президентов США. Методы машинного анализа позволяют сопоставлять мнения советников и президентов, а также отслеживать идеологическую направленность решений, что приводит исследователей к выводу, что лидеры не всегда следуют мнению большинства – они могут целенаправленно усиливать влияние отдельных фигур, исходя из собственных установок. К данному направлению относятся исследования, посвященные влиянию советников на президента в процессе внешнеполитического принятия решений. Модели искусственного интеллекта позволяют собрать и систематизировать новый массив данных о персональном составе и риторике советников, по-новому реконструировать протоколы заседаний, в том числе Совета национальной безопасности США (СНБ), а также выявить степень зависимости позиции президента от конкретных фигур в его окружении. Кроме того, ИИ-инструменты позволяют вычислить долю решений, принятых в агрессивной или, напротив, миролюбивой логике.

Анализ показывает, что ИИ-модели формируют более сложное представление о механизме предпочтений главы государства. Согласно предложенной модели, президент может намеренно усиливать влияние отдельных советников в зависимости от собственных политических установок, идеологических ориентиров или эмоционального состояния. Авторы исследования опираются на широкий спектр источников: рассекреченные протоколы СНБ, мемуары, интервью, а также документы, содержащие персонализированные портреты советников. Особое внимание уделяется машинному анализу совпадения позиций президента и его окружения в конкрет-

ных кейсах, а также оценке идеологических установок советников как ключевого фактора влияния на решения главы государства [Hafner-Burton, Haggard, Victor 2024].

В-третьих, ИИ-инструменты применяются для выявления векторов внешнеполитической ориентации (на основе речей в ООН, официальных выступлений), анализа стратегических нарративов (особенно в Китае, где США воспринимаются одновременно как угроза и ориентир), а также для мониторинга изменений в дипломатическом дискурсе. Применение методов ИИ к корпусам речей и голосований в Генеральной Ассамблее ООН позволяет выявлять, например, «вектор политической близости» между странами. Исследования показывают, что несмотря на развитие экономических связей с Китаем, ряд стран Центральной и Восточной Европы сохраняют риторическую и политическую ориентацию на США и Германию. Эти данные ставят под сомнение распространенные представления о геополитическом «повороте к Китаю» и подтверждают, что тексты дипломатических выступлений могут выступать валидным индикатором внешнеполитической ориентации государств [Turcsanyi, Liškutin, Mochtak 2023].

Наконец, значимый вектор исследований – анализ национальных стратегических нарративов с помощью автоматизированных методов. В частности, машинный анализ правительственных и экспертных оценок по тематике военного потенциала показывает, что США играют роль центрального ориентира в китайской экспертизе. Автоматизированный поиск ключевых слов, дискурсивных шаблонов и тематических фреймов позволяет установить, что китайская стратегическая мысль выстраивает свои цели через постоянное сопоставление с американскими достижениями в военной сфере. Восприятие США как одновременно угрозы и примера для подражания оказывает воздействие на стратегическую повестку КНР. Значимым вкладом является формирование специализированных баз данных по пресс-конференциям или высказываниям лидеров в социальных сетях, позволяющих проводить анализ внешнеполитической риторики в динамике и отслеживать эволюцию политических нарративов, изменений в стиле и содержании публичных выступлений [Mochtak, Turcsanyi 2021].

Заключение

Применение искусственного интеллекта в анализе внешней политики и международных отношений постепенно становится неотъемлемой частью как академических исследований, так и прак-

тической аналитики. Модели ИИ уже сегодня используются для прогнозирования международных кризисов, тестирования дипломатических сценариев, оценки рисков эскалации и реконструкции логики принятия решений лидерами государств. Наибольший эффект достигается при использовании локальных и специализированных моделей, настроенных на конкретные задачи и обученных на релевантных корпусах документов.

Опыт США, Китая и России показывает, что архитектура моделей, принципы обучения и сферы применения ИИ существенно различаются, отражая особенности стратегической культуры, уровень технологической зрелости и институциональные приоритеты. Однако вне зависимости от контекста, ключевым звеном в работе с ИИ остается эксперт: именно он интерпретирует выводы модели, выявляет риски предвзятости, уточняет параметры и обеспечивает критическую верификацию результатов.

ИИ в международных исследованиях – это не самостоятельный субъект принятия решений, а инструмент аналитического сопровождения, расширяющий когнитивные возможности исследователя, и позволяющий выявлять скрытые паттерны, предсказывать альтернативные сценарии и моделировать поведение государств и политических лидеров в условиях стратегической неопределенности. Будущие исследования должны быть направлены на адаптацию моделей к локальному контексту и интеграцию ИИ в гибридные экспертные системы принятия решений. Специализированные ИИ, которые ограничены локальным корпусом источников, создают предпосылки для более точного прогнозирования и анализа ситуации.

Литература

- Цветкова 2020 – *Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47.
- Цветкова 2024 – *Цветкова Н.А.* Роль исторических аналогий в процессе принятия внешнеполитических решений в США, 1945–2024 // Американский ежегодник – 2024. М.: Весь мир, 2024. С. 57–80.
- Hafner-Burton, Haggard, Victor 2024 – *Hafner-Burton E.M., Haggard S., Victor D.G.* Advisers and aggregation in foreign policy decision-making // American Political Science Review. 2024. Vol. 118. No. 2. P. 435–450. DOI: 10.1017/S0003055424000081.
- Jensen, Reynolds, Atalan 2024 – *Jensen B., Reynolds I., Atalan Ya.* What AI thinks about foreign policy decisions: Benchmarking models for strategy and statecraft //

- CSIS. 2024. URL: <https://www.csis.org/analysis/what-ai-thinks-about-foreign-policy-decisions-benchmarking-models-strategy-and-statecraft> (дата обращения 04.03.2025).
- Jervis 2017 – *Jervis R.* Perception and misperception in international politics. Princeton: Princeton University Press, 2017. 544 p.
- Khong 1992 – *Khong Yu.F.* Analogies at war: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam decisions of 1965. Princeton: Princeton University Press, 1992. 286 p.
- Mochtak, Turcsanyi 2021 – *Mochtak M., Turcsanyi R.Q.* Studying Chinese foreign policy narratives: Introducing the Ministry of Foreign Affairs press conferences corpus // *Journal of Chinese Political Science*. 2021. Vol. 26. P. 743–761. DOI: 10.1007/s11366-021-09762-3.
- Nadibaidze, Miotto 2023 – *Nadibaidze A., Miotto N.* The impact of AI on strategic stability is what states make of it: comparing US and Russian discourses // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. Vol. 6. No. 1. P. 47–67.
- Reynolds, Jensen 2024 – *Reynolds I., Jensen B.* Can AI help end a war? Using generative AI to explore peace scenarios in Ukraine // CSIS. 2024. URL: <https://www.csis.org/analysis/can-ai-help-end-war-using-generative-ai-explore-peace-scenarios-ukraine> (дата обращения 04.03.2025).
- Tsvetkova 2025 – *Tsvetkova N.A.* The predictive power of historical analogies in foreign policy decision-making: An AI-assisted approach [Preprint] // *Humanities and Social Sciences Communications*. Springer Nature/Research Square, 2025. URL: <https://www.researchsquare.com/article/rs-6490065> (дата обращения 04.03.2025).
- Turcsanyi, Liškutin, Mochtak 2023 – *Turcsanyi R.Q., Liškutin K., Mochtak M.* Diffusion of influence? Detecting China's footprint in foreign policies of other countries // *Chinese Political Science Review*. 2023. Vol. 8. P. 461–486. DOI: 10.1007/s41111-022-00217-5.

References

- Nadibaidze, A. and Miotto, N. (2023), “The impact of AI on strategic stability is what states make of it: comparing US and Russian discourses”, *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, vol. 6, no. 1, pp. 47–67.
- Hafner-Burton, E.M., Haggard, S. and Victor, D.G. (2024), “Advisers and aggregation in foreign policy decision-making”, *American Political Science Review*, vol. 118, no. 2, pp. 435–450, <https://doi.org/10.1017/S0003055424000081>.
- Jensen, B., Reynolds, I. and Atalan, Ya. (2024), “What AI thinks about foreign policy decisions: Benchmarking models for strategy and statecraft”, *Center for Strategic and International Studies*, available at: <https://www.csis.org/analysis/what-ai-thinks-about-foreign-policy-decisions-benchmarking-models-strategy-and-statecraft> (Accessed 4 March 2025).
- Jervis, R. (2017), *Perception and misperception in international politics*, Princeton University Press, Princeton, USA.

- Khong, Yu.F. (1992), *Analogies at war: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam decisions of 1965*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Mochtak, M. and Turcsanyi, R.Q. (2021), "Studying Chinese foreign policy narratives: Introducing the Ministry of Foreign Affairs press conferences corpus", *Journal of Chinese Political Science*, vol. 26, pp. 743–761, <https://doi.org/10.1007/s11366-021-09762-3>.
- Reynolds, I. and Jensen, B. (2024), "Can AI help end a war? Using generative AI to explore peace scenarios in Ukraine", *Center for Strategic and International Studies*, available at: <https://www.csis.org/analysis/can-ai-help-end-war-using-generative-ai-explore-peace-scenarios-ukraine> (Accessed 4 March 2025).
- Tsvetkova, N.A. (2020), "The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 37–47.
- Tsvetkova, N.A. (2024), "The role of historical analogies in U.S. foreign policy decision-making, 1945–2024", *Amerikanskii ezhegodnik – 2024* [American Yearbook – 2024], Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 57–80.
- Tsvetkova, N.A. (2025), "The predictive power of historical analogies in foreign policy decision-making: An AI-assisted approach" [Preprint], *Humanities and Social Sciences Communications*, Springer Nature/Research Square, available at: <https://www.researchsquare.com/article/rs-6490065> (Accessed 4 March 2025).
- Turcsanyi, R.Q., Liškutin, K. and Mochtak, M. (2023), "Diffusion of influence? Detecting China's footprint in foreign policies of other countries", *Chinese Political Science Review*, vol. 8, pp. 461–486, <https://doi.org/10.1007/s41111-022-00217-5>.

Информация об авторах

Наталья А. Цветкова, доктор исторических наук, профессор, Институт США и Канады РАН им. Г.А. Арбатова, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Хлебный пер., д. 2/3, стр. 1; n.tsvetkova@iskran.ru
ORCID ID: 0000-0002-0156-9069

Information about the author

Natalia A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (History), professor, Georgy Arbatov Institute for US and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 2/3, Khleby Line, Moscow, Russia, 117997; n.tsvetkova@iskran.ru
ORCID ID: 0000-0002-0156-9069

Джон Уэсли и методистский дискурс в британской пропаганде периода Американской революции

Мария А. Филимонова

*Курский государственный университет,
Курск, Россия, mar-filimonova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу роли Джона Уэсли и методистского дискурса в британской пропаганде периода Американской революции. Исследование фокусируется на соотношении между его личными взглядами, выраженными в частной переписке, и публичной проправительственной позицией, отраженной в памфлетах. Автор рассматривает ключевые концепты политической теории Уэсли – народ, свобода, республика – и их религиозное обоснование через призму Священного Писания. Особое внимание уделяется использованию антирабовладельческой риторики как инструмента антиамериканской пропаганды, а также эволюции взглядов Уэсли по мере развития конфликта.

Методологическая основа статьи включает историко-генетический анализ, дискурсивный анализ текстов Уэсли и сравнительно-исторический подход. Источниковую базу составляют памфлеты, письма и дневники Уэсли. Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении религиозного и политического дискурса Уэсли, раскрытии его роли не только как религиозного деятеля, но и как идеолога торийского толка. Статья вносит вклад в понимание взаимодействия религии и политики в эпоху Американской революции, а также демонстрирует, как Война за независимость повлияла на развитие методизма в США, несмотря на изначальную оппозицию Уэсли революционным идеям.

Ключевые слова: Джон Уэсли, методизм, Американская революция, британская пропаганда, религиозный дискурс, торийская идеология, народный суверенитет, свобода, республика, рабство

Для цитирования: Филимонова М.А. Джон Уэсли и методистский дискурс в британской пропаганде периода Американской революции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 28–41. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-28-41

John Wesley and the methodist discourse in the British propaganda during the American Revolution

Maria A. Filimonova
Kursk State University, Kursk, Russia,
mar-filimonova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role of John Wesley and the Methodist discourse in the British propaganda during the American Revolution. The study focuses on the relationship between his personal views expressed in the private correspondence and the public pro-government position reflected in the pamphlets. The author examines the key concepts of Wesley's political theory – the people, freedom, and the republic – and their religious interpretation through the prism of Holy Scripture. Particular attention is paid to the use of the anti-slavery rhetoric as a tool of the anti-American propaganda, as well as the evolution of Wesley's views as the conflict progressed.

The methodological basis of the article includes a historical-genetic analysis, a discursive analysis of Wesley's texts and a comparative historical approach. The source base consists of Wesley's pamphlets, letters, and diaries. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive study of Wesley's religious and political discourse, revealing his role not only as a religious figure, but also as a Tory ideologue. The article contributes to understanding the interaction of religion and politics during the American Revolution, and also demonstrates how the War of Independence influenced the development of Methodism in the United States, despite Wesley's initial opposition to revolutionary ideas.

Keywords: John Wesley, methodism, the American Revolution, British propaganda, religious discourse, Tory ideology, popular sovereignty, freedom, republic, slavery

For citation: Filimonova, M.A. (2025), "John Wesley and the methodist discourse in the British propaganda during the American Revolution", *RSUH/RGGU Bulletin "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 28–41, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-28-41

Введение

В антиамериканской пропаганде накануне и во время Войны за независимость США были задействованы лучшие интеллектуальные силы Великобритании, включая, например, Иеремию Бентама, Сэмюэля Джонсона, Джеймса Макферсона. Свой вклад в пропагандистские усилия британских тори внес и Джон Уэсли. Монографи-

ческих исследований, посвященных роли Уэсли как пропагандиста, не существует. Первые статьи по данной проблематике появились в связи с 200-летним юбилеем Войны за независимость. Исследователь религиозной жизни колониального Юга Дэвид Т. Морган изучал конспирологический дискурс в антиамериканских памфлетах Уэсли. Он обращал внимание на иронию ситуации: религиозный реформатор, противник официальной англиканской церкви, превратился в политического консерватора. Морган предупреждал, что не следует переоценивать влияние Уэсли на британское общественное мнение, хотя, вероятно, Уэсли мог повлиять на 70 тысяч британских методистов [Morgan 1975]. Аллан Реймонд, напротив, находил параллели между религиозными и политическими взглядами Уэсли, доказывая, что в обоих случаях основатель методизма придерживался патерналистской концепции общества. С точки зрения Уэсли, на методистах лежал двойной долг повиновения авторитету религии и государства [Raymond 1976]. В 1990-х гг. к исследованиям по данной теме подключился биограф Уэсли Генри Эйблав – американский историк и литературный критик. Его ключевая работа «Евангелист желания» была посвящена анализу сложного взаимодействия между основателем методизма и его последователями. Эйблав пытался ответить на вопрос, почему методизм оказался одним из самых успешных религиозных движений XVIII в., используя при этом фрейдистские подходы и опираясь на исследования Мишеля Фуко о роли сексуальности в истории [Abelove 1990]. В одной из своих статей Эйблав затрагивает проблему участия Уэсли в антиамериканской пропаганде, но в специфическом ключе. Он рассматривает предполагаемые заимствования, которые Уэсли сделал из памфлета С. Джонсона «Налогообложение – не тирания», а также реакцию современников на обвинения Уэсли в плагиате [Abelove 1996]. Из более современных работ следует назвать статью австралийского исследователя методизма Глена О'Брайена, задуманную как часть обширной работы о методистском дискурсе на тему войны. Его позиция в чем-то близка к позиции Моргана. О'Брайен также полагает, что Уэсли был реформатором в религии, но не в политике [O'Brien 2011].

В отечественной историографии антиамериканские тексты Уэсли до сих пор не были предметом анализа.

Соответственно, целью данной статьи является анализ роли Джона Уэсли и методистского дискурса в британской пропаганде периода Американской революции, а также изучение влияния его политических и религиозных взглядов на общественное мнение Великобритании и развитие методизма в США. Исследование охватывает период 1770–1780-х гг., от начала активного участия

Уэсли в пропаганде до признания им независимости Соединенных Штатов. Источниковую базу составили прежде всего труды Уэсли: памфлеты, письма, дневниковые записи.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы:

- историко-генетический метод позволил проследить эволюцию взглядов Уэсли на Американскую революцию;
- сравнительно-исторический метод использован для сопоставления позиции Уэсли с взглядами других политических деятелей эпохи;
- дискурсивный анализ помог выявить основные концепты и раскрыть особенности религиозного и политического дискурса в пропаганде Уэсли.

Использованная методология обеспечивает системный подход к изучению роли Джона Уэсли в идеологическом противостоянии эпохи Американской революции.

Исследование распадается на две части: собственно анализ антиамериканской памфлетистики Уэсли и исследование его влияния на методистское движение в США.

Антиамериканская памфлетистика Уэсли

Американская тематика затронута в целом ряде работ Уэсли: «Мысли о рабстве» (1774); «Спокойное обращение к нашим американским колониям» (1775); «Некоторые наблюдения о свободе, вызванные недавним трактатом» (1776); «Спокойное обращение к жителям Англии» (1777); «Серьезное обращение к народу Англии, касающееся положения наций» (1778); «Сочувственное обращение к жителям Ирландии» (1778).

Политические взгляды Уэсли обычно характеризуются как торийские [O'Brien 2011, p. 1]. Сам он также относил себя к тори, под которыми понимал тех, «кто верит, что источником всей гражданской власти является Бог, а не народ»¹.

Действительно, отправной точкой всех рассуждений Уэсли о власти являлось Священное Писание. В своем памфлете «Мысли относительно происхождения власти» (1772) он категорически заявлял: «Не могу не сознаться: я считаю правдивой старую книжку, которую обычно называют Библией»². Он ссылаясь на Посла-

¹ Gentleman's Magazine. 1785. Vol. 58. P. 932.

² Wesley J. Thoughts concerning the origin of power. Bristol: W. Pine, 1772. P. 5.

ние к Римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Римл. 13:1).

Он использовал религиозный дискурс, в том числе затрагивая вопросы текущей политики. Так, первоначальной причиной конфликта американских колоний с метрополией он считал грехи британцев по обе стороны океана³.

Он был убежден, что религиозные практики способны изменить ход событий сугубо мирских. По уверениям Уэсли, «как только Георг III объявил всеобщий пост, ход боевых действий переменялся в пользу британцев. Американцы больше не могли сражаться, ибо рука Божья на них»⁴.

Три базовых концепта, в соотношении с которыми Уэсли основывал свою политическую теорию, – народный суверенитет, свобода, республика.

Поскольку Уэсли исходил из божественной природы власти, то он последовательно отрицал народный суверенитет. Следуя английским правовым традициям, он подчеркивал, что нет прецедентов, которые показали бы, что английская монархия создана волей народа. Он перечислял королей Англии и риторически спрашивал, кто из них избран народом⁵. Он отрицал также роль народа в революциях XVII в. Он доказывал, что не народ, а кучка парламентариев приговорила Карла I к смерти. Не народ совершил Славную революцию. Вильгельм Оранский получил власть тем же путем, что и Вильгельм Завоеватель⁶.

Уэсли бил по уязвимым местам естественно-правовой теории. Он задавался вопросом: кто есть народ? Включены ли сюда все мужчины, женщины и дети? «Какими аргументами вы докажете, что женщина от природы не так же свободна, как мужчина? А если это так, почему у нее нет такого же права выбирать своих правителей?»⁷. Как это случалось в политическом дискурсе Уэсли, протофеминистическое по форме высказывание не являлось таковым по содержанию. Основатель методизма отнюдь не призывал дать женщинам избирательное право.

³ *Wesley J.* A calm address to our American colonies. L.: R. Hawes, 1775. P. 16.

⁴ *Wesley J.* The journal of the Rev. John Wesley: 8 vols. / ed. by N. Curnock, J. Telford. L.: R. Culley, 1909–1916. Vol. 11. P. 130. Какие именно события имеются в виду, сказать трудно.

⁵ *Wesley J.* Thoughts concerning the origin of power. P. 9.

⁶ *Ibid.* P. 10.

⁷ *Ibid.* P. 6.

Далее он рассматривал возрастные и имущественные цензы, ограничивавшие избирательное право в Великобритании⁸. В итоге политическая нация настолько сужалась, что Уэсли чувствовал себя вправе заявить: «Не ведаю, посредством какой фигуры речи вы называете оставшуюся жалкую горстку народом Англии»⁹. Исходя из этого, он возвращался к исходному пункту – божественному происхождению власти¹⁰.

Рассмотренная проблематика характерна не только для Уэсли, но и для его противников из числа радикальных вигов как в Великобритании, так и в Америке. Однако если радикальное крыло вигов использовало ограничения английского избирательного права как аргумент в пользу парламентской реформы [Семёнов 2008, с. 100–110], то Уэсли придавал тем же ограничениям охранительский смысл, превращая их в довод против любых реформ.

Коль скоро народный суверенитет отрицался, то проблема налогообложения без представительства, волновавшая американских вигов, попросту теряла смысл. В «Спокойном обращении к нашим американским колониям» Уэсли утверждал: «Ничто не может быть более очевидным, чем то, что верховная власть в Англии имеет законное право облагать их любым налогом с любой целью, выгодной для всей империи»¹¹. С его точки зрения, отрицание прав парламента вводить налоги в колониях было равнозначно отрицанию права парламента вообще принимать законы для колоний. Он доказывал, что законодательство и налогообложение неотделимы друг от друга¹². Дополнительным аргументом за парламентское налогообложение колоний для Уэсли было то, что ни одна колониальная хартия не запрещала такое налогообложение¹³.

Базовым концептом для Уэсли являлся концепт свободы, которая для него носила двоякий – гражданский и религиозный – характер. При этом британская парламентская монархия была в его глазах воплощением идеальной свободы. Он доказывал: «Разве мы в Англии не располагаем полной свободой выбрать любую религию или не иметь вообще никакой? Быть не более религиозными... чем бык или свинья?». Соответственно, тот, кто хочет большей

⁸ Ibid. P. 7–8.

⁹ Ibid. P. 8.

¹⁰ Ibid. P. 12.

¹¹ Wesley J. A calm address to our American colonies. P. 3.

¹² Ibid. P. 3–4.

¹³ Wesley J. The letters: 8 vols. / ed. by J. Telford. L.: Epworth, 1931. Vol. 6. P. 193.

религиозной свободы в Англии, просто лишен стыда¹⁴. Жизнь и собственность англичанина находятся в полной безопасности от произвола властей¹⁵. Из этого делался вывод: «В нынешнее время мы пользуемся свободой, гражданской и религиозной, как никакое королевство или республика Европы и мира... Будем же благодарны за нее королю и Богу!»¹⁶.

Концепт свободы связан с аболиционистскими текстами Уэсли, хотя лишь отчасти. Уэсли был противником рабовладения. Он считал, что рабство африканцев было одним из величайших зол, с которым христианин должен бороться. В 1743 г., когда он писал «Общие правила» для методистских обществ, он запретил «покупать или продавать тела и души мужчин, женщин и детей с намерением обратить их в рабство» [Mathews 2015, p. 5–6]. Хотя бы отчасти этот запрет проводился в жизнь. В Мэриленде, например, где уэслианская проповедь впервые началась на Юге США, в период с 1783 по 1799 г. на преимущественно методистской территории было освобождено более 1800 рабов [Mathews 2015, p. 18].

Подобно другим торийским пропагандистам, Уэсли использовал антирабовладельческую риторику как антиамериканский аргумент. В «Некоторых наблюдениях о свободе» он рассматривал понятие «рабства» как политической метафоры и развенчивал эту метафору. Он напоминал, что «таково состояние тысячи, десяти тысяч негров в американских колониях»¹⁷. Однако это не было действительно антирабовладельческим высказыванием. Он лишь напоминал, что если африканцы в Америке находятся в реальном рабстве, то положение белых американцев совсем иное.

Проанализируем представления Уэсли о республике. Для него это образ угрозы. Если английская монархия для него – воплощение свободы, то республика ассоциируется с тиранией. С монархией связаны «светлые» характеристики (милосердие, законность, богобоязненность). Республика же – средоточие «темных» качеств (жестокость, нарушения прав и свобод, репрессии). Обращаясь к американцам, он предостерегал их: «Ни одно правительство на свете не является таким деспотичным, как республиканское». В подтверждение он ссылаясь на опыт Венеции, Генуи и Нидерландов. Он писал: «Если бы кто-нибудь заговорил или написал о голландском правительстве так же, как любой сапожник говорит

¹⁴ *Wesley J.* Thoughts upon liberty. By an Englishman. Bristol, 1772. P. 15.

¹⁵ *Ibid.* P. 15–16.

¹⁶ *Ibid.* P. 23.

¹⁷ *Wesley J.* Some observations on liberty: Occasioned by a late tract. L.: R. Hawes, 1776. P. 25.

об английском, его заковали бы в кандалы, прежде чем он понял бы, где находится. И тогда горе ему! Республики не проявляют милосердия»¹⁸. В своем дневнике он записывал рассказы о преследовании лоялистов в Америке, видимо, подтверждавшие его негативное мнение о республиканцах¹⁹.

Стоит отметить, что те же концепты – народный суверенитет, свобода, республиканизм – положены в основу Декларации независимости США. Совпадение не случайно, потому что именно они составляли идейное поле политической философии Просвещения. Но трактовки Уэсли и Джефферсона противоположны. Там, где американский просветитель создавал теорию государственности США на основе права народа на создание правительства и естественных прав человека²⁰, там Уэсли ограничивал понимание свободы пределами существующей в Великобритании политической системы. Джефферсон выстраивал последовательное отторжение монархии, Уэсли столь же последовательно отвергал республиканизм. При этом оба прибегали к конспирологическому дискурсу, но субъект предполагаемого заговора у них разный (об этом речь пойдет ниже).

Американцы были для Уэсли объектом отторжения вдвойне, как «мятежники» и как республиканцы, восставшие против своего короля. Американскую революцию он воспринимал как апофеоз грабежей, разрушения и бесчеловечности. Он живописал жестокость американцев: «Они могут сжигать дома и загонять мужчин, женщин и детей в дикие леса в разгар зимы. Да, они могут хоронить целые города, не обращая внимания на больных и престарелых, которые неизбежно погибнут в огне... О, американская добродетель! И это те люди, которых предлагают в качестве образца для всей Европы?»²¹.

Он также обращался к личностям американских лидеров, прежде всего Джона Хэнкока²². Уэсли обвинял Хэнкока в занятиях контрабандой. С его точки зрения, это было не лучше грабежа на

¹⁸ *Wesley J.* A calm address to our American colonies. P. 14.

¹⁹ См., например, рассказ о лоялисте из Мэриленда, который чудом спасся от преследований: *Wesley J.* The journal... Vol. 6. P. 265–266.

²⁰ Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс: Универс, 1993. С. 25.

²¹ *Wesley J.* The journal... Vol. 11. P. 130.

²² Поскольку Джон Хэнкок первым подписался под Декларацией независимости США, в Англии его иногда принимали за автора этого документа.

большой дороге. «Может ли он теперь быть *pro patria*?»²³ – задавался вопросом англичанин.

А. Рэймонд, анализируя политические тексты Уэсли, приходил к выводу, что преследование методистов, Декларация независимости и ненависть Уэсли к рабству в совокупности укрепили его проправительственные позиции [Raymond 1976, p. 326]. Но такое объяснение представляется несколько поверхностным. Восприятие власти как божественного установления и, соответственно, трактовка протестных движений как неминуемого перехода от свободы к деспотизму делали негативную реакцию Уэсли на Американскую революцию совершенно неизбежной, даже если бы американцы не преследовали методистов и не пытались отделиться от империи. Протестующий народ был для Уэсли «многоглавым чудищем», неважно, в Англии или в Америке.

В «Спокойном обращении к нашим американским колониям» много аргументов, позаимствованных у С. Джонсона [Abelove 1996]. Но Уэсли привнес в антиамериканскую пропаганду и собственные убеждения, а именно, теорию заговора. В «Спокойном обращении» Уэсли взывал к американцам: «Братья, откройте глаза!.. Интриганы, Ахитофели, находятся в Англии; они так глубоко продумали свой план и так хорошо его замаскировали, что тысячи людей, которые приводят его в действие, вообще ничего не подозревают об этом»²⁴.

Судя по тексту «Спокойного обращения», Уэсли считал организаторами заговора английских радикалов, таких, как Дж. Уилкс, Р. Прайс, Дж. Пристли, которых он подозревал в намерении свергнуть монархию. Уэсли предполагал, что план радикалов состоял в том, чтобы отделить североамериканские колонии от Великобритании, что отвлекло бы военные силы метрополии на подавление Американской революции, а в самой Англии вызвало бы массовое недовольство²⁵. Как уже говорилось выше, конспирология была не чужда и Джефферсону, но американец видел (или ему казалось, что видел) заговор короля Георга III против свобод Америки²⁶. Уэсли же видел в короле главную жертву предполагаемого заговора.

²³ *Wesley J.* Some observations on liberty. P. 6–7. *Pro patria* – за родину (лат.).

²⁴ *Wesley J.* A calm address to our American colonies. P. 15.

²⁵ *Ibid.* P. 11–13.

²⁶ «История правления ныне царствующего короля Великобритании – это набор бесчисленных несправедливостей и насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма» (Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. С. 25–26).

Судя по всему, Уэсли искренне опасался распространения республиканских настроений в Англии. В алармистском по тону письме к лорду Дартмуту он сильно сгущал краски, доказывая, что посредством вигских газет «основная масса народа была полностью избавлена от всякой любви и почтения к королю»²⁷. Впрочем, со временем угол его зрения смещался. В 1777 г., во втором издании «Спокойного обращения», Уэсли обвинял в подстрекательстве к мятежу не столько неведомых английских Ахитофелей, сколько американских политиков²⁸.

В целом в своих политических произведениях Уэсли создавал своеобразную консервативную вариацию Просвещения. Он соединял религиозный и светский дискурс, раскрывал не протестный, а охранительский потенциал естественно-правовой теории.

Самым популярным из политических сочинений Уэсли стало «Спокойное обращение к нашим американским колониям». Его широкое распространение было связано с ценовой политикой и особенностями самого текста. Памфлет был небольшим, популярно написанным, а главное, дешевым. «Спокойное обращение» стоило всего два пенса [Morgan 1975, p. 122]. Памфлет действительно хорошо расхodziлся на Британских островах. По оценке самого Уэсли, общий тираж вместе с перепечатками в газетах достигал ста тысяч²⁹.

Интересно при этом, что, по всей видимости, несмотря на формальную обращенность к американцам, именно до них текст и не дошел. Не известно ни об американских переизданиях памфлета, ни о его распространении по каналам американских методистов [Morgan 1975, p. 123]. Американцы знали о торийских взглядах Уэсли, но лишь понаслышке. Зато в Великобритании «Спокойное обращение» ждал успех. Уэсли полагал, что смог переубедить тысячи англичан. «Эффект превзошел мои самые оптимистичные ожидания»³⁰, — записывал он в дневник. Д. Морган считает, что Уэсли здесь чрезмерно оптимистичен. Вероятно, его памфлет не столько формировал мнение масс, сколько отражал его [Morgan 1975, p. 121–122].

²⁷ Wesley J. The letters. Vol. 6. P. 158–159.

²⁸ См. анализ: [Raymond 1976, p. 316–328; Morgan 1975, p. 128–129].

²⁹ Wesley J. The journal... Vol. 6. P. 138.

³⁰ Ibid. P. 138.

Уэсли и Война за независимость США

Уэсли сознавал, что обостряющийся англо-американский конфликт чреват тяжелыми последствиями по обе стороны Атлантики. Почти в самый день начала Войны за независимость (о чем Уэсли знать еще не мог), он писал методистскому проповеднику Т. Рэнкину: «Я боюсь, что вас скоро ждет день испытаний; тучи нависли и над Англией, и над Америкой»³¹.

Когда же до Уэсли дошли известия о сражениях при Конкорде и Лексингтоне, он был потрясен. Он даже считал нужным написать министру по делам колоний лорду Дартмуту и изложить свои взгляды на перспективы войны. В письме он решительно опровергал распространявшиеся газетами утверждения о военной слабости американцев, их разобщенности. Он не ждал легкого триумфа метрополии³². У американцев, с его точки зрения, было как минимум два преимущества: «ужасная сплоченность» и «энтузиазм свободы»³³. Письмо завершалось многозначительной фразой: «Вспомните Филиппа Второго! Вспомните короля Карла Первого!»³⁴.

Риторика этого письма резко отличалась от общего тона торийской пропаганды, которая чрезмерно оптимистично оценивала военные перспективы Великобритании.

Уэсли и развитие методизма в США

Уэсли, конечно, не мог не задумываться и о том, как отразится Американская революция на методистах в Америке. Он убеждал своих американских последователей соблюдать строгий нейтралитет: «Ваша задача — быть миротворцами, проявлять любовь и нежность ко всем, но не привязываться ни к какой партии»³⁵.

В условиях высоко идеологизированного конфликта, каким и была Война за независимость США, пацифизм методистов воспринимался обеими сторонами как предательство. Положение методистов дополнительно ухудшалось из-за лоялистской позиции Уэсли. Его ученик и протеже Фрэнсис Эсбери откровенно признавался в своем дневнике: «Искренне жаль, что этот почтенный человек вмешался в политику Америки... некоторые неосмотрительные люди

³¹ Wesley J. The letters. Vol. 6. P. 148.

³² Ibid. P. 156.

³³ Ibid. P. 157.

³⁴ Ibid. P. 160.

³⁵ Ibid. P. 142.

воспользовались этим поводом для преследования методистов в Америке»³⁶.

По мере того как Война за независимость США принимала неблагоприятный для их бывшей метрополии оборот, риторика Уэсли менялась. Если письмо к лорду Дартмуту было предельно пессимистичным, то в своих памфлетах 1778 г. Уэсли пытался подбодрить читателя. Он убеждал, что Англия и Ирландия по-прежнему находятся в безопасности от своих врагов, несмотря на тяжелое поражение при Саратого и заключение франко-американского договора³⁷. С течением времени Уэсли все реже упоминал о войне и, казалось, находил утешение в вере. Создавалось впечатление, что Господь очищает обе стороны конфликта, устраняя грешников с помощью своего карающего меча³⁸.

К 1784 г. Уэсли был готов смириться с неизбежным. Он направил в США письмо, адресованное американским методистам. В письме говорилось следующее: «Поскольку наши американские братья теперь полностью отделились как от государства, так и от английской иерархии, мы не смеем снова связывать их ни с тем, ни с другим... И мы считаем, что лучше всего им твердо держаться за ту свободу, которой Бог так странно наделил их»³⁹.

Действительно, американские методисты в итоге полностью отделились от «английской иерархии», создав собственную церковь. В 1790-х гг., на волне Второго великого пробуждения, методизм стал одной из крупнейших протестантских деноминаций в США [Bilhartz 1986, p. 35; McCleary 2015, p. 7].

Заключение

В статье впервые в отечественной историографии проведен комплексный анализ политических текстов Уэсли, а также дана оценка влияния его памфлетистики на общественное мнение Британии и последующее развитие методизма в США. На основании исследованных источников можно сделать вывод, что на базе сочетания религиозного и политического дискурса Уэсли создавал собственную версию торийской пропагандистской риторики. В какой-то мере его взгляды представляли собой консервативную версию Просвещения.

³⁶ *Asbury F.* The journal and letters: 3 vols. / ed. by E.T. Clark. L.; Nashville, 1958. Vol. 1. P. 181.

³⁷ *Wesley J.* The letters. Vol. 6. P. 360.

³⁸ *Ibid.* Vol. 7. P. 36–37.

³⁹ *Ibid.* P. 239.

Уэсли последовательно выступал против Американской революции, но вынужден был признать ее результаты. Та же самая революция, от которой он ждал катастрофических последствий, привела, помимо всего прочего, к расцвету его собственного детища – американского методизма.

Литература

- Семёнов 2008 – *Семёнов С.Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII в. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2008. 360 с.
- Abelove 1990 – *Abelove H.* The Evangelist of desire: John Wesley and the methodists. Stanford: Stanford University Press. 1990. 136 p.
- Abelove 1996 – *Abelove H.* John Wesley's plagiarism of Samuel Johnson and its contemporary reception // *The Huntington Library Quarterly*. 1996. Vol. 59. No. 1. P. 73–79.
- Bilhartz 1986 – *Bilhartz T.D.* Urban religion and the second Great Awakening: Church and society in early national Baltimore. Cranbury: Fairleigh Dickinson University Press, 1986. 236 p.
- Mathews 2015 – *Mathews D.G.* Slavery and methodism: A chapter in American morality, 1780–1845. Princeton: Princeton University Press 2015. 342 p. (Princeton Legacy Library)
- McCleary 2015 – *McCleary P.* Reform movements in methodism brought on by societal issues. 1830–1885. N.Y.: Xlibris, 2015. 214 p.
- Morgan 1975 – *Morgan D.T.* “The dupes of designing men”: John Wesley and the American Revolution // *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*. 1975. Vol. 44. No. 2. P. 121–131.
- O'Brien 2011 – *O'Brien G.* A calm address to our American colonies: John Wesley's rebuke to the rebels of North America. 2011. Jul 22. URL: https://www.academia.edu/5947852/A_Calm_Address_to_our_American_Colonies_John_Wesleys_Rebuke_to_the_Rebels_of_North_America (дата обращения 21.02.2025).
- Raymond 1976 – *Raymond A.* “I fear God and honour the king”: John Wesley and the American Revolution // *Church History*. 1976. Vol. 45. No. 3. P. 316–328.

References

- Abelove, H. (1990), *The Evangelist of desire: John Wesley and the methodists*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Abelove, H. (1996), “John Wesley's plagiarism of Samuel Johnson and its contemporary reception”, *The Huntington Library Quarterly*, vol. 59, no. 1, pp. 73–79.

- Bilhartz, T.D. (1986), *Urban religion and the second Great Awakening: Church and society in early national Baltimore*, Fairleigh Dickinson University Press, Cranbury, USA.
- Mathews, D.G. (2015), *Slavery and methodism: a chapter in American morality, 1780–1845*, Princeton University Press, Princeton, USA. (*Princeton Legacy Library*)
- McCleary, P. (2015), *Reform movements in methodism brought on by societal issues. 1830–1885*, Xlibris, New York, USA.
- Morgan, D.T. (1975), “The dupes of designing men’: John Wesley and the American Revolution”, *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*, vol. 44, no. 2, pp. 121–131.
- O’Brien, G. (2011), *A calm address to our American colonies: John Wesley’s rebuke to the rebels of North America*, 2011, Jul. 22, available at: https://www.academia.edu/5947852/A_Calm_Address_to_our_American_Colonies_John_Wesleys_Rebuke_to_the_Rebels_of_North_America (Accessed 21 Feb. 2025).
- Raymond, A. (1976), “‘I fear God and honour the King’: John Wesley and the American Revolution”, *Church History*, vol. 45, no. 3, pp. 316–328.
- Semyonov, S.B. (2008), *Radikal’noe dvizhenie i bor’ba za parlamentskuyu reformu v Anglii vo vtoroi polovine XVIII v.* [The radical movement and the struggle for a parliamentary reform in England in the second half of the 18th century], Izdatel’stvo SamNTs RAN, Samara, Russia.

Информация об авторе

Мария А. Филимонова, доктор исторических наук, Курский государственный университет, Курск, Россия; 305000, Россия, Курск, ул. Радищева, д. 33; mar-filimonova@yandex.ru

Information about the author

Maria A. Filimonova, Dr. of Sci. (History), Kursk State University, Kursk, Russia; 33, Radishchev St., Kursk, Russia, 305000; mar-filimonova@yandex.ru

Особенности советско-британского концессионного сотрудничества в 1920-х гг.

Евгений Ю. Сергеев

*Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия, eugene.sergeev59@gmail.com*

Аннотация. Статья раскрывает особенности советско-британского взаимодействия в сфере концессионной деятельности на протяжении 1920-х гг., когда обе стороны столкнулись с серьезными трудностями в процессе послевоенной реконструкции их экономик. Поиск большевистским правительством новых форм привлечения иностранного капитала для ускоренной индустриализации соответствовал стремлениям британских промышленников получить источники дешевого сырья, чтобы расширить рынки сбыта технических товаров и оборудования. Несмотря на политические трудности, именно концессии могли стать удобным каналом поступления иностранных капиталовложений в СССР. Статистические данные свидетельствуют о том, что этому способствовала новая экономическая политика (нэп), получившая поддержку кремлевского руководства и нашедшая позитивный отклик европейской общественности. К середине первого послевоенного десятилетия советское руководство получило несколько тысяч концессионных предложений западных компаний, включая британские, которые наряду с германскими производителями занимали лидирующие позиции еще в хозяйстве Российской империи. Автор опровергает ошибочное мнение о тотальной экономической блокаде, якобы установленной капиталистическими странами, чтобы экономически «задушить» Страну Советов. На практике в период расцвета иностранных концессий (1925–1927 гг.) доля производства отдельных видов продукции на предприятиях с участием иностранного капитала составляла от 30 до 80%. Однако, как показывает статья, основанная на архивных документах и опубликованных материалах, целый ряд объективных и субъективных факторов не могли не привести к краху советско-британского концессионного сотрудничества в первой половине 1930-х гг. Типичным примером явилось дело «Лены Голдфилдс», подробно рассмотренное автором публикации.

Ключевые слова: советско-британские отношения, иностранные концессии в СССР, новая экономическая политика (нэп), первый пятилетний план, Лена-Голдфилдс

Для цитирования: Сергеев Е.Ю. Особенности советско-британского концессионного сотрудничества в 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 42–57. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-42-57

Features of the Soviet-British concession collaboration in the 1920s

Evgenii Yu. Sergeev

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, eugene.sergeev59@gmail.com*

Abstract. The article reveals the features of the Soviet-British cooperation in the field of concession activities during the 1920s, when both sides faced serious difficulties in the process of post-war reconstruction of their economies. The Bolshevik government's search for the new forms of attracting foreign capital for accelerated industrialization corresponded to the aspirations of British industrialists to obtain the sources of cheap raw materials to expand the markets for technical goods and equipment. Despite the political difficulties, it was the concessions that could become a convenient channel for foreign investment in the USSR. Statistics show that this was facilitated by the New Economic Policy (NEP), which gained the support of the Kremlin leadership and found a positive response from the European public. By the middle of the first post-war decade, the Soviet leadership had received several thousand concession offers from Western companies, including the British ones, which, along with the German manufacturers, still occupied the leading positions in the economy of the Russian Empire. The author refutes the erroneous opinion about a total economic blockade allegedly set up by capitalist countries in order to economically “strangle” the Land of the Soviets. In reality, the share of the certain types of products at enterprises with the participation of foreign capital ranged from 30 to 80% during the heyday of foreign concessions (1925–1927) in the USSR. However, as the article, based on archival documents and published materials, shows, a number of objective and subjective factors could not but lead to the collapse of the Soviet-British concession cooperation in the first half of the 1930s. A typical example was the case of the “Lena Goldfields”, which was analyzed in detail by the author of the publication.

Keywords: Soviet-British relations, foreign concessions in the USSR, New Economic Policy (NEP), first five-year plan, Lena Goldfields

For citation: Sergeev, E.Yu. (2025), “Features of the Soviet-British concession collaboration in the 1920s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 42–57, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-42-57

По мнению многих современников – политиков, дипломатов, экономистов – глобальное хозяйство к середине 1920-х гг. преодолело основные последствия мировой войны, что, казалось бы, открыло эру бесконфликтного движения человечества по пути процветания. Отражением этих настроений стало восстановление золотого стандарта ведущими державами, ускоренное развитие новых отраслей и беспрецедентный экономический бум в США, который позволил современникам назвать первое послевоенное десятилетие «эрой процветания» (*prosperity*).

Распад четырех империй и возникновение более десятка национальных государств на их месте привели к сокращению внутренних рынков, возведению таможенных барьеров на новых границах и затруднениям для свободного перемещения через них людей, капиталов и товаров на фоне локальных конфликтов. Ситуация усугублялась ревизионистскими тенденциями в деятельности сменявших друг друга германских правительств, приходом к власти крайне правых националистов (фашистов) в Италии, а также неприятием Советской Россией условий Версальского миропорядка.

Несмотря на переход глобального первенства по объему промышленной продукции и товарооборота к США, изоляционистская позиция американских правящих кругов на международной арене позволяла Великобритании сохранить лидерство в сферах банковских услуг, страхования, фрахта морских грузовых перевозок и других видах «невидимого экспорта» [Boyse 2009, pp. 260–261].

Возвращение консервативного правительства С. Болдуина к золотому стандарту в 1925 г., казалось бы, укрепило экономическое положение Соединенного Королевства (СК). Однако устаревание основных фондов, прежде всего оборудования тяжелой промышленности, заставляло британские компании оптимизировать производство для сокращения издержек. Это приводило к росту безработицы, а вслед за ней и социальной напряженности [Pollard 1983, p. 51]. К неблагоприятным факторам экономического характера, повлиявшим на общее положение дел, следовало отнести возрастание конкуренции со стороны американских, японских, французских, а затем и германских производителей товаров с высокой добавленной стоимостью, что сокращало экспортные возможности британской индустрии [Hayes 1978, p. VII]. Насущная потребность сохранения имперского статуса и обеспечения социального порядка внутри СК определяла задачи британского правительства в области экономики. Их решение затруднялось падением цен на основные потребительские товары во второй половине 1920-х гг., а также зависимостью внутреннего рынка от импорта зарубежного сырья [Knieckerbocker 1931, pp. 212–222].

В этой связи британские производители выражали заинтересованность в развитии хозяйственных связей с Советской Россией, необходимость ускоренной индустриализации которой требовала от кремлевского руководства использования новых методов управления экономикой. Они обуславливались модернизацией промышленности и формированием современного аграрного комплекса на основе резкого повышения производительности труда. Для выполнения этих задач предполагалось использовать не только внутренние источники капиталовложений, но и зарубежные инвестиции. Однако их привлечение затруднялось отсутствием в СССР частной собственности и существованием государственной монополии внешней торговли. Выходом из сложившегося положения в условиях новой экономической политики (нэп) могли стать иностранные концессии – смешанные государственно-частные предприятия, которые создавались согласно договорам, заключенным на длительный срок (обычно на 3–20 лет) между Государственным концессионным комитетом (ГКК) при Совете народных комиссаров (СНК) и зарубежными компаниями.

Несмотря на то что отечественные и зарубежные исследователи уже обращались к рассмотрению концессионной политики советского государства, характер, особенности и значение этой формы экономического взаимодействия между СССР и СК до настоящего времени не являлись предметом изучения [Красин 1928, с. 385–394; Бутковский 1928; Sutton 1968–1971; Касьяненко 1972, с. 179–191; Шишкин 1983, с. 247–273; Донгаров 1990, с. 84–120; Lewis 1994, pp. 198–215; Давыдова 2002, с. 72–91; Шпотов 2008, с. 184–192]. Поэтому цель статьи заключается в попытке восполнить указанный пробел, опираясь на материалы российских и британских архивов, обзоры экспертов, воспоминания современников и статистические данные, обобщенные в справочных изданиях. Автор стремится реконструировать объективную картину советско-британского взаимодействия в области концессий, устранив ее искажения и детализировав ряд аспектов.

Важно отметить, что руководителями ГКК, который формально подчинялся Концессионной комиссии Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), просуществовав с 21 августа 1923 г. до 14 декабря 1937 г., как правило, назначались авторитетные большевистские деятели, включая таких известных лиц как Г.Л. Пятаков (занимал пост председателя с 1923 по 1925 г.), Л.Д. Троцкий (в 1925–1927 гг.) и Л.Б. Каменев (в 1929–1932 гг.) [Донгаров 1990, с. 85]. Несмотря на это, советская концессионная политика на протяжении 1920-х гг. испытывала подъемы и спады благодаря нескольким факторам: колебаниям общего курса кремлевского

руководства, ожесточенной внутрипартийной борьбе, а также изменениям международной ситуации.

Учитывая значительную роль, которую традиционно играли британские банки и компании в хозяйственных связях России с другими государствами, большевистскому руководству в новых условиях требовалось заинтересовать их в концессионной программе как неотъемлемой части нэп. Однако восстановление, а тем более расширение контактов с «капитанами британской индустрии» было затруднительно главным образом по политическим мотивам. Таковыми на протяжении 1920-х гг. являлись, во-первых, недоверие к кремлевскому руководству со стороны банкиров лондонского Сити, вызванное национализацией собственности британских юридических и физических лиц в годы революции и гражданской войны, а во-вторых, негативное восприятие большевистского режима общественностью СК из-за неурегулированности вопроса о российских государственных и частных долгах Великобритании. Характерно, что в отчете ГKK за 1925–1926 финансовый год отмечалось: «К сожалению, политические взаимоотношения с Англией также очень мешают нам использовать имеющиеся на английском рынке концессионные возможности»¹.

Как известно, согласно условиям концессионного договора, в обмен на развитие производства зарубежный инвестор приобретал право получать сверхприбыль, облагаемую налогом по льготным ставкам, а также пользоваться другими преимуществами по ввозу и вывозу капитала из страны [Sutton 1968–1971, p. 7]. Таким образом, с 1922 по 1929 г. советское правительство получило 2670 (из них 223 британских) предложений о концессиях. Однако в 1928 г. реально действовало лишь 113 концессий с общим капиталом 68 млн руб. (по другим данным – 57,7 млн руб.) [Sutton 1968–1971, p. 44]. На концессионных предприятиях были заняты около 20 тыс. работников, что давало примерно 1% всей промышленной продукции народного хозяйства Страны Советов. Хотя в отдельных отраслях, как, например, в изготовлении электротехнического оборудования, добычи цветных металлов и золота эта доля могла в разные годы достигать 30–60 и даже 100% [Бутковский 1928, с. 32, 42, 53, 93; Касьяненко 1972, с. 179; Давыдова 2002, с. 72]. Приведенные данные опровергают распространенную в советской историографии легенду об «экономической изоляции» страны, трудящиеся

¹ Отчет ГKK при СНК СССР за 1925–1926 гг., 10 февраля 1927 г. // Иностранные концессии в СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы / ред. М.М. Загоруйко. М.: Современная экономика и право, 2005. Т. 2. С. 263.

которой якобы строили социализм исключительно на собственные средства.

Общее количество соглашений, подписанных ГKK с британскими компаниями, составило 22, причем пик инвестиционной активности пришелся на период расцвета нэп с 1923 по 1926 г., когда стороны заключили 19 договоров (правда, одновременно были ликвидированы 5 британских концессий²). По количеству созданных предприятий на концессионной основе за все годы нэп английские компании занимали второе место, хотя и значительно уступали немецким (соответственно 205 и 709)³.

По мнению ряда авторов, наиболее успешным периодом деятельности ГKK стали 1925–1927 гг., когда ее аппарат находил поддержку у председателя СНК А.И. Рыкова – решительного сторонника концессионной политики [Шпотов 2008, с. 184]. Характерно, что даже разрыв дипломатических отношений между Москвой и Лондоном в конце мая 1927 г. первоначально не повлиял на концессионную политику. Так, в проекте постановления СНК по отчетному докладу ГKK от 2 июля 1927 г. говорилось о ее продолжении как «одного из серьезных факторов упрочения нашего международного положения»⁴. Однако реорганизация ГKK, объявленная 14 декабря 1927 г. вскоре после снятия с должности его председателя Троцкого, свидетельствовала о неоднозначном подходе ряда кремлевских лидеров к деятельности совместных предприятий.

Казалось, что начало первой пятилетки способно вызвать новый всплеск концессионной активности в 1928 г., когда Рыков поручил Госплану СССР разработать перспективную программу, Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило «Основные положения по привлечению иностранного капитала», а зарубежные инвесторы получили приглашение вкладывать финансовые средства в более чем 100 крупных хозяйственных объектов из-за острого внутреннего дефицита свободных финансовых средств⁵. Но общая трансформация политического курса на рубеже первого и второго послевоенных десятилетий наряду с началом Великой Депрессии 1929–1933 гг. не могли не привести к сокращению концессионной деятельности, а спустя несколько лет и к полному отказу от нее. Переломным моментом

² Иностраннные концессии в СССР. Т. 2. С. 248–250.

³ Там же. С. 217.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 1440. Л. 25–26: Проект постановления СНК по отчетному докладу ГKK, 2 июля 1927 г.

⁵ Там же. Д. 1859. Л. 2–64 об.: Отчет о работе ГKK при СНК СССР за 1927–1928 г., 23 августа 1929 г.

сотрудничества Москвы и стран Запада, включая Великобританию, в этой области явилось решение СНК от 27 декабря 1930 г. о прекращении новых концессионных соглашений [Данильченко 2000, с. 16]. Спустя три дня секретное постановление СНК «Об организации концессионного дела» фактически заменило такие соглашения договорами о техническом сотрудничестве. К середине 1930-х гг. в СССР продолжали действовать лишь 34 (по другим данным – 37) концессий, а спустя пять лет их вообще не осталось, кроме советско-японского нефтедобывающего предприятия на Сахалине [Sutton 1968–1971, 2, pp. 1–17; Давыдова 2002, с. 83–85].

Отчет комиссии по чистке аппарата ГKK от 10 августа 1930 г. содержал претензии ревизоров относительно раздутости штатов, слабости трудовой дисциплины и общем «искривлении линии партии». В отчете сотрудников надзорных органов подчеркивалось: «Отношение аппарата к отдельным концессионерам в целом не соответствует той позиции, которую должны занимать партийные и советские работники»⁶. Несмотря на явные плюсы иностранных концессий – отчисление части валютной прибыли в госбюджет, ввоз в страну современного оборудования и передовых технологий, решение проблемы безработицы и более высокие, почти в 1,5–2 раза, заработки трудящихся, занятых на концессионных предприятиях, они оставались для советской экономики инородным телом [Данильченко 2000, с. 15].

Из-за перехода к административно-командной системе концессионная политика отторгалась советским государством, столкнувшись с трудностями, которые очень скоро привели ее в тупик. Главные из них заключались в существенных различиях оплаты и условий труда концессионных и государственных предприятий, трудностях проведения валютных операций при параллельном существовании номинального и реального курсов рубля, а также обязательстве передать основные фонды большевистскому государству после окончания срока действия соглашений. Наконец, многие советские граждане под влиянием пропаганды рассматривали иностранных концессионеров как врагов рабочего класса⁷.

Из основных видов концессий в практике советско-британских хозяйственных отношений преобладали смешанные формы, подразумевавшие долевое участие отечественного и иностранного капитала наряду с оказанием технического содействия зарубежными

⁶ Отчет о деятельности рабоче-крестьянской комиссии Народного комиссариата РКИ СССР по чистке аппарата ГKK при СНК СССР, 10 августа 1930 г. // Иностранные концессии в СССР. Т. 2. С. 151.

⁷ Иностранные концессии в СССР. Т. 2. С. 263.

специалистами. Наиболее крупными британскими концессиями по объему инвестиций во второй половине 1920-х гг. являлись компании, добывавшие полезные ископаемые: «Лена Голдфилдс», «Тетюхе Майнинг Корпорейшн», «Аян Корпорейшн» и «Приамурское горнопромышленное акционерное общество». Все они имели договоры на срок более 30 лет. Хотя в других отраслях также работали совместные предприятия, например, «Метрополитен-Виккерс Электрикал Компани» – в электротехнической промышленности, «Московский индустриальный синдикат» – в химической и строительной, «Русанглолес» и «Двинолес-экспорт» – в деревообрабатывающей, «Руссобрит», «Трусе» и «Унион» – в сельском хозяйстве [Бутковский 1928, с. 79; Донгаров 1990, с. 97–98, 108].

История деятельности в России каждой из перечисленных британских концессий требует специального рассмотрения. Однако стоит подробнее остановиться на одной из них – «Лена Голдфилдс» (далее – «Лена») как наиболее показательном примере несовместимости принципов рыночной экономики и административно-командных методов управления народным хозяйством. Указанный выбор оправдан еще двумя обстоятельствами: во-первых, «Лена» являлась крупнейшим и наиболее длительно действовавшим концессионным проектом британцев в России, а во-вторых, к началу 1930-х гг. она обеспечивала 30–35% (по разным оценкам) добычи не только банковских, но и некоторых стратегических цветных металлов [Sutton 1968–1971, vol. 1, pp. 47, 95–99; vol. 2, pp. 23–31; Донгаров 1990, с. 96–97]⁸.

С 1908 г. «Лена» занималась добычей золота, серебра и полиметаллических руд (цинка, свинца и меди) на месторождениях в пределах Ленско-Витимского горного округа Сибири площадью 7 тыс. кв. км, Ревдинского и Сысертского районов Урала площадью 1,5 тыс. кв. км, а также Змеиногорского и Зырянского округов Алтая на пространстве в 12 тыс. кв. км⁹. Потеряв все капиталы и имущество из-за национализации большевистским правительством, владельцы корпорации во главе с председателем правления Г. Гведаллой после длительных переговоров с упоминавшимся председателем ГKK Пятаковым все же добились 30 апреля 1925 г.

⁸ *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. М.: Наука, 1964. Кн. 2. С. 157–161; Иностранные концессии в СССР. Т. 2. С. 433–437, 719–727; 729–730.

⁹ Annual report on the Soviet Union, 1930. Ovey, British ambassador to USSR, to Henderson, UK foreign minister, 10 March 1931 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). Foreign Office Papers (FO) 418/132. F. 14.

заключения концессионного соглашения сроком на 30–50 лет в зависимости от месторождения¹⁰.

По его условиям концессионеры обладали довольно широкими правами, включая освобождение от арендной платы за использование основных фондов. В то же время они обязывались инвестировать в основной капитал 22 млн руб. [Балашов 2012, с. 124], отчисляя ежегодно в госбюджет от 4 до 8% валовой прибыли (норма зависела от вида продукции)¹¹. Воодушевленный первыми результатами работы, Гведалла на годовом собрании акционеров 26 января 1926 г. оптимистично заявил: «Я более чем когда-либо впечатлен тем, что по любому вопросу, требующему практического решения, мы всегда встречаем доброжелательное отношение [советских властей. – *Е. С.*]¹².

Результаты деятельности компании на закате нэп действительно впечатляли. К 1929 г. на ее предприятиях было занято 15 тыс. рабочих, общие инвестиции составили 13 млн руб., а объем аккумулированной валовой прибыли достиг 9,5 млн ф. ст., из которых на 1928 г. пришлось почти 400 тыс. ф. ст.¹³ Помимо горнорудных предприятий компания владела угледобывающими шахтами Кузбасса, двумя железными дорогами, фабриками по производству проволоки и гвоздей, а также несколькими грузовыми пароходами. Согласно концессионному договору «Лена» обязывалась ежегодно добывать 6,5 т золота, но за 1928 г. было произведено 8 т благородного металла. При этом средняя эффективность добычи на одного рабочего составила 2,73 кг, тогда как на советских приисках она не превышала 0,44–0,59 кг [Sutton 1968–1971, vol. 1, 96].

По ироничному замечанию современника, «иностранные концессии в России являлись видом спорта богатых людей, которые могли себе позволить дорого заплатить за свой опыт». Поэтому уже в апреле 1928 г. газета «Экономическая жизнь» развернула кампанию критики работы «Лены», опубликовав статью под красноречивым названием «Этому нужно положить конец». Автор обвинял концессионеров в чрезмерной эксплуатации рабочих,

¹⁰ ГА РФ. Ф. 8426. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–82: Проект концессионного договора ГKK с компанией «Лена Голдфилдс», апрель 1925 г.; Lena Goldfields Concession Agreement, 30 April 1925 // TNA. FO 418/146.

¹¹ ГА РФ. Ф. 8426. Оп. 1. Д. 11. Л. 8: Отчисления с доходов концессионеров компании «Лена Голдфилдс», апрель 1925 г.

¹² Цит. по: Possibilities of British – Russian trade. An investigation by British MPs. L.: The Anglo-Russian Parliamentary Committee, 1926. P. 68.

¹³ Майский И.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 158–159.

случаях хищения золота на приисках, постоянных нарушениях трудовой дисциплины, а также использовании различных схем ухода от налогов¹⁴.

Непосредственным поводом к сворачиванию работы концессии стала забастовка рабочих золотых приисков с требованием увеличить им зарплату в 20 раз! 15–16 декабря 1929 г. в российских офисах «Лены» прошли обыски, а 12 служащих были арестованы по обвинению в антисоветской деятельности (общее количество задержанных лиц по делу «Лены» составило 131 чел.)¹⁵. Сложившееся положение обсуждалось на заседании Политбюро, члены которого фактически одобрили прекращение концессионного договора¹⁶. 21 декабря 1929 г. специальная комиссия рассмотрела грубые нарушения, якобы допущенные руководящими менеджерами и ведущими инженерами компании¹⁷. Они обвинялись в невыполнении пунктов концессионного соглашения относительно строительства цинкового завода, оборудования медеплавильных фабрик и наращивания добычи золота. Но главными претензиями властей к руководству компании стали вредительство и шпионаж, который осуществляли британские специалисты вместе с завербованными ими советскими инженерами и техниками¹⁸.

11 февраля 1930 г. глава ГKK Каменев поместил в «Известиях» сообщение о нарушениях правлением «Лены» концессионного договора, а спустя месяц в сообщении ТАСС говорилось о неоднократных требованиях ГKK возобновить долевые отчисления в гос-

¹⁴ ГА РФ. Ф. 2350. Оп. 1. Д. 636. Л. 1–143: Обзор случаев хищения золота и хулиганства в компании «Лена Голдфилдс», 1928 г.

¹⁵ Sokolnikov, Soviet Plenipotentiary to UK, to Henderson, 28 December 1929 // Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 (DBFP) / ed. by W.N. Medlicott, Dakin D. et al. L.: HMSO, 1958. Second ser. Vol. 7. P. 58; Телеграмма правления компании «Лена Голдфилдс» об обысках служебных помещений и квартир ее сотрудников, 13 января 1930 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / отв. ред. А.А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 13. С. 86–87.

¹⁶ Бажанов Б.Г. Борьба Сталина за власть: Воспоминания личного секретаря. М.: Алгоритм, 2017. С. 263–265.

¹⁷ Ovey to Henderson, 23 December 1929 // TNA. FO 418/71. F. 138–140; Annual report of the UK Embassy in the USSR, 1 January 1931 // Ibid. FO 418/132.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–2: Протокол заседания комиссии при ГKK по делу компании «Лена Голдфилдс», 21 декабря 1929 г.; Письмо ГKK правлению компании «Лена Голдфилдс», 25 января 1930 г. // ДВП СССР. Т. 13. С. 87.

бюджет, которые остались без ответа, что вынудило правительство поставить вопрос о закрытии концессии¹⁹.

18 апреля 1930 г. состоялся суд над арестованными гражданами СССР – сотрудниками «Лены», руководство которой временно отозвало на родину всех иностранных специалистов. Решения СНК и ГКК от 5 мая того же года о расторжении концессионного договора в связи с прекращением инвестирования, нарушениями прав рабочих и занятием монопольного положения в экономике СССР вызвало встречный иск концессионеров, которые оценили свои убытки суммой в 12 млн 965 тыс. ф. ст. (более 100 млн руб.) при совокупной оценке имущества на балансе компании в 83 (по другим данным – 89) млн руб. В результате трех месяцев предварительного следствия и десяти заседаний с 7 августа по 2 сентября 1930 г. решением арбитражного суда в Берлине (куда Москва отказалась направить делегата, признав концессионную сделку аннулированной²⁰) советское правительство обязывалось выплатить почти 13 млн ф. ст. владельцам «Лены», что вызвало энергичный протест Кремля²¹.

Таким образом, акционерам компании не оставалось ничего другого, как обратиться за поддержкой к правительству Великобритании в октябре того же года. Подключение к ним официального Лондона ознаменовалось направлением в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) запросов Форин офис относительно выполнения Москвой решения берлинского суда²². Реагируя на эти ноты, Москва сначала заявила о нераспространении компетенции НКВД на обсуждение вопросов частного характера, а затем о незаконности международного арбитражного суда по иску владельцев «Лены» и отказе советских официальных органов участвовать в нем²³.

Наконец, 26 мая 1931 г. в Женеве состоялась беседа наркома М.М. Литвинова с лейбористским министром иностранных дел

¹⁹ Известия. 1930. 11 февр., 3 марта; ГА РФ. Р-8350. Оп. 1. Д. 88. Л. 47–60 об.: Основные нарушения концессионного договора со стороны компании «Лена Голдфилдс», 27 марта 1930 г.

²⁰ Известия. 1930. 12 мая.

²¹ Documents of the Lena Goldfields Ltd. arbitrary process, 9 May – 2 September 1930 // TNA. Treasury papers (T) 160/555; Lena Goldfield arbitration, 2 September 1930 // FO 418/73. F. 196–210.

²² Овий – в НКВД, 1 ноября 1930 г.; Крестинский – Овию, 4 декабря 1930 г. // ДВП СССР. Т. 14. С. 772–773.

²³ Овий – Литвинову, 14 января 1931 г.; НКВД – Овию, 20 февраля 1931 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 11. Пап. 75. Д. 35. Л. 2–2 об., 3–6.

А. Гендерсоном, который обусловил прогресс на переговорах о заключении постоянного советско-британского торгового соглашения разрешением коллизии вокруг «Лены»²⁴. Однако инцидент, оказывавший заметное влияние на диалог Москвы и Лондона, все же потребовал создания комиссии для определения последствий фактически вторичной национализации концессии²⁵.

Полное урегулирование вопроса заняло более трех лет. В конечном итоге упорство владельцев «Лены» при поддержке Уайтхолла на фоне изменившейся международной обстановки принесло свои плоды [Veeder 1998, pp. 747–792]. 4 ноября 1934 г. советская сторона наконец согласилась уплатить акционерам 3 млн ф. ст. в течение 20 лет, хотя на практике к 1 мая 1940 г. полученная ими компенсация составила лишь 1 млн 67 тыс. ф. ст., причем оставшаяся задолженность так и не была погашена, несмотря на выпуск в марте 1935 г. Народным комиссариатом финансов СССР беспроцентных облигаций в пользу акционеров «Лены Голдфилдс» на общую сумму 2 млн 950 тыс. ф. ст. [Соколов 2019, с. 85–86]²⁶. Только в 1967–1968 гг. вопрос о задолженности советского правительства перед компанией была окончательно урегулирован в ходе двусторонних переговоров [Соколов 2019, с. 86–87].

Инцидент с «Леной Голдфилдс» аналогично делам с другими британскими концессиями позволяет сделать вывод относительно объективных и субъективных причин провала советско-британского концессионного сотрудничества в 1920-х гг. К первым, очевидно, следует отнести начало глобального экономического кризиса и общую дестабилизацию ситуации на мировых финансовых рынках, которая сокращала возможность привлечения иностранного капитала в СССР [Dobb 1932, p. 48]. Разрыв двусторонних отношений в 1927 г. и отказ банков Сити от кредитования операций с деловыми партнерами из Страны Советов также затрудняли функционирование концессий. По свидетельству бывшего личного секретаря Сталина, «западным капиталистам предлагались концессии на очень заманчиво выглядевших и внешне очень выгодных условиях. Условия договора хорошо соблюдались, пока концессионер ввозил и устанавливал в России машины, оборудование и пускал предприятие в ход. Вслед за тем

²⁴ Сообщение о беседе Литвинова с Гендерсоном, 26 мая 1931 г. // ДВП СССР. Т. 14. С. 352–354.

²⁵ Литвинов – Сталину, 6 августа 1931 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Пап. 75. Д. 35. Л. 64–65.

²⁶ Note by Foreign Office, 1 May 1940 // DBFP. Second ser. Vol. 7. P. 58–59.

при помощи любого трюка... концессионер ставился в условия, при которых он договор выполнить не мог, договор расторгался, а навезенное оборудование и налаженное предприятие переходило в собственность советского государства»²⁷.

Что же касается субъективных причин, то отсутствие взаимного доверия сторон, а главное неприятие большей частью партийной номенклатуры указанной формы экономического сотрудничества наряду с критическим отношением британских промышленников к советскому режиму предопределили неудачу концессионной политики 1920-х гг. Перевод народного хозяйства России на административно-командные рельсы в условиях форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства свидетельствовал об утопичности надежд на совмещение элементов рыночной экономики с тоталитарным политическим режимом.

Литература

- Балашов 2012 – *Балашов А.М.* Возрождение и развитие предпринимательства в России в период нэпа (государственно-частное партнерство с участием иностранного капитала). Старый Оскол: Тонкие наукоемкие технологии, 2012. 327 с.
- Бутковский 1928 – *Бутковский В.Л.* Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. 123 с.
- Давыдова 2002 – *Давыдова Т.В.* Концессии как форма участия иностранного капитала в советской экономике 1920-х гг. // Россия в XIX–XX вв.: Материалы II Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина, 20 января 2002 г. М.: Изд. МГУ, 2002. С. 72–91.
- Данильченко 2000 – *Данильченко С.Л.* Концессионная политика советского государства в годы нэпа (1921–1929): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во МПГУ, 2000. 24 с.
- Донгаров 1990 – *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М.: Международные отношения, 1990. 165 с.
- Касьяненко 1972 – *Касьяненко В.И.* Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940). М.: Политиздат, 1972. 335 с.
- Красин 1928 – *Красин Л.Б.* Вопросы внешней торговли. М.: Государственное изд-во, 1928. 429 с.
- Соколов 2019 – *Соколов А.С.* Концессионный заем обществу «Лена Голдфилдс» (1935 г.) как форма англо-советского экономического сотрудничества // Политическая жизнь Западной Европы: Античность. Средние века. Новое и

²⁷ *Бажанов Б.Г.* Указ. соч. С. 132.

- новейшее время / отв. ред. А.Р. Панов. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. Вып. 14. С. 84–88.
- Шишкин 1983 – *Шишкин В.А.* «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР (1924–1928 гг.). Л.: Наука, 1983. 365 с.
- Шпотов 2008 – *Шпотов Б.М.* Иностранные концессии в советском государстве (1920-е гг.) // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 184–192.
- Boyce 2009 – *Boyce R.* The great interwar crisis and the collapse of globalization. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 611 p.
- Dobb 1932 – *Dobb M.* Soviet Russia and the world. L.: Sidgwick & Jackson, 1932. 178 p.
- Hayes 1978 – *Hayes P.* The twentieth century, 1880–1939. N.Y.: St Martin's Press, 1978. 343 p. (Modern British foreign policy)
- Knieckerbocker 1931 – *Knieckerbocker H.R.* Soviet trade and world depression. L.: J. Lane, 1931. 288 p.
- Lewis 1994 – *Lewis R.* Foreign economic relations // The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / comps R.W. Davies et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 198–215.
- Pollard 1983 – *Pollard S.* The development of the British economy, 1914–1990. Baltimore, MD: E. Arnold, 1983. 422 p.
- Sutton 1968–1971 – *Sutton A.* Western technology and Soviet economic development, 1917–1930. Stanford, CA: California University Press, 1968–1971. Vol. 1–2.
- Veeder 1998 – *Veeder V.V.* The Lena Goldfields arbitration: The historical roots of three ideas // International and Comparative Law Quarterly. 1998. Vol. 47. No. 4. P. 747–792.

References

- Balashov, A.M. (2012), *Vozrozhdenie i razvitie predprinimatel'stva v Rossii v period nepa (gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo s uchastiem inostrannogo kapitala)* [Revival and development of entrepreneurship in Russia during the NEP period (state and private partnership involving foreign capital)], Tonkie Naukoemkie Tekhnologii, Saryi Oskol, Russia.
- Boyce, R. (2009), *The great interwar crisis and the collapse of globalization*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.
- Butkovsky, V.L. (1928), *Inostrannye kontsessii v narodnom khozyaistve SSSR* [Foreign concessions in the national economy of the USSR], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, Leningrad, USSR.
- Danil'chenko, S.L. (2000), *Kontsessionnaya politika sovetskogo gosudarstva v gody nepa (1921–1929)* [Concession policy of the Soviet state during the NEP period (1921–1929)], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Izdatel'stvo MPGU, Moscow, Russia.

- Davydova, T.V. (2002), "Concessions as a form of involving foreign capital in the Soviet economy of the 1920s", in *Rossiya v XIX–XX vv.: Materialy II Nauchnykh chtenii pamyati professora V.I. Bovykina, 20 yanvarya 2002 g.* [Russia in the 19th – 20th centuries: Proceedings of the II Scientific Readings Commemorating Professor V.I. Bovykin, 20 January 2002], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia, pp. 72–91.
- Dobb, M. (1932), *Soviet Russia and the world*, Sidgwick & Jackson, London, UK.
- Dongarov, A.G. (1990), *Inostrannyi kapital v Rossii i SSSR* [Foreign capital in Russia and the USSR], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR.
- Hayes, P. (1978), *The twentieth century, 1880–1939*, Saint Martin's Press, New York, USA.
- Kasyanenko, V.I. (1972), *Zavoevanie ekonomicheskoi nezavisimosti SSSR (1917–1940)* [Gaining the political independence of the USSR (1917–1940)], Politizdat, Moscow, USSR.
- Knieckerbocker, H.R. (1931), *Soviet trade and world depression*, J. Lane, London, UK.
- Krasin, L.B. (1928), *Voprosy vneshnei torgovli* [Foreign trade issues], Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moscow, USSR.
- Lewis, R. (1994), "Foreign economic relations", in Davies R.W. et al., comps., *The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 198–215.
- Pollard, S. (1983), *The development of the British economy, 1914–1990*, E. Arnold, Baltimore, MD, USA.
- Shishkin, V.A. (1983), "Polosa priznanii" i vneshneekonomicheskaya politika SSSR (1924–1928 gg.) ["Recognition series" and the foreign economic policy of the USSR], Nauka, Leningrad, USSR.
- Shpotov, B.M. (2008), "Foreign concessions in the Soviet state (the 1920s)", in *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XVII–XX vv.: dinamika i institutsional'no-sotsiokul'turnaya sreda* [Economic history of the 17th – 20th century Russia: dynamics and the institutional-sociocultural environment], UrO RAN, Ekaterinburg, Russia, pp. 184–192.
- Sokolov, A.S. (2019), "Concession loan to the company 'Lena Goldfields' as a form of Anglo-Soviet economic cooperation", in Panov, A.R., ed., *Politicheskaya zhizn' Zapadnoi Evropy: Antichnost'. Srednie veka. Novoe i noveishee vremya* [Political life of Western Europe: Antiquity, the Middle Ages, the New and Newer Time], Arzamasskii filial NNGU, Arzamas, Russia, pp. 84–88.
- Sutton, A. (1968–1971), *Western technology and Soviet economic development, 1917–1930*, California University Press, Stanford, CA, USA, vol. 1–2.
- Veeder, V.V. (1998), "The Lena Goldfields arbitration: the historical roots of three ideas", *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 47, no. 4, pp. 747–792.

Информация об авторе

Евгений Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; eugene.sergeev59@gmail.com

Information about the author

Evgenii Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; eugene.sergeev59@gmail.com

Память о Второй мировой войне в японской манге

Егор В. Аргунов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, egarg99@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются репрезентации Второй мировой войны в дискурсе японской манги. Автор анализирует мангу как культурно значимый объект исторической памяти, иллюстрирующий отношение японского общества к итогам Второй мировой войны на протяжении десятилетий. Объектом изучения стали японские комиксы, вышедшие с 2001 по 2024 г. Данный период был выбран как переломный в истории отношений США и Японии и переосмыслении итогов Второй мировой войны в популярной культуре обеих стран. В статье используется конструктивистский подход для изучения образа врага как социального конструкта и понимания мотиваций противоположной стороны, а также дискурс-анализ, позволяющий выявить репертуар смыслов, обусловленный текстом о Второй мировой войне, и охарактеризовать актуальные для современного японского общества нарративы ее восприятия. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что японская манга иллюстрирует путь японского общества от травмы к триумфу.

Ключевые слова: Япония, США, Вторая мировая война, атомные бомбардировки, японская манга

Для цитирования: Аргунов Е.В. Память о Второй мировой войне в японской манге // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 58–70. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-58-70

Memories of World War II in Japanese manga

Egor V. Argunov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, egarg99@gmail.com*

Abstract. The article examines the World War II representation in the Japanese manga discourse. The author considers manga as culturally significant objects of historical memory, illustrating the attitude, over the last several decades,

of the Japanese society to the outcomes of World War II. The chronological framework of the study deals with the Japanese comics released from 2001 to 2024. This period was chosen as a turning point in the history of the relationship between the USA and Japan and in the rethinking in the popular culture of both states of the World War II consequences. The paper employs the method of discourse analysis, through which a repertoire of meanings is derived from the texts on World War II. The study examines several discourses relevant to the contemporary Japanese society. In the end, the author concludes that Japanese manga illustrate the Japanese society's "journey" from trauma to triumph.

Keywords: Japan, United States, World War II, atomic bombings, Japanese manga

For citation: Argunov, E.V. (2025), "Memories of World War II in Japanese manga", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 58–70, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-58-70

Введение

В 2025 г. исполняется 80 лет с момента окончания Второй мировой войны. Япония выступала на стороне Оси и проиграла войну с США, подписав капитуляцию спустя несколько недель после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. За прошедшие десятилетия отношения двух стран претерпели значительные изменения: Япония стала ближайшим союзником Соединенных Штатов в Азии и плацдармом для американских военных баз в регионе. В свою очередь США выступают гарантом безопасности Японии и являются одним из ее главных экономических партнеров.

И сегодня жители обеих стран не забывают об ужасных последствиях так называемой Азиатско-Тихоокеанской войны, что отражается в популярной культуре. С исследовательской точки зрения наибольший интерес для изучения японских дискурсов восприятия Второй мировой войны представляет манга. Это японская форма визуального искусства основана на сочетании традиционной литературной подачи материала и художественных иллюстраций.

Особенность манги состоит в том, что ее создают на протяжении столетий исключительно японские авторы на японском языке, то есть, это уникальное культурное достояние Японии, которое не поддается влиянию извне, как это происходит с японским кинематографом, литературой и видеоиграми. Манга представляет особый интерес для изучения трансформации исторической памяти о Второй мировой войне в общественном сознании японцев на протяжении десятилетий. Учитывая, что зачастую именно манга

выступает первоисточником популярных анимационных фильмов и сериалов в Японии, она становится ценным источником при изучении проблематики исторической памяти в популярной культуре Японии [Rosenbaum 2013, p. 22].

К особенностям манги также относится то, что ее авторы обычно не только продумывают сюжет и пишут диалоги, но и сами рисуют иллюстрации. Это подчеркивает тесную взаимосвязь интертекстуальных смыслов и визуальных образов и четко разграничивает мангу и комиксы, с которыми этот вид искусства часто сравнивают. Если традиционные комиксы в основном создаются коллективом разных сценаристов, художников и редакторов, манга является от начала до конца авторским источником.

Исследователи Второй мировой войны традиционно делятся историками на традиционалистов, поддерживающих официальные позиции своих стран, и ревизионистов, переосмысляющих ее итоги [Barrett 2020, p. 287]. С этой точки зрения все перечисленные в данной статье произведения тоже можно разделить на традиционалистов и ревизионистов.

Японская манга является важным источником по имагологии японо-американских отношений, в котором всегда присутствует антитеза Я–Другой. В мангах о Второй мировой войне это японцы vs. американцы. Наиболее плодотворным в данном случае представляется конструктивистский подход, поскольку он позволяет представить образ врага как социальный конструкт [Журавлева 2024, с. 5].

Данная статья посвящена исследованию памяти о Второй мировой войне в манге за 2001–2024 гг. Этот временной период выбран по той причине, что именно с 2001 г. началась переоценка отношений Японии и США и Второй мировой войны в целом на фоне террористической атаки 11 сентября в США. Ранее именно Япония была единственной страной, напавшей на американскую территорию без объявления войны. Из-за этого американцы на протяжении десятилетий относились к японцам с подозрением и даже продолжали считать их идеологическими врагами. Террористическая атака 11 сентября привела к изменению статуса Японии в глазах обычных американцев: эта страна одной из первых публично поддержала США и согласилась направить войска для участия в совместной операции в Афганистане, а затем – в Ираке. Таким образом, японцы перестали считаться идеологическими врагами и смогли стать полноценными союзниками в борьбе с угрозой на Ближнем Востоке [Dower 2010, p. 299].

Улучшением двусторонних связей воспользовались премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми и его преемник Синдзо Абэ, ко-

которые стимулировали патриотический подъем в Японии и стали оправдывать действия милитаристского режима в ходе Второй мировой войны. Дискурс о переосмыслении итогов Второй мировой войны привел к появлению целого ряда произведений манги, авторы которых придерживались традиционалистского или ревизионистского подходов.

В статье используется метод дискурс-анализа, с помощью которого выделяются репертуары смыслов в японской манге, а под самим дискурсом понимается совокупность высказываний и суждений о том или ином объекте.

В данном тексте исследуются дискурсы о Второй мировой войне на примере разных произведений манги. В первом параграфе представлена характеристика манги о Второй мировой войне до 2001 г. Далее рассматриваются четыре основных дискурса в современной манге на примере конкретных произведений с детальным анализом репертуаров смыслов.

Японская манга о Второй мировой войне до 2001 г.

В отличие от американских комиксов, авторы японской манги редко обращались к событиям 1940-х гг. Во многом это было связано с устойчивой государственной политикой, нацеленной на то, что страна должна была как можно скорее избавиться от милитаристского прошлого и стать демократическим государством западного образца [Pyle 2018, p. 320], что нашло свое отражение в популярной культуре, в том числе в манге. Большой популярностью пользовались фантастические произведения (например, «Драконий жемчуг»¹), авторы которых вдохновлялись комиксами про американских героев Супермена и Капитана Америки. В том случае, когда создатели манги хотели обратиться к историческому прошлому Японии, они в основном рассматривали временные периоды до XIX в. и реставрации Мэйдзи, однозначно воспринимавшиеся обществом как благодатные для страны.

Тем не менее периодически авторы обращались к периоду Второй мировой войны в своих произведениях. Так, в 1973 г. вышла манга «Сокрушите всех врагов!» Сигэру Мидзуки². В ней автор описывал собственные воспоминания о службе в японской армии во время

¹ 鳥山 明 [Торияма Акира]. ドラゴンボール [Жемчуг дракона]. Токио: Сюэйся, 1984–1995.

² 水木 しげる [Мидзуки Сигэру]. 総員玉砕せよ! [Сокрушите всех врагов!]. Токио: Коданся, 1973.

битвы за Новую Гвинею. Мидзуки намеренно дистанцировался от противопоставления Себя и Других, акцентируя внимание на демонстрации бытовых ужасов войны. Более интересной с исследовательской точки зрения можно считать мангу «Письмо Адольфу» 1986 г.³, одним из героев которой является сын японского офицера Ёсио Хонда. Персонаж выражает отвращение к военным преступлениям японцев в оккупированном Китае. Автор Осаму Тэдзука через Хонду проводит четкое разграничение между «хорошими» и «плохими» японцами: первые выступают против любых военных преступлений, а вторые совершают зло. Для создателя манги все пособники милитаристского режима, включая сограждан, относятся к враждебным Другим. Для этого автор обращается к символической нацификации образа «плохих» японских солдат: в манге они носят черную, как у нацистов, одежду, хотя в реальности униформы такого цвета у них не было, а у отца Ёсио Хонды и членов тайной полиции есть короткие усы, как у Гитлера.

Кроме того, Тэдзука через это произведение касался темы национальной идентичности: например, если Адольф Кауфман, персонаж смешанных кровей, стыдится своего японского происхождения, его мать, напротив, еще больше этим гордится. В то же время считавший себя чистокровным японцем Адольф Камил неожиданно обнаруживает, что у него есть еврейские корни [Power 2009, p. 150].

Подобные произведения, которые напрямую касались событий Второй мировой войны, в основном создавали авторы, заставшие ту эпоху. Это, например, Кэйдзи Накадзава, переживший атомную бомбардировку в Хиросиме в шестилетнем возрасте. Больше всего он известен по манге «Босоногий Гэн», однако с 1968 по 1973 г. Накадзава выпускал серию «Черный»⁴, посвященную жертвам атомных бомбардировок. В них он напрямую обвинял японское правительство, втянувшее страну в бессмысленную войну, а также выражал ненависть к американским военным, которые заставили страдать мирное население Японии [Otmazgin, Suter 2016, pp. 76–77]

Авторы, не заставшие ту эпоху лично, в основном рефлексировали на тему Второй мировой войны с помощью скрытых метафор и завуалированных образов. Так, например, в манге «Акира»⁵ Ка-

³ 手塚 治虫 [Тэдзука Осаму]. アドルフに告ぐ [Письмо Адольфу]. Токио: Коданся, 1983–1985.

⁴ 中沢 啓治 [Накадзава Кэйдзи]. 黒い [Черный]. Токио: Холп Сюпан, 1968–1973.

⁵ 大友 克洋 [Отомо Кацухиро]. アキラ [Акира]. Токио: Коданся, 1982–1990.

цухиро Отомо показал атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки через альтернативное уничтожение Токио ядерным взрывом в 1982 г. На месте разрушенного Старого Токио – так персонажи называют город до взрыва – возникает современный мегаполис Новый Токио. И хотя во вселенной «Акиры» осталось немало социальных и экономических проблем, через образ апокалипсиса Отомо представил рождение другой Японии, свободной от травм прошлого в целом и последствий Второй мировой войны в частности [Napier 1993, pp. 350–351].

Тем не менее в японской манге тема войны с США оставалась нежелательной. С 1945 г. Соединенные Штаты остаются основным союзником Японии, поэтому авторы манги в прошлом не так часто открыто критиковали американские войска. В целом японцы испытывали комплекс вины за действия предков, а в поп-культурных произведениях выражали искреннее сожаление американцам, китайцам, корейцам и другим жертвам милитаристского режима. Националистические взгляды во многом порицались и не были по-настоящему популярными, так как не поддерживались ни на общественном уровне, ни на государственном. Потому даже прославленные авторы вроде Осаму Тэдзуки предпочитали рефлексировать на эту тему завуалированно: например, его самая знаменитая манга «Астробой»⁶ была аллегорией Японии времен американской оккупации [Rosenbaum 2013, p. 255].

Современная японская манга о Второй мировой войне

Все изменилось в XXI в., когда тема военных действий перестала быть табуированной в японской популярной культуре. Это произошло во многом благодаря усилиям премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми, который с 2001 по 2006 г. неоднократно посещал синтоистский храм Ясукуни, чтобы почтить память японских солдат, погибших в ходе Второй мировой войны. Как объяснял сам премьер-министр, мир и процветание Японии во многом были достигнуты благодаря их жертвам⁷. Благосклонная риторика на официальном уровне в отношении милитаристского

⁶ 手塚 治虫 [Тэдзука Осаму]. 鉄腕アトム [Астробой]. Токио: Коданся, 1952–1968.

⁷ Observation by prime minister Junichiro Koizumi on the visit to Yasukuni Shrine. Ministry of Foreign Affairs of Japan, Tokyo, 2002, URL: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page25e_000357.html (дата обращения 31.03.2025).

прошлого позволила японцам открыто обсуждать события Второй мировой войны без боязни общественного осуждения.

В современной манге существуют четыре основных дискурса о Второй мировой войне. Для удобства детально разберем каждый из них на примере лишь одной манги, которая наиболее наглядно представляет этот дискурс среди произведений XXI в.

1. *Героизация японских солдат, участвовавших во Второй мировой войне*. С 2001 г. Силы самообороны Японии перестали выполнять исключительно символическую роль по защите страны в условиях совместных антитеррористических операций с США в Афганистане и Ираке. Кроме того, в японском обществе появился запрос на создание полноценной армии в интересах национальной обороны в обход девятой статьи Конституции [Pyle 2018, p. 365]. На этом фоне оказались востребованы произведения о японской армии, где солдат защищал свою страну от противников.

Если говорить о манге, то самый наглядный пример – «Остров Токко»⁸ об обороне Японии в 1944 и 1945 гг. По сюжету японская армия терпит поражение в битвах с американцами, а города постоянно находятся под бомбардировками. Ситуацию пытаются спасти пилоты-камикадзе, жертвующие собой ради страны. Они показаны настоящими патриотами, которые умирают при выполнении высшей цели, а японские солдаты как герои, защищавшие простой народ. В свою очередь, американцы олицетворяют Зло, угрожающее обычным людям. Автор Сюхо Сато выражает это через деперсонализацию и дегуманизацию врага: читатели не видят американцев вживую, герои сталкиваются лишь с их оружием и транспортом – торпедами, ракетами, самолетами и кораблями, приносящим лишь смерть и разрушения. В свою очередь, японские солдаты в этой манге – обычные люди, к которым легко испытывать сочувствие. Таким образом, в «Острове Токко» США символически выставлены бездушной военной машиной, убивающей обычных японцев. К тому же автор романтизирует образ японского солдата через показ его благородства, готовности принести себя в жертву ради защиты страны.

По смыслу «Остров Токко» значительно отличается от манги о японских пилотах, выходявшей с 1957 по 1967 г. В таких произведениях, как например, «Пурпурный ястреб Кай»⁹, действия солдат Японии не всегда преподносились как однозначно хорошие, а ав-

⁸ 佐藤 秀峰 [Сато Сюхо]. 特攻の島 [Остров Токко]. Токио: Манга таймс, 2004–2017.

⁹ 千葉 徹彌 [Тэцую Тиба]. 紫電改のタカ [Пурпурный ястреб Кай]. Токио: Коданся, 1963.

торы старались обезличивать образ врагов, иногда и вовсе не называя их национальную принадлежность [Nakar 2003, p. 61]. И если манга прошлого века в основном была антивоенной по смыслу, то «Остров Токко» скорее показывает военную службу как почетную и благородную для каждого японца.

2. *Целесообразность атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.* В японской популярной культуре неоднократно демонстрировались ужасные последствия событий 6 и 9 августа 1945 г. Широко известны, например, аниме-фильмы «Могила светлячков»¹⁰ и «Босоногий Гэн»¹¹. Эта тема не обошла стороной и мангу. Самая известная манга нынешнего столетия о жертвах Хиросимы и Нагасаки – «В этом уголке мира»¹². Она выходила с 2017 по 2019 г. и была основана на событиях 1944–1946 гг. Кульминацией сюжета манги становится атомная бомбардировка.

Главная героиня – девушка Судзу, переехавшая из Хиросимы в городок Курэ неподалеку. Ее трагедия показана через переживания японцев, старавшихся вести мирную жизнь во время войны. Фумиё Коно вводит в нарратив манги образ хрупкой девушки Судзу, персонафицирующей мирное население Японии, пострадавшее из-за действий милитаристского режима и использует визуальную антитезу Свет vs Тьма. Хотя манга и черно-белая, сама главная героиня, ее близкие и их дом неизменно рисуются в уютных светлых тонах с минимальным использованием карандашных штрихов. Когда же происходит атомный взрыв, небо окрашивается сплошным черным цветом, с которым сливаются силуэты персонажей. Прежней уютной жизни приходит конец, а мирные жители погружаются в непроглядную Тьму небытия.

Бомбардировки в этом произведении показаны бесчеловечным актом, унесшим жизни тысяч невинных людей. При этом автор Фумиё Коно сохраняет нейтралитет и не демонстрирует свое отношение к японской и американской армиям, предпочитая сосредоточиться на конкретной личной трагедии. На отстраненность Коно указывает исследователь манги и историк Р. Розенбаум, который считает ее оптику несколько манипулятивной [Rosenbaum 2022, p. 147].

Тема атомных бомбардировок в целом является крайне травматичной для японского общества. По смыслу манга «В этом уголке

¹⁰ 火垂るの墓 [Могила светлячков]. Анимационный фильм. Реж. Исао Такахата. Япония, Студия “Ghibli”, 1988.

¹¹ はだしのゲン [Босоногий Гэн]. Анимационный фильм. Реж. Мори Масаки. Япония, Студия “Madhouse”, 1983.

¹² こうの 史代 [Коно Фумиё]. この世界の片隅に [В этом уголке мира]. Токио: Футабаса, 2007–2009.

мира» продолжает нарратив, заданный японскими авторами XX в., о недопустимости и негуманности атомных бомбардировок через призму страданий отдельных людей и жителей Хиросимы и Нагасаки в целом. Фумиё Коно, как и авторы до него, пытается донести до читателя мысль о том, что подобные события нельзя повторять в будущем [Thornber 2010, pp. 273–275]. Подобную позицию по отношению к атомным бомбардировкам можно найти во многих произведениях японской культуры – в том числе в фильмах и литературе [Stahl 2020, p. 10].

3. *Осмысление ошибок прошлого.* В Японии часто создаются манги с фэнтезийными элементами. Самый известный пример такого произведения о Второй мировой войне – манга «Дзипанг»¹³, выходявшая с 2000 по 2009 г. В ней в роли главных героев выступают солдаты Сил самообороны Японии, попадающие в пространственную аномалию и оказавшиеся в 1942 г., в первый день битвы за Мидуэй. Они не хотят нарушать континуум и ищут способы вернуться обратно в современность, но случайно спасают офицера Кусака, который намерен выиграть войну и перестроить Японию.

В манге показывается, что не все современные японцы испытывают гордость за своих предков. Они пытаются сохранить нейтралитет и не идут против американцев, одновременно оказывая содействие японскому флоту. Однако спасение офицера приводит к изменению хода истории, что оценивается персонажами как однозначная катастрофа.

«Дзипанг» через альтернативное развитие истории иллюстрирует противоречивое отношение японского общества ко Второй мировой войне. Спустя десятилетия поколения японцев, не заставшие конфликт вживую, не могут определиться, считать ли своих предков героями или злодеями. Во многом это обусловлено несоответствием официальной государственной позиции, согласно которой страна не признавала вину за преступления императорской армии, с официальной Конституцией, где подчеркивается ответственность Японии за развязывание Второй мировой войны.

Автор «Дзипанга» Кайдзи Кавагути выводит дискурс об ответственности Японии за ошибки прошлого за пределы традиционных антитез и символических маркеров враждебности. В манге офицер Кусака не представлен однозначным героем или злодеем. Офицер носит чистую белую форму, не обладает никакими отталкивающими чертами внешности, подчеркнуто вежлив с главными героями и в целом не выглядит угрожающим. Более того, японские чита-

¹³ 川口 開治 [Кавагути Кайдзи]. *ジパンゴ* [Дзипанг]. Токио: Коданся, 2000–2009.

тели не смогут отнести Кусаку ни к Своим, ни к Другим, ведь он не враждебный иностранец, но преследует идеалистическую цель и готов ради нее пойти против своих спасителей.

Пока одни граждане признают коллективную вину за военные преступления и считают появление милитаристского режима фатальной ошибкой для страны, другие – считают действия Японии полностью оправданными [Hashimoto 2015, p. 54]. Автор «Дзипанга» Кайдзи Кавагути предлагает читателям оценить альтернативный ход событий и самим прийти к выводам о прошлом Японии.

4. *Десакрализация Второй мировой войны через юмор*. Комедийная манга – последняя и самая необычная группа манги о Второй мировой войне. Японские авторы иронизируют над ошибками своей страны и используют юмор как своеобразную терапию для травмированного общества. Самый яркий пример – манга «Хеталия: Страны Оси»¹⁴, в которой страны-участницы Второй мировой войны представлены людьми. В роли главных героев выступают трое друзей – Италия, Германия и Япония, а их противников – союзники в лице США, СССР, Великобритании и Китая.

В манге эти две группы противостоят друг другу и попадают в комедийные ситуации, основанные на реальных событиях Второй мировой войны. Сюжет подается в сатирическом ключе, а автор Хидэкадзу Химаруя представляет страны через этнические стереотипы. Италию олицетворяет смешной и трусливый парень, Германию – дисциплинированный и строгий мужчина, а Японию – крайне зажатый герой. Создатель манги через персонифицированные образы инфантилизирует внешнюю политику стран того периода, низводит ее до статуса детских ссор по пустякам. В целом расовые стереотипы, и в особенности инфантилизация, нередко применяются в международных отношениях для унижения соперников [Carson, Min, Nuys 2024, p. 195]. Химаруя использует их скорее для рефлексии над событиями прошлого через юмор, поскольку инфантилизированы здесь не только Другие, но и Свои.

Примечательно, что в «Хеталии» можно обнаружить как патристический посыл, так и антивоенный. Комедийный образ Японии коррелирует с государственной пропагандой либерально-демократической партии, которая отрицает военные преступления Японии во время Второй мировой войны и представляет ее солдат как обычных людей, не совершавших ничего плохого [Pyle 2018, pp. 363–364]. Но Хидэкадзе Химаруя, персонифицируя страны

¹⁴ 日丸屋 秀和 [Химаруя Хидэкадзу]. ヘタリア Axis Powers [Хеталия: Страны Оси]. Токио: Гэнтоса, 2006–2013.

Оси, приземляет и очеловечивает Японию, десакрализирует Вторую мировую войну и показывает, что даже такая табуированная тема может быть объектом сатиры.

Заключение

Таким образом посредством манги можно проследить эволюцию исторической памяти японского общества от травмы к триумфу. Десятилетиями японские авторы либо касались темы Второй мировой войны посредством метафор и аллегорий, либо показывали реально пережитый травматичный опыт. В XXI в. с учетом изменения государственной позиции стало появляться все больше патриотических произведений. Параллельно японцы перестали табуировать Вторую мировую войну и не боялись высказывать альтернативные точки зрения.

Авторы «Острова Токко» и «В этом уголке мира» отражали официальную позицию Японии по отношению к своему прошлому, поэтому их произведения можно отнести к традиционалистским. Страна отрицает военные преступления своих солдат, а действия США по отношению к Японии представлены как бесчеловечные.

В манге встречается и альтернативная точка зрения, которую не разделяют многие японцы. Так, в манге «Дзипанг» показано, что прошлое нельзя переписать, а руководство Японии во время Второй мировой войны совершало непоправимые ошибки и бесчеловечно относилось к собственным гражданам. В свою очередь, «Хеталия: Страны Оси» иронизирует над событиями прошлого, не апеллируя к слепому патриотизму, но, одновременно, и не сожалея о прошлом. Таким образом, эти два произведения можно отнести к ревизионистским.

В японском обществе нет преобладающей позиции по отношению к итогам Второй мировой войны. Авторы-традиционалисты и ревизионисты представляют разные взгляды на историческое прошлое Японии. Даже спустя 80 лет японцы продолжают осмысливать последствия конфликта, что находит отражение в популярной культуре в целом и манге в частности.

Литература

Журавлева 2024 – Журавлева В.И. Советская и американская карикатуристика в эпоху Холодной войны как объект изучения: теоретико-методологический дискурс // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024.

- T. 15. № 11. URL: <https://sochum.ru/s207987840033216-6-1/> (дата обращения 20.03.2025).
- Barrett 2020 – *Barrett D.* 140 days to Hiroshima: The story of Japan's last chance to avert Armageddon. N.Y: Diversion Books, 2020. 352 p.
- Carson, Min, Nuys 2024 – *Carson A., Min E., Nuys M.* Racial tropes in the foreign policy bureaucracy: A computational text analysis // *International Organization*. 2024. Spring. Vol. 78. No. 2. P. 189–223.
- Dower 2010 – *Dower J.* Cultures of war: Pearl Harbor / Hiroshima / 9–11 / Iraq. N.Y: W.W. Norton & Company, 2010. 640 p.
- Hashimoto 2015 – *Hashimoto A.* The long defeat: cultural trauma, memory, and identity in Japan. N.Y: Oxford University Press, 2015. 208 p.
- Nakar 2003 – *Nakar E.* Memories of pilots and planes: World War II in Japanese manga, 1957–1967 // *Social Science Japan Journal*. 2003. Spring. Vol. 6. No. 1. P. 57–76.
- Napier 1993 – *Napier S.* Panic sites: The Japanese imagination of disaster from Godzilla to Akira // *The Journal of Japanese Studies*. 1993. Summer. Vol. 19. No. 2. P. 327–351.
- Otmazgin, Suter 2016 – *Otmazgin N., Suter R.* Rewriting history in manga: Stories for the nation. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 206 p.
- Power 2009 – *Power N.* God of Comics: Osamu Tezuka and the creation of post World War II manga. Jackson: University Press of Mississippi, 2009. 202 p.
- Pyle 2018 – *Pyle K.* Japan in the American century. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 2018. 472 p.
- Rosenbaum 2013 – *Manga and the representation of Japanese history* / ed. by R. Rosenbaum. N.Y: Routledge, 2013. 296 p.
- Rosenbaum 2022 – *Rosenbaum R.* The political representation of Hiroshima in the Graphic Art of Kōno Fumiyo // *The representation of Japanese politics in manga: The visual literacy of statecraft* / ed. by R. Rosenbaum. N.Y: Routledge, 2022. P. 141–161.
- Stahl 2020 – *Stahl D.* Social trauma, narrative memory, and recovery in Japanese literature and film. N.Y: Routledge, 2020. 274 p.
- Thornber 2010 – *Thornber K.* Responsibility and Japanese literature of the atomic bomb // *Imag(in)ing the war in Japan: representing and responding to trauma in postwar literature and film*. Boston: Brill, 2010. P. 269–302. (Brill's Japanese studies library; vol. 34)

References

- Barrett, D. (2020), *140 days to Hiroshima: The story of Japan's last chance to avert Armageddon*, Diversion Books, New York, USA.
- Carson, A, Min, E. and Nuys, M. (2024), "Racial tropes in the foreign policy bureaucracy: A computational text analysis", *International Organization*, vol. 78, no. 2, spring, pp. 189–223.

- Dower, J. (2010), *Cultures of war: Pearl Harbor / Hiroshima / 9-11 / Iraq*, W.W. Norton & Company, New York, USA.
- Hashimoto, A. (2015), *The long defeat: Cultural trauma, memory, and identity in Japan*, Oxford University Press, New York, USA.
- Nakar, E. (2003), "Memories of pilots and planes: World War II in Japanese manga, 1957–1967", *Social Science Japan Journal*, vol. 6, no. 1, spring, pp. 57–76.
- Napier, S. (1993), "Panic sites: The Japanese imagination of disaster from Godzilla to Akira", *The Journal of Japanese Studies*, vol. 19, no. 2, summer, pp. 327–351.
- Otmazgin, N. and Suter, R. (2016), *Rewriting history in manga: Stories for the nation*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Power, N. (2009), *God of Comics: Osamu Tezuka and the creation of post World War II manga*, University Press of Mississippi, Jackson, USA.
- Pyle, K. (2018), *Japan in the American century*, Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, USA.
- Rosenbaum, R. (2022), "The political representation of Hiroshima in the Graphic Art of Kōno Fumiyo", in Rosenbaum, R., ed., *The representation of Japanese politics in manga: The visual literacy of statecraft*, Routledge, New York, USA, pp. 141–161.
- Rosenbaum, R., ed. (2013), *Manga and the representation of Japanese history*, Routledge, New York, USA.
- Stahl, D. (2020), *Social trauma, narrative memory, and recovery in Japanese literature and film*, Routledge, New York, USA.
- Thornber, K. (2010), "Responsibility and Japanese literature of the atomic bomb", in *Imag(in)ing the war in Japan: representing and responding to trauma in postwar literature and film*, Brill, Boston, USA, pp. 269–303. (*Brill's Japanese studies library*; vol. 34)
- Zhuravleva, V.I. (2024), "American and Soviet political cartoons in the Cold War: Theoretical and methodological discourses", *Istoriya*, vol. 15, no. 11, available at: <https://sochum.ru/s207987840033216-6-1/> (Accessed 20 March 2025).

Информация об авторе

Егор В. Аргунов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; egarg99@gmail.com

Information about the author

Egor V. Argunov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; egarg99@gmail.com

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.5

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-71-87

Понятие внеинституциональности в рамках сотрудничества ЕС и НАТО

Никита А. Потевский

МГИМО Университет, Москва, Россия, nap11@internet.ru

Аннотация. В статье проведен анализ внеинституционального сотрудничества Европейского союза и НАТО, то, каким образом неформальные механизмы и практики дополняют официальные структуры и процедуры, позволяя обеим организациям более гибко и эффективно реагировать на вызовы безопасности. Раскрываются основные преимущества внеинституционального сотрудничества, включающие, прежде всего, увеличение скорости, гибкости, снижение издержек и обеспечение конфиденциальности. ЕС и НАТО заявляют, что они стремятся к «стратегическому партнерству». Однако существуют потенциальные проблемы, которые могут помешать отношениям между ними. В международном сообществе, столкнувшемся с такими непреодолимыми проблемами, как войны и вооруженные конфликты, международный терроризм, миграционный кризис, современное пиратство, киберпреступность и глобальные обстоятельства непреодолимой силы, важно проследить, насколько эффективным оказывается межорганизационное сотрудничество, в том числе на неформальном уровне.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, трансатлантическое партнерство, внеинституциональность, институциональность, неформальное сотрудничество

Для цитирования: Потевский Н.А. Понятие внеинституциональности в рамках сотрудничества ЕС и НАТО // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 71–87. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-71-87

The notion of extra-institutionalism in the framework of EU – NATO cooperation

Nikita A. Potevskii

MGIMO University, Moscow, Russia, nap@inbox.ru

Abstract. This article analyses European Union-NATO extra-institutional cooperation, how informal mechanisms and practices complement formal structures and procedures, allowing both organisations to respond more flexibly and effectively to security challenges. The main benefits of extra-institutional cooperation are highlighted, including, above all, increased speed, flexibility, reduced costs and confidentiality. The EU and NATO state that they seek a “strategic partnership”. However, there are potential problems that could hinder the relationship between the two. In an international community faced with insurmountable challenges such as war and armed conflict, international terrorism, migration crisis, modern piracy, cybercrime and global acts of God, it is crucial to see how effective inter-organisational cooperation, including at the informal level, is proving to be.

Keywords: European Union, NATO, transatlantic partnership, extra-institutionalism, institutionalism, informal cooperation

For citation: Potevskii, N.A. (2025), “The notion of extra-institutionalism in the framework of EU – NATO cooperation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 71–87, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-71-87

Внеинституциональное сотрудничество НАТО и Европейского союза представляет собой форму взаимодействия и кооперации между этими двумя организациями, которая осуществляется вне установленных формальных рамок и институциональных механизмов. В отличие от официального сотрудничества, которое реализуется на основе установленных процедур, норм и правил, ограничивающих институт, внеинституциональное сотрудничество характеризуется гибкостью и свободой в выборе форм и мер сотрудничества.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей внеинституционального сотрудничества двух межправительственных организаций (НАТО и Европейский союз) и роли такого сотрудничества в развитии устойчивого трансатлантического партнерства.

В работе использовался синтез методов, к ним относятся:

1. *Качественный контент-анализ.* Применяя углубленный качественный контент-анализ, мы попытаемся понять отношения

безопасности между ЕС и НАТО, чтобы прийти к пониманию реальных факторов, влияющих на эти отношения, а также их потенциальных траекторий. Данный метод основывается на систематическом, интерпретационном изучении текстового материала с целью выявления тем, смыслов и моделей коммуникации, часто неявных и контекстуальных. Источниками эмпирических данных для нас служат документы НАТО и ЕС и публикации из открытых источников информации.

2. *Диалектико-исторический метод.* Вопрос о том, сотрудничают или конкурируют ЕС и НАТО друг с другом, является одним из самых давних вопросов в сфере международных отношений. В частности, к нему постоянно возвращались после окончания холодной войны. Хотя вопрос остается более или менее неизменным, ответы на него варьируются в зависимости от развития и трансформаций в международной системе. Это делает весьма актуальным рассмотрение прошлого двух организаций и взаимодействия между ними в разные периоды истории, что очень важно для понимания настоящего и прогнозирования будущего этих межорганизационных отношений.

При раскрытии значения внеинституционального сотрудничества используется методология либерального институционализма, которая имеет общий взгляд на роли формальных и неформальных правил, норм, практик и соглашений, акцентирует внимание на роли международных организаций и сотрудничества для достижения мира и стабильности, рассматривает как формальные и неформальные правила, нормы и процедуры влияют на поведение государств и других акторов на международной арене и утверждает, что международные институты могут смягчать анархию международной системы.

Среди представителей этого направления следует выделить таких исследователей, как П. Димаджо, Р. Кеохан, Дж. Мейер, П. Холл и другие. Неоинституционалистская теория, занимающаяся анализом политики, экономических отношений и социальных взаимодействий, предлагает концептуальную схему, устанавливающую нормы, правила и конструкции идентичности, основанные на институциональных ценностях. Взаимодействие между акторами возникает на основе осознанных решений и рациональных оценок. На начальных этапах процесса вовлеченные лица проводят анализ затрат и выгод, связанных с формированием новых отношений. На более поздних этапах вовлеченные стороны оценивают возможные действия и стратегии других акторов, а также общую выгоду от создания института. С теоретической точки зрения, создание института оправдано только в том случае, если его существование

дает преимущества, которые перевешивают его несуществование или другие имеющиеся альтернативы, и если связанные с ним затраты не превышают потенциальных выгод. Холл и Тейлор [Hall, Taylor 1996, pp. 936–957] характеризуют концепцию акторов, преследующих собственные интересы, как индивидов, обладающих «устойчивым набором предпочтений или склонностей». В контексте их взаимодействия в рамках институтов они утверждают, что поведение этих акторов является «полностью инструментальным», ориентированным исключительно на «максимизацию реализации этих предпочтений». Для рационального институционалиста институты имеют значение, прежде всего потому, что они «обрамляют» стратегическое поведение. С этой точки зрения акторы концептуализируют себя в рамках институтов как «приверженцев правил». Оценивая свои интересы с точки зрения институтов, они, скорее всего, задаются вопросом, будут ли институты способствовать достижению их целей при разумных затратах. Следовательно, общество характеризуется обилием акторов, как отдельных лиц, так и государств, которые воспринимают себя как имеющих определенные цели или ожидания результата.

Философ Э.Я. Баталов [Баталов 2016, с. 6–25] относит Евро-союз к категории институт-субъект, включающей международные интеграционные объединения. Европейский союз представляет собой высший уровень интеграции, то есть политический союз имеет наднациональные элементы. По своей юридической сущности интеграционные объединения сходны с международными неправительственными организациями, но ряд аспектов (например, критерии для членства, процедуры принятия решений и другие) имеют еще более жесткую формулировку.

«Формирование институтов оказывается не чем иным, как конструированием порядка» [Баталов 2016, с. 12], институционализация – это упорядочивание социальной реальности. В свою очередь нарушение институциональности, выход за рамки формальных отношений уменьшает порядок и усиливает хаос в системе, но в то же время позволяет лучше проявиться свободной воле и творчеству. Поэтому неинституциональность (в данном случае неинституциональность является синонимом неформальности и внеинституциональности, и в работе эти термины будут использоваться как взаимозаменяемые) может играть обе роли – конструктивную и деструктивную, то есть, как затруднять функционирование общества, в нашем случае функционирование эффективных членов двух организаций, так и раскрепощать инициативы и способствовать нестандартным и креативным действиям.

К сожалению, у исследователей международных отношений существует мало согласия относительно того, что отличает неинституциональные структуры от институциональных. Часто неформальные институты определяются просто как соглашения, не имеющие обязательной силы (то есть «мягкое право»), или в более широком смысле как соглашения, обеспечиваемые неписаными конвенциями или нормами поведения. В отличие от этого, формальные институты обычно характеризуются тем, что они в той или иной степени легализованы. И как утверждали Дж. Мейер и Б. Роуэн [Meyer, Rowan 1977, pp. 340–363], что организации вынуждены принимать практики или порядки, чтобы добиться большей легитимности и повысить перспективы своего выживания, и что принятие этих практик не связано с каким-либо непосредственным или прямым повышением эффективности. На практике лишь немногие международные соглашения налагают на государства подробные юридические обязательства или делегируют институциональным агентам значительные полномочия по выполнению соглашений или разрешению споров. Однако мы можем рассматривать официальные институты как соглашения и практику, которые устанавливаются в соответствии с правилами и процедурами, признаваемыми в качестве законных в четко определенных контекстах. Такие соглашения, как правило, зафиксированы в подробных документах, определяющих точные обязательства государств-участников [DiMaggio, Powell 1991; Blagden, Thomson 2018, pp. 573–593].

И.А. Истомин [Истомин 2021, с. 79] пишет: «Формальные институты часто расходятся с неформальными и, как правило, результатом становится ослабление первых в пользу вторых. Со временем может произойти корректировка положений в сторону приближения их к реальной практике». И далее автор сообщает на исторических примерах, что формальный и неформальный (реальный) институты сосуществуют параллельно и как дополняют, так и конкурируют друг с другом, т. е. могут действовать неформально в определенных ситуациях.

Неформальные институты или соглашения, напротив, характеризуются низким уровнем легализации. Они, как правило, не учреждаются договором или исполнительной властью, а правила, регулирующие взаимодействие, не являются ни юридически, ни процедурно обязательными для государств. Неформальные соглашения могут быть неписаными. Даже если они записаны, правила и цели в основном излагаются в расплывчатых, общих терминах, что делает их открытыми для широкого толкования. Еще одно различие касается способа принятия решений. Если формальные

институты часто являют собой представительные организации, где проводится официальное голосование и применяется правило большинства, то неформальные институты, как правило, полагаются исключительно на обсуждение и поиск консенсуса без формального голосования.

При концептуализации неформального сотрудничества полезно различать два взгляда [Brie, Stolting 2013, pp. 19–40] на неформальные институты в зависимости от того, как они возникают и каковы их отношения с формальными институтами.

Первая описывает неформальные институты как неотъемлемую часть формальных институтов. Согласно этой точке зрения, неформальные институты представляют собой социальные взаимодействия, которые происходят наряду с формализованными взаимодействиями в международных организациях. Эти неформальные институты (правила, нормы поведения и действия) не формируются и не контролируются акторами сознательно, а возникают эндогенно в результате обменов в рамках формальных структур. Они, как правило, дополняют и укрепляют формальные институты, создавая стимулы для соблюдения формальных правил.

Вторая концепция рассматривает неформальные институты как экзогенные по отношению к формальным институтам. Согласно данной концепции, неформальные институты включают в себя явные правила, нормы и процедуры принятия решений (письменные или неписанные), которые возникают вне официально разрешенных каналов. В отличие от исконных неформальных институтов, этот второй вид неформальных институтов сознательно создается и поддерживается акторами для достижения совместных политических целей.

В контексте сотрудничества Евросоюза и НАТО рассматриваются обе концепции, хотя вторая из них представляет больший интерес. В рамках второй концепции неформальные институты иногда могут возникать рядом с официальными органами принятия решений, чтобы улучшить их функционирование. Примером могут служить действующие в рамках многих международных организаций эксклюзивные «переговорные клубы», где влиятельные государства-члены неофициально обсуждают вопросы до их совместного рассмотрения с другими членами, например, представители США, Великобритании, Франции, Германии и Италии, проводят неофициальные переговоры по вопросам внешней политики ЕС до их вынесения на рассмотрение Совета. Имеют место регулярные обеды и встречи, во время которых представители стран ведут неофициальные дискуссии. Важную роль играют личные отношения между политическими фигурами. Например, стоит

вспомнить регулярные встречи генерального секретаря НАТО и Верховного представителя ЕС¹.

Неформальные институты также могут действовать независимо. В этом случае неформальные структуры могут не дополнять формальные механизмы принятия и реализации решений, а возникать с явной целью обойти или подорвать формальные процессы принятия решений. В качестве примера можно привести коалиции желающих, воевавшие в Ираке и Афганистане. Военные действия этих коалиций не были вспомогательными или дополнительными по отношению к официальным обсуждениям и действиям НАТО. Скорее, эти коалиции представляли собой альтернативные площадки для сотрудничества, которые обходили НАТО стороной [Borgwardt, Nichols 2021].

В той мере, в какой государства полагаются на внеинституциональное сотрудничество, чтобы заменить или обойти официальные ограничения, тем самым уменьшая формальные ограничения на формирование политики, мы можем говорить о «неформализации» сотрудничества. В политической науке неформальные отношения рассматриваются как реальные, а прописанные формальные как нереальные. Процесс изменений неформальных норм и политической культуры происходит медленнее, чем формальных норм.

В дополнение к своему уникальному и историческому значению для безопасности Европейского континента и трансатлантического пространства, взаимодействие между ЕС и НАТО привлекает внимание аналитиков благодаря своей связи с действующими концепциями и теориями в области безопасности. В этой связи важное значение имеют научные статьи профессора Норвежского института международных отношений Нины Грэггер [Graeger 2016, pp. 478–501; Graeger 2017, pp. 340–358; Graeger 2014, pp. 157–179; Graeger, Todd 2015], которая одна из немногих попыталась проанализировать и оценить уровень неформального сотрудничества ЕС и НАТО, в том числе на основе многочисленных проведенных интервью с работниками НАТО и ЕС. Грэггер изучает профессиональное сообщество в ЕС и НАТО и рассматривает роль неформального взаимодействия между сотрудниками этих организаций на разных уровнях, связывая свой практический подход с конструктивистским образом мышления.

В политической науке конструктивистское мышление подчеркивает социальную природу политической реальности, утверждая, что основные элементы международных отношений и полити-

¹ Relations with the European Union. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49217.htm (дата обращения 20.09.2023).

ческой жизни в целом (такие как государства, интересы, идентичности, нормы и институты) не даны изначально, а социально сконструированы в процессе взаимодействия между акторами.

Анализируя сотрудничество НАТО и ЕС, можно сделать следующие выводы: во-первых, растущая зависимость от специального сотрудничества обусловлена системными изменениями в постбиполярной стратегической среде, которые предъявляют более разнообразные и менее предсказуемые требования к военным ресурсам, особенно к ресурсам США, по сравнению с периодом биполярности. Эти изменения породили спрос на гибкие формы сотрудничества, которые позволяют союзникам использовать возможности и опыт третьих стран в каждом конкретном случае; во-вторых, новый стратегический фокус в сочетании с быстрым расширением членства привел к расширению институциональных рамок и полномочий НАТО, а также к усилению централизации принятия решений. Этот процесс «интернационализации» и «институционализации», в свою очередь, привел к тому, что некоторые вопросы оказались за пределами формальных границ Альянса, где институциональные ограничения на принятие решений остаются низкими; в-третьих, конец биполярности еще больше сместил баланс сил среди членов НАТО в пользу США, тем самым уменьшив стимулы Вашингтона к предоставлению институциональных возможностей для высказывания своего мнения или гарантий европейским союзникам. Это усилило склонность США к уклонению от формальных институциональных ограничений НАТО.

Основные преимущества неформального сотрудничества включают скорость, гибкость, низкие затраты и конфиденциальность.

Увеличение скорости и снижение затрат

Часто упоминаемое преимущество неформальных институтов заключается в том, что они быстро и дешево создаются. Официальные переговоры по заключению договоров часто проходят медленно, а их реализация затягивается из-за сложных внутренних процедур ратификации. Неформальные соглашения, напротив, не нуждаются в ратификации или имплементирующем законодательстве и часто могут вступить в силу немедленно. Однако преимущества скорости не объясняют, почему государства иногда предпочитают неформальные институты в качестве основы для международного сотрудничества, а в других случаях выбирают официальные соглашения. Быстрые действия, как правило, благоприятны, особенно при решении вопросов национальной и между-

народной безопасности, которые зачастую носят срочный характер. С.В. Старкин отмечал: «...среди представителей европейской и НАТОвской бюрократии имеется осознание факта, что любую проблему можно решить в рабочем порядке на неформальном уровне. Однако, с другой стороны, без формальных протоколов и отлаженных механизмов на всех уровнях возможно заключение лишь отдельных двусторонних соглашений по принципу *ad hoc*, что, естественно, увеличивает процессуальные сроки их принятия» [Старкин 2013, с. 31].

Более полезным способом осмысления институционального выбора в контексте международного сотрудничества в области безопасности является рассмотрение временных горизонтов. Согласно стандартной теории режимов [Keohane, Nye 1973; Krasner 1983], важной причиной, по которой государства создают международные институты, является снижение транзакционных издержек, связанных с повторным взаимодействием. Формальные институты делают это, собирая и распространяя информацию, интерпретируя и контролируя соблюдение правил и (возможно) заключая дополнительные соглашения. Однако поскольку они не обеспечивают централизованного сбора информации или мониторинга, неформальные институты с меньшей вероятностью могут снизить транзакционные издержки долгосрочного сотрудничества. Более того, расплывчатые, необязательные правила, лежащие в основе неформальных соглашений, могут оставлять возможность для частых переговоров, увеличивая тем самым стоимость переговоров.

Важным преимуществом неформального сотрудничества в условиях, когда уже существуют формальные институциональные структуры, является то, что в нем не обязательно должны участвовать все стороны существующего формального соглашения. Формальные институты, как правило, дают право всем членам участвовать в принятии коллективных решений. Неформальный подход, напротив, позволяет нескольким заинтересованным сторонам начать сотрудничество без консультаций с другими. Это облегчает начало сотрудничества, поскольку можно исключить из сферы влияния лиц, которые могут либо затормозить, либо свести на нет соглашение.

Гибкость и конфиденциальность

Неформальное сотрудничество не только служит инструментом исключения, но и может способствовать выборочному включению в него государств, являющихся третьими сторонами.

Важно отметить, что государства с соответствующими ресурсами можно привлекать на индивидуальной основе, не предлагая им никаких преимуществ, связанных с более постоянным, долгосрочным партнерством. С точки зрения ведущих государств, это может снизить затраты на сторонние платежи, необходимые для содействия сотрудничеству. Определяющей чертой многосторонней договорной организации, такой как НАТО, является то, что она опирается на принципы инклюзивности и недискриминации. Опора на неформальные рамки позволяет ведущим государствам предлагать другим участникам стимулы, учитывающие их индивидуальные оговорки. Подобная стратегия была бы политически затратной в контексте формального договорного режима, поскольку несправедливые условия партнерства противоречили бы преобладающим нормам, подчеркивающим формальное равенство государств-членов.

Формальные институты требуют соблюдения правил и процедур, которые сдерживают обсуждение и принятие решений. Как и в случае с большинством формальных многосторонних организаций, структура процедур принятия решений в НАТО и ЕС в основе своей эгалитарна, институционализируя права всех членов предлагать политику и позволяя более слабым членам блокировать инициативы путем отказа от консенсуса. С другой стороны, неформальные процедуры НАТО и ЕС в значительной степени ориентированы на власть. С точки зрения сильных государств, неформальное сотрудничество позволяет осуществлять контроль в большей степени, чем официальное, так как подвержено меньшим институциональным ограничениям. Это особенно верно, когда государства-члены имеют разнородные предпочтения, что увеличивает риск того, что другие государства сформируют блокирующие коалиции. Поэтому по мере роста разнообразия предпочтений сильные государства могут отдавать приоритет сотрудничеству через неформальные институты, которые с меньшей вероятностью могут быть захвачены более слабыми членами.

Учитывая преимущества неформального сотрудничества, можно задаться вопросом, почему неформальность не является неизменно предпочтительным способом сотрудничества, по крайней мере, для сильных государств. Однако основной существенный недостаток неформальности – дефицит доверия и ограниченная функциональность. Это подтверждает исследователь НАТО Д. Йост, который считает неформальный диалог неплохим вариантом взаимодействия, но перспектива только таких отношений с ограниченной функциональностью, по его мнению, неприемлема [Yost 2007].

Наиболее очевидным объяснением неформализации сотрудничества между членами НАТО являются изменения в глобальной стратегической обстановке в XXI в. с возникновением новых угроз. Окончание биполярного периода выдвинуло на первый план угрозы со стороны несостоявшихся и терпящих бедствие государств, стихийных бедствий, эпидемий и нехватки ресурсов, а также международного терроризма. Стратегическая среда после холодной войны характеризуется не только более широким спектром угроз, но и большим числом потенциальных партнеров по безопасности, поскольку переход к многополярности означает, что у государств появилось больше возможностей для выстраивания отношений [Walt 1987]. Поэтому трансатлантические партнеры будут стремиться к институциональной гибкости, чтобы защитить себя от непредвиденных затрат или неблагоприятных последствий распределения [Lipson 1991, p. 500]. Это означает, что новые кооперативные начинания, скорее всего, будут носить гибкий, необязательный характер.

Помимо стратегической неопределенности, конец биполярности усилил неоднородность предпочтений среди членов НАТО и ЕС. Во время холодной войны сотрудничество в рамках НАТО основывалось на относительно едином восприятии угроз. Как пишет Е.М. Кожокин: «Исчезновение системообразующего противника привело США к некоторой утрате ориентиров, простую дуалистическую схему требовалось заменить не менее обеспечение конфиденциальности понятной и простой» [Кожокин 1997, с. 70]. Современные угрозы же безопасности ощущаются и воспринимаются разными государствами-членами по-разному. Следовательно, единство взглядов и готовность к компромиссу менее вероятны, как показали разногласия по Ираку и Ливии. Кроме того, особое беспокойство у европейских союзников США вызывает администрация нового президента США Д. Трампа, которая осуществляет резкий разворот американской внешней политики на европейском направлении, что не находит понимания у ЕС и европейского сегмента НАТО. Основные тезисы внешней политики Трампа включают: усиление политики изоляционизма, т. е. снижение участия США в европейской безопасности, давление на союзников с требованием увеличить расходы на оборону; угроза или фактический выход США из НАТО или дезактивация их участия в альянсе; резкое сокращение американского военного присутствия в Европе; приоритет двусторонних отношений с отдельными европейскими странами, в ущерб институциональным структурам ЕС и НАТО. Такой курс вызывает обеспокоенность у европейских союзников, так как ставит под сомнение гарантии коллективной безопасности и устойчивость трансатлантической солидарности.

Современные угрозы со стороны несостоявшихся государств и международного терроризма носят более временный и изменчивый характер и не обязательно требуют долгосрочного сотрудничества между вмешивающимися сторонами. Следовательно, существует меньше стимулов для формализации сотрудничества и больше стимулов полагаться на гибкие краткосрочные решения. Кроме того, государства-члены справляются с институциональной сложностью и отсутствием консенсуса путем формирования небольших переговорных клубов и встреч министров стран-членов НАТО с коллегами из стран Евросоюза, которые не входят в НАТО, где вопросы могут обсуждаться неформально для достижения консенсуса, и полного обхода НАТО по вопросам, где формальный консенсус кажется явно недостижимым или где политические и технические институциональные ограничения, связанные с работой под эгидой НАТО, являются невыносимыми [Graeger 2014, pp. 157–179].

В этой связи примечателен кейс Турции, члена НАТО, но не входящей в ЕС, государства с крупнейшей армией в Европе, постоянной опоры натовского режима на континенте. Однако, как заметил еще Т. Атаев [Атаев 1973, с. 222–238], вхождение Турции в НАТО напомнило капитуляцию времен Османской империи, и ряд тех двусторонних соглашений с США предоставлял американцам множество прав в обход меджлиса, что вызывало нескрываемое недовольство консервативных политических кругов Турции. В добавление к этому конфликт Турции и Греции из-за принадлежности Северного Кипра нивелирует старания натовских проамериканских чиновников на сплочении членов Альянса и укреплении гомогенности настроений внутри него. Для обхода конфликта и принятия оперативных решений в дальнейшем развилось внеинституциональное взаимодействие Турции со странами Евросоюза: «Сотрудничество ЕС и НАТО долгое время было заблокировано конфликтом между Турцией, с одной стороны, и Грецией и Кипром – с другой. Возобновление этого партнерства с 2016 г. соответствует предыдущей тенденции, а именно обходу политических блокад на высшем политическом уровне посредством неформального сотрудничества» [Koenig 2018, pp. 3–4]. Турция регулярно взаимодействует с ЕС на уровне премьер-министров в рамках «Трансатлантических мероприятий», однако на уровень министров обороны такое неформальное общение переносить отказывается. Также усилилось число тесных контактов между сотрудниками низшего и среднего звена, обмена информацией или организации совместных семинаров и тренингов [Старкин 2013, с. 26–32].

Бельгия тоже смогла добиться успеха в решении вопроса, который касался некоторых членов Евросоюза, благодаря неформаль-

ному формату взаимодействия: «В период своего премьерства Ги Верховстадт активно занимался организацией диалога между ЕС и НАТО. В январе 2005 г. он выдвинул идею проведения неформальных встреч министров иностранных дел НАТО с участием их коллег из стран, входящих только в Евросоюз. Этот формат диалога прошел апробацию уже в декабре того же года, когда на встрече руководителей МИД упомянутых структур удалось ослабить напряженность в европейско-американских отношениях, возникшую вокруг так называемых секретных тюрем ЦРУ в Европе» [Государства Альпийского региона 2009, с. 371].

В актуальном кризисе на Украине неформальное сотрудничество ЕС и НАТО осуществлялось преимущественно на площадке так называемой Контактной группы по обороне Украины (UDCG), объединения, преследующего определенные цели в оказании военной и финансовой помощи Украине. В UDCG входили страны-члены блока НАТО, Евросоюз и 25 других стран со всех континентов, в дальнейшем к UDCG присоединились новые участники, и их число достигло 57. Однако единогласия среди участников UDCG не было и при администрации Дж. Байдена. Это доказывает, что ЕС и НАТО вынуждены работать вместе по необходимости, чтобы быстро найти решение. Брюссель понимает, что у него нет военного потенциала или способности противостоять России. Такие отношения построены на глубинных разногласиях и проблемах. ЕС осознал, что у него нет ни сил, ни средств для военной конфронтации с Россией из-за Украины. США, как лидер НАТО, опередили всех союзников в оказании помощи Украине. Ни одна из стран ЕС не готова и даже не способна оказать помощь сопоставимого масштаба. Европейцы, лишённые единства и координации, видят в НАТО более сильную (и, следовательно, лучшую) альтернативу. НАТО оказалось лучше подготовлено к противодействию угрозам такого масштаба, чем ЕС, по крайней мере, когда речь идет о формировании единого фронта и координации национальных усилий стран-членов. В то время как Евросоюз не смог выработать единую политику противостояния российской угрозе. В реакции стран-членов ЕС не было единства. НАТО, напротив, сформулировала ответ, которому страны-члены Альянса подчинились, по крайней мере, на уровне дискурса. Кроме того, важную роль играет идентичность НАТО, которая по своей природе – военный альянс с долгой историей, с устоявшимся опытом противодействия угрозам. ЕС, судя по его реакции на продолжающуюся войну в Украине, не обладает характеристиками, которые позволяют международной организации функционировать в качестве успешного военного альянса.

Итак, такие факторы как стратегическая неопределенность, расхождения в предпочтениях, растущие институциональные ограничения и увеличивающийся разрыв в эффективной силе между союзниками подталкивают к неформализации трансатлантического сотрудничества. Это не означает, что сотрудничество НАТО и ЕС утратило свою актуальность. Трансатлантическое партнерство продолжает быть полезным для своих членов как в качестве инструмента координации стратегического планирования и военных действий, так и в качестве источника легитимности союзнической политики в области безопасности. Однако, учитывая растущие институциональные ограничения и снижение стимулов для обеспечения единого фронта перед общей угрозой, в ситуациях, когда предпочтения расходятся, а временные горизонты коротки, подгруппы дееспособных государств, скорее всего, будут действовать автономно. Таким образом, одновременно с процессом «интернационализации» НАТО в XXI в. мы наблюдаем неформализацию некоторых аспектов трансатлантического сотрудничества.

Литература

- Атаев 1973 – *Атаев Т.* США, НАТО и Турция. М.: Прогресс, 1973. 321 с.
- Баталов 2016 – *Баталов Э.Я.* Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 6–25.
- Государства Альпийского региона 2009 – Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / ред. В.Я. Швейцер. М.: Весь мир, 2009. 544 с.
- Истомин 2021 – *Истомин И.А.* Логика поведения государств в международной политике. М.: Наука, 2021. 304 с.
- Кожокин 1997 – *Кожокин Е.М.* В поисках новой философии безопасности // Открытая политика. 1997. № 5. С. 64–72.
- Старкин 2013 – *Старкин С.В.* Сотрудничество ЕС – НАТО: факторы институционального взаимодействия // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2013. № 4. С. 26–32.
- Blagden, Thomson 2018 – *Blagden D., Thomson C.* A very British national security state: formal and informal institutions in the design of UK security policy // British Journal of Politics and International Relations. 2018. Vol. 20. Iss. 3. P. 573–593.
- Borgwardt, Nichols 2021 – *Rethinking American grand strategy* / ed. by C. Borgwardt, C. McKnight Nichols, A. Nichols Preston. New York: Oxford University Press, 2021. 483 p.
- Brie, Stolting 2013 – *Brie M., Stolting E.* Formal institutions and informal institutional arrangements // International handbook on informal governance / ed. by T. Christiansen, C. Neuhold. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. P. 19–40.

- DiMaggio, Powell 1991 – The new institutionalism in organizational analysis / ed. by P.J. DiMaggio, W.W. Powell. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991. 492 p.
- Graeger 2014 – *Graeger N.* Security. EU – NATO relations: informal cooperation as a common lifestyle // The European Union with(in) international organizations commitment, consistency and effects across time / ed. by A. Orsini. London: Routledge, 2014. P. 157–179.
- Graeger 2016 – *Graeger N.* European security as practice: EU – NATO communities of practice in the making? // European Security. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 478–501.
- Graeger 2017 – *Graeger N.* Grasping the everyday and extraordinary in EU – NATO relations: the added value of practice approaches // European Security. 2017. Vol. 26. No. 3. P. 340–358.
- Graeger, Todd 2015 – *Graeger N., Todd J.* Still a “strategic” EU – NATO partnership? Bridging governance challenges through practical cooperation // Policy Paper. 2015. No. 21. Iss. 123. P. 1–8.
- Hall, Taylor 1996 – *Hall P., Taylor R.S.R.* Political science and the three new institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. 44. Iss. 5. P. 936–957.
- Keohane, Nye 1973 – *Keohane R., Nye J.* Transnational relations and world politics. Cambridge: Harvard University Press, 1973. 460 p.
- Koenig 2018 – *Koenig N.* The EU and NATO: A partnership with a glass ceiling. Istituto Affari Interazionali. EU Global Strategy Watch, 2018. URL: <https://www.aspeninstitute.org/publications/intelligent-defense/> (дата обращения 10.11.2024).
- Krasner 1983 – International regimes / ed. by S. Krasner. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1983. 372 p. (Cornell studies in political economy)
- Lipson 1991 – *Lipson C.* Why are some international agreements informal? // International Organization. 1991. Vol. 45. No. 4. P. 495–538.
- Meyer, Rowan 1977 – *Meyer J., Rowan B.* Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // The American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83. No. 2. P. 340–363.
- Walt 1987 – *Walt S.M.* The Origin of alliances. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. 336 p.
- Yost 2007 – *Yost D.S.* NATO and international organizations. Rome: NATO Defense College, 2007. 190 p. (Forum Papers Series)

References

- Ataev, T. (1973), *SShA, NATO i Turtsiya*, [USA, NATO and Turkey], Progress, Moscow, USSR.
- Batalov, E.Ya. (2016), “New institutionalization of world politics”, *International Trends*, vol. 14, no. 1, pp. 6–25.
- Blagden, D. and Thomson, C. (2018), “A very British national security state: formal and informal institutions in the design of UK security policy”, *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 20, iss. 3, pp. 573–593.

- Borgwardt, C., McKnight Nichols, C. and Nichols Preston, A., eds. (2021), *Rethinking American grand strategy*, Oxford University Press, New York, USA.
- Brie, M. and Stolting, E. (2013), "Formal institutions and informal institutional arrangements", in Christiansen, T. and Neuhold, C., eds., *International handbook on informal governance*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, pp. 19–40.
- DiMaggio, P.J. and Powell, W.W., eds. (1991), *The new institutionalism in organizational analysis*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.
- Graeger, N. (2014), "Security. EU – NATO relations: informal cooperation as a common lifestyle", in Orsini, A., ed., *The European Union with(in) international organizations commitment, consistency and effects across time*, Routledge, London, UK, pp. 157–179.
- Graeger, N. (2016), "European security as practice: EU – NATO communities of practice in the making?", *European Security*, vol. 25, no. 4, pp. 478–501.
- Graeger, N. (2017), "Grasping the everyday and extraordinary in EU – NATO relations: the added value of practice approaches", *European Security*, vol. 26, no. 3, pp. 340–358.
- Graeger, N. and Todd, J. (2015), "Still a 'strategic' EU – NATO partnership? Bridging governance challenges through practical cooperation", *Policy Paper*, no. 21, iss. 123, pp. 1–8.
- Hall, P. and Taylor, R.S.R. (1996), "Political science and the three new institutionalisms", *Political Studies*, vol. 44, iss. 5, pp. 936–957.
- Istomin, I.A. (2021), *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [The logic of state behavior in international politics], Nauka, Moscow, Russia.
- Keohane, R., Nye, J. (1973), *Transnational relations and world politics*, Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Koening, N. (2018), *The EU and NATO: A partnership with a glass ceiling*, Istituto Affari Interazionali, EU Global Strategy Watch, available at: <https://www.aspeninstitute.org/publications/intelligent-defense/> (Accessed 10 Nov. 2024).
- Kozhokin, E.M. (1997), "In search of a new philosophy of security", *Otkrytaya politika*, no. 5, pp. 64–72.
- Krasner, S., ed. (1983), *International regimes*, Cornell University Press, Ithaca, NY, USA.
- Lipson, C. (1991), "Why are some international agreements informal?", *International Organization*, vol. 45, no. 4, pp. 495–538.
- Meyer, J. and Rowan, B. (1977), "Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony", *American Journal of Sociology*, vol. 83, no. 2, pp. 340–363.
- Shveitser, V.Ya., ed. (2009), *Gosudarstva Al'piiskogo regiona i strany Benilyuks v meynyayushcheysya Evrope* [Alpine and Benelux states in a changing Europe], Ves mir, Moscow, Russia.
- Starkin, S.V. (2013), "EU – NATO cooperation: factors of institutional interaction", *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya "Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii"*, no. 4, pp. 26–32.
- Walt, S.M. (1987), *The Origin of alliances*, Cornell University Press, Ithaca, NY, USA.
- Yost, D.S. (2007), *NATO and international organizations*, NATO Defense College, Rome, Italy. (*Forum Papers Series*)

Информация об авторе

Никита А. Потевский, аспирант, МГИМО Университет, Москва, Россия; 119454, Москва, Россия, пр-кт Вернадского, д. 76; nap11@internet.ru

Information about the author

Nikita A. Potevskii, postgraduate student, MGIMO University, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; nap11@internet.ru

Между идеологией и анализом:
подходы экспертно-аналитических центров США
к разработке рекомендаций по Ирану

Альберт А. Новиков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, novikovalbert2000@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию подходов американских экспертно-аналитических центров (think tanks) к выработке рекомендаций по Ирану. Поскольку информация о взаимодействии исполнительной власти с аналитическими центрами из соображений национальной безопасности зачастую остается конфиденциальной, в качестве объекта анализа были выбраны четыре наиболее влиятельных центра, чьи эксперты чаще всего взаимодействуют с органами законодательной власти, а именно приглашаются на слушания в Конгрессе США. В их число входят “Foundation for Defense of Democracies” (FDD), “Washington Institute for Near East Policy” (WINEP), “Brookings Institution” и “American Enterprise Institute» (AEI). Методологической основой исследования является сравнительный анализ, который позволил типологизировать think tanks в соответствии с подходами к созданию экспертных рекомендаций по выработке политики США в отношении Ирана. Предложенные автором статьи критерии сформулированы на основе анализа публичных материалов, экспертного состава, источников финансирования, участия в лоббистской деятельности think tanks. Исследование показало, что FDD и WINEP представляют собой центры адвокации, чьи рекомендации по Ирану отражают, преимущественно, произраильскую ориентацию. В свою очередь, “Brookings Institution” демонстрирует стремление к объективности, а рекомендации AEI в большей степени подвержены влиянию идеологических установок. Статья вносит вклад в понимание роли экспертно-аналитических центров в выработке внешнеполитических решений в США, подчеркивая влияние их институциональной природы на содержание рекомендаций.

Ключевые слова: экспертно-аналитические центры, экспертное знание в США, американо-иранские отношения

Для цитирования: Новиков А.А. Между идеологией и анализом: подходы экспертно-аналитических центров США к разработке рекомендаций по Ирану // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 88–102. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-88-102

Between ideology and analysis: US think-tanks' approaches to developing recommendations on Iran

Albert A. Novikov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, novikovalbert2000@mail.ru*

Abstract. The present article is devoted to the study of the approaches adopted by some American think tanks in the development of recommendations on Iran. Since the information regarding the interaction between the executive branch and the think tanks is often kept confidential for national security reasons, the four most influential think tanks, whose experts most frequently interact with the legislative branch and are invited to testify at the US Congress hearings, have been chosen as the object for analysis. These include the Foundation for Defense of Democracies (FDD), the Washington Institute for Near East Policy (WINEP), the Brookings Institution and the American Enterprise Institute (AEI). The methodological basis of the study is a comparative analysis, which made it possible to classify the think tanks according to their approaches to the development of expert recommendations on the policy of Iran, in keeping with the criteria proposed by the author of the article, based on the analysis of public materials, an expert composition, the sources of funding and the think tanks' participation in the lobbying activities. The study demonstrated that FDD and WINEP function as advocacy centers, with their recommendations on Iran reflecting a predominantly pro-Israeli orientation. In contrast, the Brookings Institution is distinguished by its commitment to objectivity, while AEI's recommendations are more influenced by ideological attitudes. The article makes a contribution to the understanding of the role of think tanks in the US foreign policy-making by highlighting the influence of their institutional nature on the content of their recommendations.

Keywords: think tanks, expert knowledge in the US, US-Iranian relations

For citation: Novikov, A.A. (2025), "Between ideology and analysis: US think-tanks' approaches to developing recommendations on Iran", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 88–102, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-88-102

Введение

Экспертно-аналитические центры (англ. think-tanks) в США предоставляют политикам рекомендации по широкому спектру внешнеполитических вопросов, занимая важное место на пересе-

чении науки и политики. Однако степень, в которой они привержены научному подходу (т. е. академичности) или политическим рамкам (т. е. идеологии) может существенно варьироваться.

Под академичностью в данном контексте следует понимать стремление к объективному анализу и комплексному использованию эмпирических данных при выработке рекомендаций, применение научной методологии, стремление к сбалансированности в оценке явлений. Под идеологизированностью – превалирование заинтересованности в продвижении определенной политической повестки над объективным анализом, подчинение выводов исследования идеологическим постулатам и интересам доноров.

Важно отметить, что академичность и идеологизированность не являются взаимоисключающими характеристиками, а, скорее, представляют собой две оси, на которых различные аналитические центры могут занимать разные позиции. Некоторые центры, несмотря на выраженную идеологическую ориентацию, могут демонстрировать высокую степень академичности в своих методологических подходах.

Экспертно-аналитические центры не только генерируют аналитические обзоры и рекомендации, но и активно формируют дискурсы и нарративы, которые влияют на общественное восприятие внешнеполитических проблем. Через публикации, выступления в СМИ, участие в конференциях и консультации с политиками их представители предлагают объяснение сложных международных процессов и сценарии их развития. Think tanks транслируют определенное видение ситуации, подчеркивая те аспекты, которые соответствуют их профилю. Эти нарративы затем оказывают влияние как на формирование общественного мнения, так и на принятие политических решений.

Особенно ярко это противоречие проявляется в случае с Ираном, где такие вопросы, как ядерная программа, региональное влияние и права человека, вызывают резкие расхождения во взглядах и рекомендациях аналитических центров. Спектр возможных решений, предлагаемых экспертами, варьируется от поиска дипломатических решений спорных вопросов до использования военной силы. Противоречивость и стратегическая важность иранской проблематики создают уникальную и показательную ситуацию для анализа влияния институциональной природы и идеологических установок в деятельности экспертно-аналитических центров.

Обозначенная проблематика не остается без внимания исследователей. Вопросы взаимодействия экспертно-аналитических

центров и государства в своих работах рассматривают исследователи Т. Медветц [Medvetz 2012], Дж. МакГанн [McGann 2016] и А.В. Братерский [Братерский 2020; Братерский 2023]. Степень влияния различных групп интересов в формировании повесток экспертно-аналитических центров оказались в исследовательском фокусе Дж. Терри [Terri 2005], Дж. Миршаймера и С. Уолта [Mearsheimer, Walt 2007].

Статья нацелена на выявление особенностей позиций американских экспертно-аналитических центров в вопросе о выработке политики США в отношении Ирана, что достигается посредством использования сравнительного метода и институционального подхода.

Классификация экспертно-аналитических центров

Т. Медветц, критикуя большинство определений экспертно-аналитических центров, обращает внимание на то, что любой организации, желающей быть признанной в качестве экспертно-аналитического центра, необходимо сочетать институционализированные ресурсы из академической, политической, экономической и медийной сфер. При этом организация не должна выглядеть зависимой от них. По мнению исследователя, чтобы справиться с этой дилеммой, центры систематизируют информацию, полученную из каждой сферы, демонстрируя свою удаленность от них и балансируя между ними [Medvetz 2012, pp. 30–31]. Однако, как показывает практика, нахождение идеального равновесия весьма затруднительно.

Р. Кент Уивер выделил три типа экспертно-аналитических центров:

1. «Университеты без студентов» (universities without students) работают по широкому спектру вопросов. Продуктом их деятельности, как правило, являются объемные монографии, находящиеся в публичном доступе. Родоначальником центров данного типа считается Институт Брукингса (“Brookings Institution”).

2. Контрактные исследовательские организации (contract research centers) работают по более узким направлениям, часто позволяя правительственным структурам обойти кадровые ограничения, установленные для них Конгрессом. Исследовательский продукт подобных центров – отчеты для конкретных правительственных агентств, недоступные для широкой публики, если само агентство не решит их опубликовать. К этому типу относятся, например, корпорация RAND и “Urban Institute”.

3. Центры адвокации (advocacy centers) обладают яркой идеологической направленностью и стремятся повлиять на текущие политические дебаты. Центры адвокации не проводят оригинальные исследования, а синтезируют и придают своеобразную «окраску» существующим, после чего проводят яркие кампании по продвижению своей точки зрения. Ярким примером такого центра является Фонд «Наследие» (“Heritage Foundation”) [Weaver 1989, pp. 546–567].

4. Отдельно следует выделить ведомственные аналитические центры. Например, Исследовательская служба Конгресса США (“Congressional Research Service”). Ее специфика заключается в том, что с одной стороны, ИСК близка к процессу выработки и принятия решений в Конгрессе США, являясь его непосредственным участником (что и роднит ее с моделью внутренней экспертизы). С другой стороны, в отличие от большинства экспертно-аналитических центров ИСК не является проводником определенных политических и/или идеологических взглядов [Сафронова 2021, с. 50].

Джеймс Дж. МакГанн обращает внимание на то, что контрактные исследовательские организации и «университеты без студентов» в значительной степени полагаются на академические кадры и делают упор на объективный анализ. Главное различие между ними заключается в том, каковы объем и адрес исследовательского продукта. Центры адвокации отличаются от других более существенно, выступая, скорее «продавцами», чем «создателями», рекомендаций и обеспечивая себе за счет этого более тесные отношения с политиками [McGann 2016, pp. 13–14].

Таким образом, можно предложить несколько критериев различий между академическими аналитическими центрами («университеты без студентов» и контрактные исследовательские организации) и центрами адвокации:

- цель и направленность исследований: академические аналитические центры стремятся вырабатывать рекомендации на основании объективного знания и строгой методологии, центры адвокации – продвигать определенные точки зрения или лоббировать политические действия;
- методология исследования: академические аналитические центры используют обширные базы данных и научную методологию и могут иметь свои рецензируемые научные журналы, центры адвокации ставят в приоритет политическое и идеологическое обоснование рекомендаций;
- профессионализм экспертов: в академических аналитических центрах над исследованиями работают ученые, исследователи и эксперты с академической квалификацией и

- знанием языка или языков исследуемых регионов, в центрах адвокации нет строгих академических требований к лицам, составляющим рекомендации;
- результаты и аудитория: академические аналитические центры выпускают подробные исследовательские работы, аналитические записки и отчеты, которые предназначены для политиков, ученых и других исследователей, центры адвокации продуцируют широкодоступные отчеты и материалы и проводят кампании, направленные на формирование общественного мнения и мобилизацию политической поддержки;
 - участие в лоббистской деятельности: центры адвокации могут заниматься прямым лоббированием политиков для продвижения своих приоритетов, академические аналитические центры этим никогда не занимаются;
 - источники финансирования: академические аналитические центры получают финансирование из широкого круга источников, включая фонды или гранты, центры адвокации получают финансирование от идеологически ориентированных доноров, корпораций или политических организаций, которые определяют их повестку;
 - аффилиации: академические аналитические центры поддерживают официальные связи с университетами или другими академическими учреждениями, зачастую находясь в их структуре, центры адвокации примыкают к политическим партиям и группам интересов.

Первые четыре критерия можно при этом определить как институциональные, а следующие три – как идеологические.

Анализ институциональной природы и идеологических рамок экспертных центров

Экспертно-аналитические центры в США привлекаются для консультаций как органами исполнительной, так и законодательной власти. О взаимодействии исполнительной власти с аналитическими центрами информацию можно найти далеко не всегда, поскольку зачастую ее подробности остаются конфиденциальными из соображений национальной безопасности. Взаимодействие с Конгрессом США можно проследить через процедуру слушаний, на которые члены соответствующего комитета той или иной палаты приглашают экспертов из различных центров, чтобы ознакомиться с их точкой зрения по обсуждаемому вопросу.

Как следует из данных, опубликованных на сайте Конгресса США¹, за период с 2009 по 2024 гг. Конгресс США провел в общей сложности 135 слушаний по иранской проблематике. Чаще всего выступали эксперты от следующих центров:

- “Foundation for Defense of Democracies” (FDD) – 47 раз;
- “Washington Institute for Near East Policy” (WINEP) – 27 раз;
- “Brookings Institution” – 18 раз;
- “American Enterprise Institute” (AEI) – 16 раз.

Представители FDD, WINEP и AEI занимали, преимущественно, враждебную позицию по отношению к Исламской Республике: рекомендовали наращивать санкционное давление и критиковали попытки дипломатического разрешения разногласий, в том числе Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), известный также как «иранская ядерная сделка», согласно которому Иран ограничивал свою ядерную программу и допускал наблюдателей МАГАТЭ на ядерные объекты в обмен на частичное снятие санкций. Приглашенные эксперты из Института Брукинга призывали к использованию дипломатических мер, которые позволили бы снизить эскалацию [Новиков 2024, с. 140].

“Foundation for Defense of Democracies” (FDD) базируется в Вашингтоне, округ Колумбия, и позиционирует себя как непартийный исследовательский институт, специализирующийся на вопросах национальной безопасности и внешней политики. FDD уделяет особое внимание странам, считающимся в США угрозой национальной безопасности, таким как Китай, Россия и Иран. В описании иранской программы FDD постулируется угроза, «которую Исламская Республика представляет для Америки и ее союзников»². FDD не работает в академической сфере, аналитики в своих исследованиях не придерживаются методологической строгости, а публикации фонда не проходят внешнее рецензирование. Сами же сотрудники FDD являются в основном выходцами из правительственных структур, разведки, армии (американской или израильской) или СМИ и далеко не все имеют научные степени. Например, руководитель иранской программы и исполнительный директор организации Марк Дубовиц является юристом и

¹ House Committee hearing transcripts // Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/house-hearing-transcripts> (дата обращения 13.01.2025); Senate Committee hearing transcripts // Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/senate-hearing-transcripts> (дата обращения: 13.01.2025).

² Iran program // Foundation for Defense of Democracies. URL: <https://www.fdd.org/projects/iran-program/> (дата обращения 13.01.2025).

доктором юриспруденции, а не профессиональным иранистом³. В программе исследований по Ирану задействованы 23 эксперта, 6 из которых обладают докторскими степенями и 4 владеют фарси (3 этнических перса и 1 американец)⁴. Организация проводит свои исследования для политиков и СМИ⁵.

У FDD есть дочерняя организация “Foundation For Defense of Democracies Action” – лоббистская группа, занимающаяся адвокацией своих предложений и идей⁶. Согласно данным портала OpenSecrets, отслеживающего перемещение денег в американской политике, в 2024 г. она потратила на лоббистскую деятельность \$490 тысяч⁷. За два года работы 118-го созыва Конгресса FDD был замечен в лоббировании 163 законодательных актов, в основном касавшихся вопросов внешней политики⁸. Согласно данным портала InfluenceWatch, FDD получает большую часть пожертвований от организаций и лиц, тесно связанных с израильским лобби⁹. Саму FDD и левые, и правые американские издания однозначно относят к израильскому лобби¹⁰.

³ He was a tireless critic of the Iran deal. Now he insists he wanted to save it // New York Times. May 13, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/13/us/politics/mark-dubowitz-iran-deal.html> (дата обращения 13.01.2025).

⁴ FDD team // Foundation for Defence of Democracies. URL: <https://www.fdd.org/team/fdd-team?project=iran-program> (дата обращения 13.01.2025).

⁵ About FDD // Foundation for Defence of Democracies. URL: <https://www.fdd.org/about-fdd/> (дата обращения 13.01.2025).

⁶ FDD action // Foundation for Defense of Democracies Action. URL: <https://www.fddaction.org/about/> (дата обращения 13.01.2025).

⁷ Foundation for Defense of Democracies lobbying profile // OpenSecrets. URL: <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/clients/summary> (дата обращения 13.01.2025).

⁸ Foundation for Defense of Democracies bills lobbied // OpenSecrets. URL: <https://www.opensecrets.org/federal-lobbying/clients/bills> (дата обращения 13.01.2025).

⁹ Foundation for Defense of Democracies // InfluenceWatch. URL: <https://www.influencewatch.org/non-profit/foundation-for-defense-of-democracies/> (дата обращения 13.01.2025).

¹⁰ См., например: Will this billionaire-funded think tank get its war with Iran? // The Nation. January 8, 2020. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/foundation-defense-democracies-iran/> (дата обращения 13.01.2025); Most favored democracy // The American Conservative. 2003. November 17. URL: <https://www.theamericanconservative.com/most-favored-democracy/> (дата обращения 13.01.2025).

Вторым по частоте выступления приглашенных экспертов стал экспертно-аналитический центр институт “Washington Institute for Near East Policy”, в качестве своей миссии провозглашающий «продвижение сбалансированного и реалистичного понимания американских интересов на Ближнем Востоке и политики, которая их обеспечивает»¹¹. Результаты работы института направлены в первую очередь на выработку политических рекомендаций, а не на создание академических исследования. Из пяти специалистов, узко специализирующихся в центре на Иране, лишь у одного в биографии указано наличие докторской степени по экономике, у троих бакалаврские/магистерские степени по ближневосточным исследованиям. Данных о том, что кто-либо из них владеет фарси, нет. Однако среди других экспертов центра есть специалисты, знающие персидский язык¹². Основной исследовательский продукт WINEP – брифы (короткие аналитические заметки) и статьи для ведущих американских (“Foreign Affairs”, “Time”, “The Hill” и др.) и израильских (“Jerusalem Strategic Tribune”, “Jerusalem Post” и др.) изданий, реже выходят более глубокие исследования¹³.

Сам WINEP не занимается лоббистской деятельностью. Однако с момента своего основания в 1985 г. Мартином Индиком, заместителем директора крупной произраильской лоббистской организации “American Israel Public Affairs Committee” (AIPAC), аналитический центр интеллектуально обеспечивает его деятельность. Индик создал WINEP с благословения AIPAC и при финансировании со стороны многих доноров AIPAC. Впоследствии Индик работал послом в Израиле и помощником секретаря по делам Ближнего Востока в администрации У. Клинтона [Mitchell 2013, pp. 164–165]. Исследователи Дж. Миршаймер и С. Уолт наряду с AIPAC относят WINEP к ядру произраильского лобби [Mearsheimer, Walt 2007, p. 113].

Следующим по частоте присутствия на слушаниях в Конгрессе является Институт Брукинга – старейший экспертно-аналитический центр США. Своей целью организация заявляет «про-

¹¹ Our mission & history // The Washington Institute. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/about/our-mission-history> (дата обращения 15.01.2025).

¹² Experts // The Washington Institute. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/experts?type=All®ion=16&issue=All> (дата обращения 15.01.2025).

¹³ Policy analysis // The Washington Institute. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis> (дата обращения 15.01.2025).

ведение глубоких, беспартийных исследований для улучшения политики и управления на местном, национальном и глобальном уровнях»¹⁴. У института есть несколько рецензируемых научных журналов таких как “Brookings Papers on Economic Activity” (БРЕА), “Behavioral Science & Policy”, “Brookings Papers on Education Policy” (БРЕП), “Brookings-Wharton Papers on Urban Affairs” и др. Из пяти экспертов, специализирующихся на Иране, четверо являющимися обладателями докторских степеней¹⁵. Хотя информация о том, что кто-либо из них владеет фарси нет, ведущий эксперт центра по Ирану Сьюзан Малони училась в Тегеране в рамках первых академических обменов между США и Исламской Республикой, что позволяет предположить, что она владеет персидским языком¹⁶. Исследования института охватывают широкий спектр проблем, а целевой аудиторией комментариев является как широкий круг читателей, так и правительственные служащие.

Институт Брукингса нередко приглашается для консультирования правительства по различным вопросам. Однако ни сам институт, ни его дочерние организации не принимают участия в лоббистской деятельности. Организация ежегодно публикует список своих доноров. В 2023 г. крупнейшими жертвователями были различные благотворительные фонды и крупные технологические и промышленные корпорации¹⁷. Институт не имеет прямых связей с какими-либо политическими группами (хотя идеологически склоняется к демократам) и поддерживает партнерские отношения с университетами и академическими организациями в рамках совместных исследовательских проектов, мероприятий и публикаций.

Наконец, четвертый экспертно-аналитический центр “American Enterprise Institute”, представители которого часто приглашались на слушания в Конгрессе, видит свою задачу в том, чтобы «защищать человеческое достоинство, расширять человеческий потенциал и строить более свободный и безопасный мир» на

¹⁴ About us // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/about-us/> (дата обращения 18.01.2025).

¹⁵ Iran // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/regions/middle-east-north-africa/iran/> (дата обращения 18.01.2025).

¹⁶ Suzanne Maloney // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/people/suzanne-maloney/> (дата обращения 18.01.2025).

¹⁷ Brookings 2023 annual report. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2023/11/Brookings_FY23_Annual_Report.pdf (дата обращения 18.01.2025).

принципах «демократии, свободного предпринимательства, американской силы и глобального лидерства»¹⁸. АЕИ открыто декларирует свою идеологическую ориентацию, что находит отражение в публикациях центра. Тем не менее, будучи идеологически ориентированным центром, эксперты центра применяют строгие академические стандарты в своей методологии и широкую источниковую базу: например, в 2007 г. институт сообщил о создании базы данных об иностранных инвестициях в Иран (по состоянию на начало 2025 г. ее в открытом доступе нет)¹⁹. Собственных рецензируемых журналов у центра нет, однако эксперты центра публикуют результаты своих исследований в других академических журналах²⁰. На сайте института не указаны специалисты, занимающиеся конкретно Ираном. Два эксперта по Ближнему Востоку – Майкл Рубин и Даниэль Плетка – по пять раз за 16 лет были приглашены в Конгресс для участия в слушаниях по Ирану. Ни один из них не владеет фарси, степень доктора есть только у Рубина²¹. Публикации АЕИ включают доклады, научные статьи, брифы, экспертные комментарии и книги, как для широкой аудитории, так и для политиков и чиновников.

АЕИ поддерживает тесные отношения с политиками и снабжает их своими материалами, однако сам в лоббистской деятельности не участвует. АЕИ не раскрывает деталей своего финансирования и влияния, которое эти источники могут оказывать, публикуя только самые общие данные о структуре доходов и расходов²². Институт несколько раз становился объектом критики за то, что занимал позиции, выгодные его донорам. Например, выступал против регулирования ископаемого топлива, финансовых институтов или

¹⁸ About // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/about/> (дата обращения 21.01.2025).

¹⁹ A new tool for tracking investment in Iran // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/articles/a-new-tool-for-tracking-investment-in-iran/> (дата обращения 21.01.2025).

²⁰ Journal publications // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/research-products/journal-publications/> (дата обращения 21.01.2025).

²¹ Our scholars // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/our-scholars/?sort=last-name&policy-area=foreign-and-defense-policy> (дата обращения 21.01.2025).

²² American Enterprise Institute 2023 annual report. P. 26. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2024/02/2023-Annual-Report-Press-Feb-16.pdf?x85095> (дата обращения 21.01.2025).

поддерживал Тайвань²³. Уолт и Миршаймер относят AEI к израильским организациям [Mearsheimer, Walt 2007, p. 252].

Таким образом, из четырех экспертно-аналитических центров, представители которых чаще всего приглашались в Конгресс и оказывали определенное влияние на выработку внешней политики США по отношению к Ирану, два являются явно центрами адвокации и один академическим аналитическим центром и еще один занимает промежуточное положение (табл. 1).

Вывод

Подходы FDD и WINEP к разработке рекомендаций по отношению к Ирану в первую очередь продиктованы отчетливой израильской ориентацией этих центров. Оба были созданы исключительно с целью продвижения израильских нарративов и обеспечения поддержки внешнеполитических целей Израиля в Вашингтоне. То, что эти два центра с отрывом лидируют по числу приглашений на слушания в Конгрессе, отражает двухпартийную приверженность конгрессменов альянсу США и Израиля, в том числе и по иранской проблематике.

Институт Брукинга и AEI представляют собой примеры классических экспертно-аналитических центров. AEI, несмотря на то, что является идеологизированным центром и относится исследователями к израильскому лобби, в отличие от других демонстрирует более системный и академический подход к изучению иранской проблематики, которая является далеко не основной для центра. Это доказывает, что идеологическая направленность и методологическая строгость могут сосуществовать в рамках одного экспертно-аналитического центра и не обязательно противоречат друг другу. Подход Института Брукинга – самый академический из рассматриваемых. Вследствие этого центр предоставляет и наиболее умеренную и взвешенную позицию по Ирану, не продиктованную ни запросами доноров, ни идеологической аффилиацией.

²³ The secret foreign donor behind the American Enterprise Institute // The Nation. 2013. June 25. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/secret-foreign-donor-behind-american-enterprise-institute/> (дата обращения 21.01.2025).

Таблица 1

Сводная характеристика аналитических центров,
предоставляющих экспертные рекомендации по Ирану

Аналитический центр	<i>FDD</i>	<i>WINEP</i>	<i>BI</i>	<i>AEI</i>
Цель исследований	Продвижение	Продвижение	Наука	Наука и продвижение
Методология	Нет строгой методологии	Нет строгой методологии	Есть методология	Есть методология
Профессионализм экспертов	Ph.D.: 6/23 (26%) Фарси: 4/23 (17%)	Ph.D.: 1/5 (20%) Фарси: 0/5 (0%)	Ph.D.: 4/5 (80%) Фарси: 1/5 (20%)	Ph.D.: 1/2 (50%) Фарси: 0/2 (0%)
Основная Аудитория	Политики и СМИ	Политики и СМИ	Политики, СМИ, ученые	Политики, СМИ, ученые
Лоббизм	Да	Создан лоббистской организацией	Нет	Нет
Финансирование	Произраильское лобби	Произраильское лобби	Разнообразное	Разнообразное, в том числе произраильское лобби
Аффилиации	Произраильское лобби	Произраильское лобби	Нет	Произраильское лобби
Кол-во критериев академических центров	0	0	7	5
Кол-во критериев центров адвокации	7	7	0	4
Тип	Центр адвокации	Центр адвокации	Академический центр	Промежуточное положение

Литература

- Братерский 2020 – *Братерский А.В.* «Мозговые центры» при президентстве Дональда Трампа // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 6. С. 92–108. DOI: 10.31857/S268667300009772-9.
- Братерский 2023 – *Братерский А.В.* «Мозговые центры» при президентстве Джозефа Байдена // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 4. С. 34–48. DOI: 10.31857/S268667302304003X.
- Новиков 2024 – *Новиков А.А.* Роль Конгресса в формировании иранского вектора внешней политики США (на примере ядерной сделки) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 131–144. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-131-144.
- Сафронова 2021 – *Сафронова О.В.* Исторический опыт Исследовательской службы Конгресса США: формирование специфической модели экспертно-аналитического обеспечения процесса принятия решений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 46–54.
- McGann 2016 – *McGann J.G.* The fifth estate: think tanks, public policy, and governance. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2016. 225 p.
- Mearsheimer, Walt 2007 – *Mearsheimer J.J., Walt S.M.* The Israel lobby and US foreign policy. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007. 500 p.
- Medvetz 2012 – *Medvetz T.* Think tanks in America. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 324 p.
- Mitchell 2013 – *Mitchell T.G.* Israel/Palestine and the politics of a two-state solution. Jefferson: McFarland, 2013. 217 p.
- Terry 2005 – *Terry J.J.* US Foreign policy in the Middle East: The role of lobbies and special interest groups. L., 2005. 167 p.
- Weaver 1989 – *Weaver R.K.* The changing world of think tanks // PS: Political Science & Politics. 1989. Vol. 22. No. 3. P. 563–578. DOI:10.2307/419623.

References

- Bratersky, A.V. (2020), "Think tanks during Donald Trump's presidency", *USA & Canada: Economics. Politics. Culture*, vol. 50, no. 6, pp. 92–108.
- Bratersky, A.V. (2023), "Think tanks under president Joseph Biden", *USA & Canada: Economics. Politics. Culture*, vol. 4, pp. 34–48.
- McGann, J.G. (2016), *The fifth estate: think tanks, public policy, and governance*, Brookings Institution Press, Washington, D.C., USA.
- Mearsheimer, J.J. and Walt, S.M. (2007), *The Israel lobby and US foreign policy*, Farrar, Straus and Giroux, New York, USA.
- Medvetz, T. (2012), *Think tanks in America*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Mitchell, T.G. (2013), *Israel/Palestine and the politics of a two-state solution*, McFarland, Jefferson, USA.

- Novikov, A.A. (2024), "The role of the US Congress in formulating the Iran nuclear deal", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 131–144.
- Safronova, O.V. (2021), "Historical record of the Congressional research service: development of the specific expertise model in decision-making process", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 1, pp. 46–54.
- Terry, J.J. (2005), *US Foreign Policy in the Middle East: The role of lobbies and special interest groups*, London, UK.
- Weaver, R.K. (1989), "The changing world of think tanks", *PS: Political Science & Politics*, vol. 22, no. 3, pp. 563–578.

Информация об авторе

Альберт А. Новиков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; novikovalbert2000@mail.ru

Information about the author

Albert A. Novikov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; novikovalbert2000@mail.ru

Отношения Грузии и США в контексте трансформации грузинской внешней политики в 2022–2025 гг.

Гия Г. Голава

*Средняя общеобразовательная школа № 59,
Екатеринбург, Россия, giaforever1@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется изменение позиции Грузии в отношениях с США на фоне кризиса стратегического партнерства. Она нацелена на осмысление логики действий грузинского руководства в условиях современной международно-политической турбулентности с опорой на многофакторный анализ и метод прогнозирования. Автор рассматривает американо-грузинские отношения как целостную систему со своими структурно-функциональными связями и выделяет в них две значимые и независимые переменные – устойчивость нынешней власти в Грузии и степень ее поддержки американской администрацией. На основе комбинации этих переменных предлагается четыре сценария развития американо-грузинских отношений – «восстановление диалога», «крушение мечты», «индифферентные отношения», «авторитарный откат» – и представляются краткосрочные прогнозы.

Научная новизна статьи определяется двумя положениями. Во-первых, Грузия рассматривается не как объект политики крупных держав, а как субъект со своими интересами и возможностью самостоятельно выбирать путь своего политического развития. Во-вторых, в силу актуальности последних событий в Грузии (конституционный кризис и протесты осени 2024 г.) в российской политической науке еще не предпринимались попытки проанализировать приостановку американо-грузинского стратегического партнерства в корреляции с внутривнутриполитическими изменениями в самой Грузии.

Ключевые слова: американо-грузинские отношения, Грузия, «Грузинская мечта», стратегическое партнерство, США

Для цитирования: Голава Г.Г. Отношения Грузии и США в контексте трансформации грузинской внешней политики в 2022–2025 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 103–120. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-103-120

Georgia – US relations in the context of the changing foreign policy of Georgia in 2022–2025

Gia G. Golava

*Secondary school no. 59, Ekaterinburg, Russia,
giaforever1@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the changing position of Georgia in the relations with the United States against the background of the crisis of strategic partnership. Based on the multi-factor analysis and forecasting, the research is aimed at understanding the logic of the Georgian leadership's actions in the context of the present-day international political turbulence. The author considers the US – Georgian relations as an integral system with its own structural and functional links and identifies the two significant and independent variables in them – the stability of the current government in Georgia and the degree of its support by the American administration. Grounded on a combination of those variables, four scenarios for the development of the US – Georgian relations are proposed – the “restoration of the dialogue”, the “collapse of the dream”, the “relations of indifference” and the “authoritarian rollback”; short-term forecasts are also presented.

The scientific novelty of the article is determined by the two provisions. First, Georgia is viewed not as an object of the policy of the major powers, but as a subject with its own interests and the ability to independently choose the path of its political development. Second, due to the relevance of the recent events in Georgia (the constitutional crisis and the 2024 autumn protests), Russian political science has not yet attempted to analyze the suspension of the U.S.-Georgian strategic partnership in correlation with the internal political changes in Georgia itself.

Keywords: Georgia, “Georgian Dream”, strategic partnership, USA, US – Georgian relations

For citation: Golava, G.G. (2025), “Georgia – US relations in the context of the changing foreign policy of Georgia in 2022–2025”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 103–120, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-103-120

Введение

Кризис в двусторонних отношениях Грузии и США еще не успел получить достаточное освещение в отечественных и западных исследованиях. Однако эта тема актуальна как никогда в силу меняющегося баланса сил в регионе Южного Кавказа вообще и в

Грузии в частности. Эта страна является одним из немногих коридоров, который не только связывает между собой Европу и Центральную Азию, но и помогает обходить антироссийские санкции.

Изменения во внешней политике Грузии привлекли внимание грузинских исследователей. Многие из них характеризуют внешнеполитический «разворот» Грузии как пророссийский, а его инициатором называют олигарха Б. Иванишвили, который ставит свои личные финансовые интересы выше интересов государства. В качестве одного из инструментов укрепления своей власти Б. Иванишвили использует правые силы, влияние которых на общество, как справедливо замечает Т. Гелашвили, было бы невозможным, если бы им не предоставлялись политические и дискурсивные возможности [Gelashvili 2023, с. 671]. Исследователи К. Какача, Л. Кахишвили и Н. Самхарадзе идут дальше и заявляют, что в Грузии видны все признаки складывания «культы личности» Б. Иванишвили [Kakachia, Kakhishvili, Samkharadze 2024]. Однако Л. Цуладзе полагает, что вопрос приверженности Грузии евроатлантическому курсу возник не сегодня, а еще в 2014 г., когда из коалиции с партией «Грузинская мечта» вышли прозападные партии [Tsuladze 2024, р. 13]. В свою очередь А. Сихарулидзе подчеркивает, что «Грузинская мечта» стала нежелательной политической силой в странах Запада только после того, как она отказалась вводить санкции против России, а также приняла законы о запрете ЛГБТ*-пропаганды и о прозрачности иностранного влияния. И это, по его мнению, свидетельствует не о пророссийском развороте партии, а об ориентации на консервативное большинство в рамках парламентских выборов [Сихарулидзе 2024, с. 166–181].

Американские исследователи также констатируют нарастание авторитарных тенденций и отклонение от прозападного курса, хотя и объясняют причины пересмотра евроатлантического вектора внешней политики Грузии по-разному. Так, А. Оганян в качестве причины кризиса американо-грузинских отношений называет неправильную внешнеполитическую стратегию США: вашингтонская администрация традиционно уделяла внимание «осевым» государствам Евразии, поэтому утратила переговорную силу по отношению к мелким и средним государствам¹. Д. Локкер

^{*} Движение признано экстремистским и запрещено в России.

¹ Ohanyan A. Georgia shows why US policy in Eurasia is dangerously outdated // Foreign Policy. 2024. URL: https://foreignpolicy.com/2024/12/23/georgia-eurasia-strategy-russia-us/?utm_content=gifting&tpcc=gifting_article&gifting_article=Z2VvcmdpYS1ldXJhc2lhLXN0cmF0ZWd5LXJ1c3NyYS11cw==&pid=PNILoiIjgqmxsxl (дата обращения 23.02.2025).

и А. Кендалл-Тейлор, напротив, называют «Грузинскую мечту» виновником авторитарного «отката» Грузии, настаивая, что США поступили правильно, введя санкции против грузинских официальных лиц [Lokker, Kendall-Taylor 2024, p. 8]. Ф. Фукуяма в соавторстве с грузинским исследователем Н. Евгенидзе винит в отходе Грузии от демократии лично Б. Иванишвили [Fukuyama, Evgenidze 2023] и призывает к «жестким мерам» со стороны США. А Д. Крчмарик, С. Нельсон и Э. Робертс вписывают фигуру Б. Иванишвили в глобальный феномен прихода политиков-миллиардеров к власти и делают вывод о том, что в самых разных странах они действуют похожим образом: склонны к правым идеологическим установкам, предпочитают избегать участия в общественно-политическом дискурсе и используют политические механизмы в своих личных целях [Krcmaric, Nelson, Roberts 2024].

В свою очередь, российские эксперты сходятся во мнении, что «Грузинская мечта» одержала убедительные электоральные победы демократическим путем в условиях жесткой конкурентной борьбы с оппозицией, а ее нынешняя приверженность консервативным ценностям вовсе не означает пророссийского настроя. Как справедливо отмечает С.М. Маркедонов, именно «Грузинская мечта» сделала для сближения с ЕС и НАТО больше, чем администрация М. Саакашвили, но Грузия готова идти в евроатлантические структуры только по «особому» пути, подобно Венгрии, Польше, Словакии и Турции². По мнению Н.Ю. Силаева, в нынешнем состоянии отношений Грузии и стран Запада виноваты Вашингтон и Брюссель: грузинская элита имела прозападную ориентацию, Грузия провела необходимые реформы для приближения к «западным стандартам» и заняла высокую позицию по качеству государственного управления. Однако на Западе оказали предпочтение глубоко коррумпированной Украине и Молдавии, которые превзошли Грузию только в своей непримиримой антироссийской позиции. В то же время она заинтересована в сохранении антироссийских санкций, поскольку в этих условиях раскрывается ее уникальный потенциал как страны-транзитера³. Что касается экономической подоплеки, то В.М. Муханов объясняет аккуратную позицию Грузии в отношении России зависимостью грузинской экономики от

² Маркедонов С.М. Грузия после выборов: новый курс? Аналитическая записка № 57. 2015. 12 с.

³ Силаев Н.Ю. Как результаты парламентских выборов повлияют на внешнеполитический курс Грузии // Профиль. 2024. 2 нояб. URL: <https://profile.ru/abroad/kak-rezultaty-parlamentskih-vyborov-povliyajut-na-vneshnepoliticheskij-kurs-gruzii-1616210/> (дата обращения 23.02.2025).

российского рынка, поставок продовольствия, денежных переводов и туристического потока из России [Муханов 2022, с. 106–116]. Одним словом, нынешние метаморфозы внешней политики Грузии, по мнению российских исследователей, никак нельзя назвать дрейфом в сторону России.

Помимо научной и экспертной литературы, в своих наблюдениях и выводах автор опирается на источники официального происхождения (законодательные и международно-правовые акты, выступления официальных лиц Грузии), международные индексы и опросы общественного мнения, и использует многофакторный и системный анализ, а также метод прогнозирования.

История стратегического партнерства Грузии и США

В 2009 г. между Грузией и США была заключена хартия, которая определила двусторонние отношения как стратегическое партнерство, основанное на общих ценностях и обязательствах в отношении друг друга⁴. На самом деле этот документ был подписан при конкретных президентах в конкретный временной период – январь 2009 г. Заключению хартии способствовали во многом личные отношения между президентами Дж. Бушем-мл. и М. Саакашвили. Что касается хронологии, то незадолго до подписания хартии в августе 2008 г. произошла российско-грузинская война, а Дж. Буш-мл. готовился передать пост новоизбранному президенту Б. Обаме. Грузии нужны были гарантии безопасности, несмотря на смену администрации в Вашингтоне, которые были получены.

Подписывая в 2009 г. хартию, грузинская сторона ожидала следующего: безвизового режима и прямых авиарейсов с США, дополнительных инвестиций и свободной торговли, содействия в деле евроатлантической интеграции, в том числе совершенствования армии по стандартам НАТО. В итоге, как показала Н.А. Гегелашвили в своей статье, страны сотрудничали в рамках широкой программы реформ, в том числе таких, как «Вызовы тысячелетия»; американские морские пехотинцы и грузинские войска вместе действовали в Афганистане, защищая авиабазу Баграм; в 2018 г. Грузия получила от США переносные противотанковые комплексы “Javelin”; и в том же 2018 г. была запущена «Программа

⁴ United States – Georgia Charter on Strategic Partnership // US Department of State. 2009. Jan. 9. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/113762.htm> (дата обращения 13.05.2025).

готовности к обороне Грузии» (GDRP) для обучения и оснащения грузинских военных [Гегелашвили 2020, с. 119–128.]. Таким образом, грузинские ожидания оправдались прежде всего в сфере модернизации армии. Но теперь и этот вопрос оказался в подвешенном состоянии.

США, в свою очередь, ожидали, что хартия сделает из Грузии проводника американского влияния в регионе, одним из главных преимуществ которой был статус единственной демократической страны, окруженной недемократическими или испытывающими трудности с демократией государствами. Однако в данный момент в глазах американских партнеров Грузия утрачивает этот статус, а значит, и смысл в стратегическом партнерстве пропадает. Вина в отсутствии подвижек в деле его углубления лежит в основном на американской стороне.

В то время как США затягивали переговоры о прямых перелетах, безвизовом режиме и свободной торговле с Грузией, Россия, напротив, предоставила ей широкие возможности в пределах собственного рынка. В.М. Муханов приводит факты, подтверждающие важность российского рынка для Грузии: туристический поток в Грузию обеспечивается по большей части за счет России, которая является главным импортером грузинского вина и минеральной воды, а также поставщиком пшеницы; кроме того, значительная часть населения Грузии зависит от денежных переводов родственников из России [Муханов 2022, с. 106–116]. В 2023 г. после четырехлетнего перерыва Россия возобновила прямое авиасообщение с Грузией, а также отменила визовый режим для ее граждан.

Впрочем, проявление самостоятельности во внешней политике Грузии явление не новое, как полагает С.М. Маркедонов, указывая на то, что разлады с Западом были и ранее, даже во время М. Саакашвили: без оглядки на мнение Запада власти Грузии жестко разгоняли массовые демонстрации в 2007 г., пошли на эскалацию южноосетинского конфликта в 2008 г., отказались признавать независимость Косова, не стали сворачивать экономическое сотрудничество с Россией, Китаем, Ираном и Белоруссией⁵. Но теперь такая самостоятельность не вписывалась в западную логику «военного времени».

Таким образом, с экономической точки зрения разумной позицией является как минимум неприсоединение к антироссийским санкциям со стороны Грузии, поскольку это в первую очередь ударило бы по грузинской экономике. Но логика стратегического партнерства с США диктовала такие условия, которые для гру-

⁵ Маркедонов С.М. Указ. соч.

зинского правительства оказались неприемлемыми. Это привело к ужесточению риторики в отношении друг друга, следствием чего стало приостановление стратегического партнерства с Грузией со стороны США в ноябре 2024 г.⁶

Конституционный кризис в Грузии

Н.А. Васильева и З.З. Бахтуридзе в своей статье охарактеризовали Грузию не как субъект, а как «объект геополитической борьбы России и Запада за влияние на постсоветском пространстве», и назвали ее «разменной монетой» [Васильева, Бахтуридзе 2015]. Однако события последних трех лет демонстрируют, что Грузия готова отстаивать свой суверенитет и проявлять независимость в вопросах внутренней и внешней политики как перед Россией, так и перед своими западными союзниками, даже в том случае, если подобные действия повлекут за собой репутационные, политические и финансовые издержки. Такое поведение не присуще стране, следующей в фарватере чьей бы то ни было внешней политики. Грузия в очередной раз доказала свою субъектность. Но это сопровождается рядом проблем и на внутреннем, и на внешнем контурах.

26 октября 2024 г. в Грузии прошли парламентские выборы. Поскольку Грузия является парламентской республикой, выборы означают легитимацию новой власти. Однако они обернулись конституционным кризисом из-за сомнений в их легитимности. Этому предшествовал ряд событий, усиливших поляризацию в грузинском обществе.

В марте 2023 г. «Грузинская мечта» внесла в парламент законопроект «О прозрачности иностранного влияния», по которому НПО и СМИ должны регистрироваться в реестре Министерства юстиции и декларировать свое имущество, если 20% их годового дохода имеет иностранное происхождение. Он стал объектом острой критики со стороны Евросоюза и администрации Дж. Байдена, поскольку они сочли, что этот законопроект может стать инструментом репрессий в отношении оппозиции. Законопроект был отозван в результате уличных демонстраций в крупных грузинских городах. Однако в апреле 2024 г. «Грузинская мечта» вновь внесла этот законопроект на рассмотрение в парламент. В мае закон был

⁶ Statement on Georgia's suspension of European Union accession // US Department of State. 2024. Nov. 30. URL: <https://2021-2025.state.gov/statement-on-georgias-suspension-of-european-union-accession/> (дата обращения 12.03.2025).

принят⁷, а для разгона массовых протестов применялись водометы, слезоточивый газ и резиновые пули. Государственный секретарь США Э. Блинкен заявил, что в ответ на принятие «закона об иностранных агентах» США введут санкции против грузинских политиков. Чуть позже так и произошло: министерство финансов США добавило в свой санкционный список Б. Иванишвили⁸.

В августе 2024 г. Б. Иванишвили и премьер-министр И. Кобахидзе пообещали отдать под суд и признать неконституционной партию «Единое национальное движение» – крупнейшую оппозиционную партию в Грузии⁹.

В сентябре 2024 г. парламент Грузии принял закон о «О защите семейных ценностей и несовершеннолетних»¹⁰, запрещающий ЛГБТ*-пропаганду во всех ее проявлениях. Как и в случае с «законом об иностранных агентах» президент Грузии С. Зурабишвили наложила вето, но парламент его преодолел большинством голосов. Государственный департамент США вновь выступил с критикой в адрес властей Грузии. По мнению Л. Цуладзе, принятие подобных законов является дискурсивной борьбой «Грузинской мечты» не только с внутренними, но и с западными противниками [Tsuladze

⁷ საქართველოს კანონი უცხოური გავლენის გამჭვირვარების შესახებ [Закон «О прозрачности иностранного влияния»] // Законодательный вестник Грузии. 2024. Май. URL: <https://www.matsne.gov.ge/ka/document/view/6171895?publication=0> (дата обращения 28.02.2025).

⁸ Specially designated nationals list update // U.S. Department of the Treasury. 2024. Dec. 27. URL: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20241227> (дата обращения 28.02.2025).

⁹ პრემიერ მინისტრის განცხადებით „ნაციონალური მოძრაობის“ არაკონსტიტუციურად გამოცხადება, პრინციპულად მნიშვნელოვანია, რათა საქართველოში ჩამოყალიბდეს ჯანსაღი და დემოკრატიული სისტემა [По словам премьер-министра, объявление «Национального движения» неконституционным имеет фундаментальное значение для формирования здоровой и демократической системы в Грузии] // Imedi.ge. 2024. 23 авг. URL: <https://www.imedi.ge/ge/video/167366/premier-ministris-gantskhadebit-natsionaluri-modzraobis-arakonstitutsiuradgamotskhadeba-printsipulad-mnishvnelovania-rata-saqartveloshi-chamokali-bdes-jansagi-da--demokratiuli-sistema> (дата обращения 28.02.2025).

¹⁰ საქართველოს კანონი ოჯახური ღირებულებებისა და არასრულწევრების დაცვის შესახებ [Закон «О семейных ценностях и защите несовершеннолетних»] // საქართველოს საკანონმდებლო მაცნე [Законодательный вестник Грузии]. 2024. Сент. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/6283110?publication=0> (дата обращения 28.02.2025).

2024, р. 16]. Репертуаром смыслов этого дискурса являются следующие положения: западные оппоненты хотят «втянуть Грузию в войну», Грузия – настоящий оплот христианских европейских ценностей (в отличие от большинства стран Запада), Запад – место морального разложения, главная угроза суверенитету Грузии – «глобальная партия войны». Таким образом, основной дискурсивной стратегией «Грузинская мечта» выбрала политику страха, запугивая избирателей возможным втягиванием Грузии в войну с Россией.

Поскольку эти шаги были предприняты перед парламентскими выборами 26 октября 2024 г., их можно трактовать не как случайное стечение обстоятельств или разворот «Грузинской мечты» в сторону России, а как предвыборную стратегию правящей партии. «Закон об иностранных агентах» направлен на дискредитацию оппозиционных СМИ и НПО (с возможным принудительным их закрытием), что создает значительные возможности «Грузинской мечты» для формирования собственного дискурса – консервативного и антизападного по своей сути. Спекулируя на российско-грузинской войне 2008 г., произошедшей во время пребывания у власти «Единого национального движения», а также на чувствительной для религиозного грузинского сообщества теме традиционных ценностей, «Грузинская мечта» поставила целью не просто выиграть выборы, а получить конституционное большинство (113 мандатов из 150). Впрочем, существует и альтернативное объяснение. Так, по мнению А.Т. Сихарулидзе, победа «Грузинской мечты» была обусловлена не столько манипуляциями, сколько идейно-ресурсным кризисом оппозиционных сил и пропагандой с их стороны «радикальной европеизации», которая отталкивала нейтрального избирателя [Сихарулидзе 2024, с. 166–181].

«Грузинская мечта» просчиталась. Выборы удалось выиграть, партия осталась у власти в четвертый раз с 2012 г., но она получила не конституционное, а простое большинство (89 мандатов из 150). Это означает, что «Грузинской мечте» придется договариваться с оппозицией. Проблема в том, что оппозиция не признает результаты выборов и отказывается участвовать в работе парламента. Более того, результаты выборов не признала даже президент С. Зурабишвили. Она отказалась созывать заседание новоизбранного парламента. Вопреки конституционному и правовому порядку, «Грузинская мечта» созвала парламента самостоятельно и лишила оппозиционных депутатов их мандатов. Полномочия же самой С. Зурабишвили истекли в декабре 2024 г., новый президент был избран избирательной коллегией, половину из которой составляли депутаты парламента. Президентом стал бывший футболист М. Кавелашвили.

Как и следовало ожидать, Европарламент выборы не признал¹¹, а государственный департамент США призвал расследовать нарушения, допущенные во время них¹². Между Грузией и ЕС усугубились противоречия по вопросам нарушения гражданских свобод, борьбы с дезинформацией и политической поляризации. Вместо того, чтобы сотрудничать ради разрешения этих противоречий, правительство Грузии решило приостановить переговоры о вступлении в ЕС до 2028 г.¹³, что можно трактовать как нарушение 78 статьи конституции Грузии о стремлении вступить в ЕС и НАТО¹⁴. Этот кризис протекает на фоне многотысячных демонстраций, которые начались в тот же день, когда было сделано заявление – 28 ноября 2024 г.

Центральной фигурой грузинской политики является Б. Иванишвили. Грузинские высшие должностные лица не упускают возможности поблагодарить его за мудрость, выдержку и политический опыт и выставляют как жертву «глобальных сил». Иванишвили позиционирует себя как защитника национальных интересов Грузии, но отказывается встречаться с официальными лицами США и ЕС из-за своих личных финансовых проблем с западными банками. Это может говорить о том, что он ставит свои личные интересы выше интересов государства. Впрочем, феномен политика-миллиардера характерен не только для Грузии – это глобальный феномен: от С. Берлускони (Италия) до Т. Чиннавата (Таиланд). Во многих странах мира политики-миллиардеры обладают значительным неформальным влиянием «за кулисами», склонны к правому идеологическому уклону, «покупают» лояльность судей и соратников по партии, используют политические механизмы в своих личных целях [Krcmaric, Nelson, Roberts 2024].

Еще до февраля 2022 г. Грузия, оглядываясь на возможную реакцию со стороны России, приостанавливала или сворачивала

¹¹ European Parliament resolution of 13 February 2025 on the further deterioration of the political situation in Georgia // European Parliament. 2025. Feb. 13. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2025-0019_EN.html (дата обращения 28.02.2025).

¹² Georgia parliamentary elections // US Embassy in Georgia. 2024. Oct. 27. URL: <https://ge.usembassy.gov/georgia-parliamentary-elections/> (дата обращения 28.02.2025).

¹³ მიმართვა ევროკავშირს [Обращение к ЕС] // Imedi.ge. 2024. 28 нояб. URL: <https://www.imedi.ge/ge/video/176693/mimartva-evrokavshirs> (дата обращения 29.02.2025).

¹⁴ Конституция Грузии от 24 августа 1995 г. // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения 13.02.2025).

масштабные программы сотрудничества с США. Например, в 2020 г. правительство Грузии расторгло соглашение с американским консорциумом о строительстве глубоководного порта Анаклия (в планах было построить морской узел между Западом и Востоком в обход России); в 2019 г. завершилась и не была продлена программа между правительством Грузии и американской правительственной корпорацией «Вызовы тысячелетия» по финансированию образования и технологий в Грузии; в 2021 г. завершилась и не была продлена «Программа готовности по обороне Грузии». Однако после февраля 2022 г. сокращение программ сотрудничества переросло в полноценную антизападную кампанию.

Параллельно грузинское правительство не только пошло на сближение с Россией (результатом чего стала отмена визового режима со стороны России в 2023 г.), но и установило стратегическое партнерство с Китаем, предложив китайской компании контракт на строительство порта Анаклия. Кроме того, премьер-министр Грузии И. Кобахидзе присутствовал на инаугурации президента Ирана М. Пезешкиана. По мнению Н.Ю. Силаева, если при М. Саакашвили референтной моделью Грузии была Прибалтика, то сейчас – Азербайджан, в том смысле, что будут предприниматься попытки сохранить хорошие отношения со странами Запада, но при этом будет исключено вмешательство во внутренние дела¹⁵.

Грузия на шкале внешнеполитических приоритетов администрации Д. Трампа

Н. Гамкрелидзе проследила эволюцию восприятия Грузии в среде американского политического истеблишмента: Грузия как “failing state”, но надежный партнер США и НАТО в регионе; Грузия как друг и партнер США и НАТО; Грузия как выгодный и стратегический партнер США и НАТО [Gamkrelidze 2021, с. 591]. Первый образ отражает опасения США по поводу внутреннего выживания Грузии; второй указывает на то, что после «Революции роз» Грузия смогла укрепить свою государственность, а грузинский народ еще больше утвердился в своей прозападной ориентации; третий образ демонстрирует, что экономический, политический

¹⁵ Силаев Н.Ю. Как результаты парламентских выборов повлияют на внешнеполитический курс Грузии // Деловой журнал «Профиль». 2024. 2 нояб. URL: <https://profile.ru/abroad/kak-rezultaty-parlamentskih-vyborov-povliyajut-na-vneshnepoliticheskij-kurs-gruzii-1616210/> (дата обращения 23.02.2025).

и военный потенциал Грузии настолько укрепился, что на первый план вышли не личные связи между элитами Грузии и США, а структурные и геополитические аргументы. Исходя из событий последних трех лет, можно в этот репертуар образов добавить еще один – Грузия как проблемный партнер США и НАТО. Причем об этом заявила сама вице-премьер Грузии Тея Цулукиани¹⁶.

В ноябре 2024 г. в США прошли очередные президентские выборы, на которых победу одержал кандидат от Республиканской партии Д. Трамп. Его администрация начала деятельность в то время, когда США оказались на грани потери своего влияния в Грузии, которая на шкале их внешнеполитических приоритетов занимала скромное место на фоне повышенного внимания к России и Китаю. В свою очередь, Грузия усилила свою переговорную силу в отношении США, став краткосрочным бенефициаром плохо связанных региональных рынков. В данном случае под переговорной силой понимается исключительная возможность быть проводником американских инициатив в регионе. Однако сегодня эту возможность приобретает Армения, доказательством чего служит подписание Хартии о стратегическом партнерстве между Арменией и США¹⁷. Это может стать серьезным ударом по американским интересам, так как Грузия всегда была не только надежным партнером в военных миссиях под командованием США, но и единственным коридором между Европой и Центральной Азией, через который проходят нероссийские и неиранские железные дороги и трубопроводы.

Тем не менее на данный момент позитивных сдвигов в американо-грузинских отношениях не намечается. Ни Д. Трамп, ни его команда ни разу не упомянули Грузию. Это не удивительно, поскольку США озабочены более глобальными проблемами, такими как отношения с Россией, торговая война с Китаем и противоречия с Европейским союзом. Д. Трамп пока не отменил ни решения предыдущей администрации о заморозке финансовой поддержки

¹⁶ ვიცე-პრემიერი, კულტურისა და სპორტის მინისტრი თეა ცულუკიანი [Заместитель премьер-министра, министр культуры и спорта Тея Цулукиани в программе] // Imedi.ge. 2024. 6 июня. URL: <https://www.imedi.ge/ge/video/160571/vitsepremieri-kulturisa-da-sportis-ministri-tea-tsulukiani-gadatsemashi-imeri-live> (дата обращения 29.02.2025).

¹⁷ Charter on Strategic Partnership between the United States of America and the Republic of Armenia // US Embassy in Armenia. 2025. Jan. 15. URL: <https://am.usembassy.gov/charter-on-strategic-partnership-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-armenia/> (дата обращения 13.02.2025).

Грузии и приостановке стратегического партнерства, ни санкции, введенные администрацией Дж. Байдена против Б. Иванишвили. Более того, никто из правящей элиты Грузии не был приглашен на инаугурацию Д. Трампа, в то время как там присутствовала бывший президент С. Зурабишвили, которая перешла в оппозицию. Одним из своих первых указов Д. Трамп приостановил всю иностранную помощь США по линии USAID¹⁸, что помимо прочего до этого означало вливание миллиардов долларов в развитие гражданского сектора в Грузии. Данный шаг можно расценить как позитивный для ее правительства, поскольку гранты USAID получало не оно, а оппозиция. В то же время это может свидетельствовать об отсутствии интереса Д. Трампа к финансированию проектов на постсоветском пространстве.

У администрации Д. Трампа есть два варианта – либо признать парламентские выборы 2024 г. состоявшимися и возобновить сотрудничество с правительством Грузии, либо, как предлагают Ф. Фукуяма и Н. Евгенидзе, поддержать грузинских протестующих, признать выборы нелегитимными, преследовать Б. Иванишвили и ввести вторичные санкции против грузинских компаний, помогающих обходить антироссийские санкции. В свете постепенной нормализации отношений с Россией, которую предпринял Д. Трамп, более вероятным представляется первый вариант, так как «Грузинская мечта» стремится не раздражать Москву и демонстрирует готовность держаться в стороне от крупных военных конфликтов.

С победой Д. Трампа больше некого обвинять в приостановке стратегического партнерства, поскольку «глобальная партия войны» (по выражению Б. Иванишвили) потерпела поражение в США. Теперь «Грузинской мечте» придется либо пойти на серьезные уступки в переговорах с США, либо на рискованный эксперимент, связанный с попыткой переориентации прозападного менталитета грузинского общества.

С одной стороны, «Грузинская мечта» уже не раз демонстрировала, что готова пожертвовать отношениями с США и ЕС ради укрепления собственной власти путем принятия репрессивных законов. Не исключено, что такие действия повторяются. С другой

¹⁸ Implementing the president's executive order on reevaluating and realigning United States foreign aid // US Department of State. 2025. Jan. 26. URL: https://www.state.gov/implementing-the-presidents-executive-order-on-reevaluating-and-realigning-united-states-foreign-aid/?utm_source=in_materials&utm_source=in_materials&utm_source=in_materials (дата обращения 13.02.2025).

стороны, премьер-министр Грузии И. Кобахидзе заявил, что его правительство сделает «все возможное» для перезагрузки отношений с США¹⁹.

«Грузинская мечта» могла бы сблизиться с администрацией Д. Трампа на основе общих консервативных ценностей. За последние годы партия сместила свою идеологическую направленность вправо и стала типичной популистской силой, позиционирующей себя поборником «традиционных ценностей» и борцом с «либеральным фашизмом»²⁰. Те же самые нарративы не раз озвучивал Д. Трамп²¹. Представители «Грузинской мечты» даже стали дословно повторять слова Д. Трампа о «глубинном государстве», которое якобы пытается развязать в Грузии второй фронт против России.

На данный момент нет никаких признаков того, что правительство Грузии готово пойти на уступки в отношениях с западными партнерами, которые требуют демократизации. Напротив, ужесточаются наказания за участие в акциях протеста, создана комиссия по «расследованию преступлений» оппозиции. Борьба с оппозицией уже не ограничивается судами: на оппозиционеров стали нападать сторонники ультраправых взглядов. Авторитарный «откат» Грузии – это не голословное обвинение, он подтверждается падением Грузии в Индексе демократии: в 2024 г. балл составил 4,70, в результате чего Грузия опустилась с 89-го на 94-е место и вошла в ряд стран, где демократия перестает действовать в качестве механизма реализации власти²². В своей статье, посвященной анализу изменения роли ультраправых партий в Грузии, Т. Гелашвили

¹⁹ ირაკლი კობახიძის თქმით, საქართველოს ხელისუფლება, შემხვედრი ნაბიჯების შემთხვევაში, ურთიერთობების გადართმევისთვის მზად არის [По словам Ираклия Кобахидзе, правительство Грузии готово к возобновлению отношений] // Imedi.ge. 2024. 2 окт. URL: <https://www.imedi.ge/ge/video/170923/irakli-kobakhidzis-tqmit-saqartvelos-khelisupleba-shemkhvedri-nabijebis-shemtkhvevashi-urtiertobebis-gadatvirtvistvis-mzad-aris> (дата обращения 29.02.2025).

²⁰ ლიბერალური ფაშიზმი [Либеральный фашизм] // Imedi.ge. 2024. 6 дек. URL: <https://www.imedi.ge/ge/video/177366/liberaluri-pashizmi> (дата обращения 29.02.2025).

²¹ Trump, in fiery mount Rushmore address, decries rise of 'far-left fascism,' calls on Americans to rise up // FoxNews. 2020. July 3. URL: <https://www.foxnews.com/politics/trump-in-fiery-mount-rushmore-address-decries-rise-of-far-left-fascism-calls-on-americans-to-rise-up> (дата обращения 29.02.2025).

²² Democracy index 2024 // The Economist. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024> (дата обращения 03.02.2025).

пишет, что сами по себе процессы модернизации не могут быть достаточными для мобилизации ультраправых, даже если общественное мнение поддерживает ультраправые идеи. Протест ультраправых вспыхивает, когда появляются политические и дискурсивные возможности [Gelashvili 2023, с. 671]. Учитывая усиливающиеся авторитарные черты в деятельности «Грузинской мечты», можно сделать вывод, что мобилизация ультраправых сил происходит не без ведома государства.

Заключение

В последние годы «Грузинская мечта» получила репутацию «пророссийской» партии. По мнению американских исследователей, в Грузии сегодня самое пророссийское правительство с момента обретения независимости в 1991 г. [Lokker, Kendall-Taylor 2024, р. 3]. Да, Грузии выгодно развивать экономические контакты с Россией и совсем невыгодно вступать с ней в открытое противостояние. Но это не значит, что страна в скором времени откажется от евроатлантического курса. Поддержка вступления Грузии в ЕС и НАТО в грузинском обществе настолько сильна (89% – за ЕС, 80% – за НАТО)²³, что партия не смогла бы оставаться у власти так долго, если бы она, по крайней мере на словах, не придерживалась прозападного пути. На фоне кризиса в отношениях Грузии с западноевропейскими странами и США «Грузинской мечте» удалось убедить своих избирателей в том, что это явление временное, пока к власти там не вернуться более «разумные» силы.

Если до февраля 2022 г. действия «Грузинской мечты» можно было объяснить осторожностью, то нынешняя антизападная риторика ориентирована на удержание власти. Участие ЕС и США во внутренних делах Грузии, финансирование гражданского сектора, требование деолигархизации и другие факты вмешательства создают для «Грузинской мечты» дискомфорт. В то же время ни Россия, ни Китай, ни Иран не требуют от Грузии демократизации, деолигархизации, прозрачности и т. д. В Грузии связь между внутренней и внешней политикой проявилась в том, что она не смогла

²³ Georgian Survey of Public Opinion // Center for Insights in Survey Research. 2023. March. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2023/04/IRI-Poll-Presentation-Georgia-March-2023-Final-CISR-Approved-.pdf?fbclid=IwAR2yZ0LUYei4SB9q-aPSR3YncR-T4a3BZ0ZZgaFh2Igg_kbZkCAxCrprlNo (дата обращения 03.02.2025).

бы добиться успеха на пути евроатлантической интеграции, если бы не провела системные реформы. Поэтому нынешнее ужесточение внутренней политики также является отражением политики внешней и, в свою очередь, на нее влияет.

Таким образом, в результате предпринятого исследования были выделены две переменные: уровень устойчивости «Грузинской мечты» и степень ее поддержки со стороны США. На основе комбинации этих переменных можно определить четыре краткосрочных сценария развития американо-грузинских отношений.

1. «Восстановление диалога». Команда Д. Трампа перестает разговаривать с Грузией языком ультиматумов, вмешиваться во внутренние дела страны и предпринимает шаги по реставрации стратегического партнерства. Восстановление прежнего уровня поддержки в сочетании с фактором устойчивости власти «Грузинской мечты» позволит двум странам выйти из нынешнего кризиса с минимальными издержками.

2. «Крушение мечты». Команда Д. Трампа предпринимает попытки восстановить прежний уровень диалога с Грузией, но политические просчеты «Грузинской мечты» в сочетании с действиями оппозиции и протестными настроениями в обществе приводят к дестабилизации внутренней ситуации в стране, чем могут воспользоваться в своих интересах соседние государства. Этот сценарий маловероятен.

3. «Индифферентные отношения». Ситуация в Грузии дестабилизируется на фоне конституционного кризиса и отсутствия поддержки со стороны США и ЕС (либо откровенно враждебной деятельности со стороны США и ЕС в отношении «Грузинской мечты»). И правительство М. Саакашвили, и правительство «Грузинской мечты» показали, что Грузия не желает превращаться в полноценного западного сателлита, поэтому США и ЕС могут перестать демонстрировать поддержку в адрес грузинского народа и занять безучастную позицию.

4. «Авторитарный откат». «Грузинская мечта» продолжает успешно укреплять свою власть, запрещает оппозиционные партии (либо серьезно ограничивает их деятельность), проводит цензуру и старается законсервировать внутривнутриполитическую жизнь в стране, а США окончательно теряют интерес в Грузии и переориентируют фокус своего внимания на соседнюю Армению. Такой сценарий представляется наиболее вероятным.

Литература

- Васильева, Бахтуридзе 2015 – *Васильева Н.А., Бахтуридзе З.З.* Особенности вхождения постсоветских республик в систему международных отношений (на примере Грузии) // Управленческое консультирование. 2015. № 4. С. 26–34.
- Гегелашвили 2020 – *Гегелашвили Н.А.* Грузия в фокусе внешнеполитических приоритетов США // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 1. С. 119–128.
- Муханов 2022 – *Муханов В.М.* Российско-грузинские отношения: от эмоций к прагматизму // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 2 (55). С. 106–116.
- Сихарулидзе 2024 – *Сихарулидзе А.* «Неправильная» демократия: парламентские выборы в Грузии // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 4 (65). С. 166–181.
- Fukuyama, Evgenidze 2025 – *Fukuyama F., Evgenidze N.* Russia is winning in Georgia // Foreign Affairs. 2025. Apr. 6. URL: https://www.foreignaffairs.com/georgia/russia-united-states-winning-georgia?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=article_link&utm_term=article_email&utm_content=20250302 (дата обращения 23.02.2025).
- Gamkrelidze 2021 – *Gamkrelidze N.* From failing state to strategic partner: analyzing US and NATO political elite images of Georgia and policy implications from 1991 to 2020 // Post-Soviet Affairs. 2021. Vol. 37. Iss. 6. P. 578–599.
- Gelashvili 2023 – *Gelashvili T.* Opportunities matter: The evolution of far-right protest in Georgia // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75. Iss. 4. P. 649–674.
- Kakachia, Kakhishvili, Samkharadze 2024 – *Kakachia K., Kakhishvili L., Samkharadze N.* Elections 2024: What is “Georgian dream’s” dream for Georgia? // Georgian Institute of Politics. 2024. October. URL: <https://gip.ge/wp-content/uploads/2024/10/Policy-Memo-77.pdf> (дата обращения 23.02.2025).
- Krcmaric, Nelson, Roberts 2024 – *Krcmaric D., Nelson S.C., Roberts A.* Billionaire politicians: A global perspective // Perspectives on Politics. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 357–371.
- Lokker, Kendall-Taylor 2024 – *Lokker N., Kendall-Taylor A.* Exploiting Russian weakness: Leaning in to support the pro-Western orientation of Moldova and Georgia // Transatlantic Forum on Russia. 2024. Oct. 1. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep63787?seq=1> (дата обращения 23.02.2025).
- Tsuladze 2024 – *Tsuladze L.* The Georgian ruling party’s discursive confrontations with domestic and foreign Actors // Caucasus Analytical Digest. 2024. Vol. 137. P. 13–17.

References

- Fukuyama, F. and Evgenidze, N. (2025), “Russia is winning in Georgia”, *Foreign Affairs*, available at: https://www.foreignaffairs.com/georgia/russia-united-states-winning-georgia?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=lo_

- flows&utm_campaign=article_link&utm_term=article_email&utm_content=20250302 (Accessed 23 Feb. 2025).
- Gamkrelidze, N. (2021), "From failing state to strategic partner: analyzing US and NATO political elite images of Georgia and policy implications from 1991 to 2020", *Post-Soviet Affairs*, vol. 37, iss. 6, pp. 578–599.
- Gegelashvili, N.A. (2020), "Georgia in the focus of the U.S. foreign policy priorities", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1, pp. 119–128.
- Gelashvili, T. (2023), "Opportunities matter: the evolution of the Far-Right Protest in Georgia", *Europe-Asia Studies*, vol. 75, iss. 4, pp. 649–674.
- Kakachia, K., Kakhishvili, L. and Samkharadze, N. "Elections 2024: What is 'Georgian dream's' dream for Georgia?", in *Georgian Institute of Politics*. 2024. October, available at: <https://gip.ge/wp-content/uploads/2024/10/Policy-Memo-77.pdf> (Accessed 23 Feb. 2025).
- Krcmaric, D., Nelson, S.C. and Roberts, A. (2024), "Billionaire politicians: a global perspective", *Perspectives on Politics*, vol. 22, no. 2, pp. 357–371.
- Lokker, N. and Kendall-Taylor, A. (2024), "Exploiting Russian weakness: leaning in to support the pro-Western orientation of Moldova and Georgia", *Transatlantic Forum on Russia*, available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep63787?seq=1> (Accessed 23 Feb. 2025).
- Mukhanov, V.M. (2022), "Russian-Georgian relations: from emotions to pragmatism", *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, vol. 55, no. 2, pp. 106–116.
- Sikharulidze, A. (2024), " 'Wrong' democracy: parliamentary elections in Georgia", *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, vol. 65, no. 4, pp. 166–181.
- Tsuladze, L. (2024), "The Georgian ruling party's discursive confrontations with domestic and foreign actors", *Caucasus Analytical Digest*, vol. 137, pp. 13–17.
- Vasil'eva, N.A. and Bakhturidze, Z.Z. (2015), "Features of the entry of the post-Soviet republics into the system of international relations (using the example of Georgia)", *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4, pp. 26–34.

Информация об авторе

Гия Г. Голава, средняя общеобразовательная школа № 59, Екатеринбург, Россия; 620076, Россия, Екатеринбург, пер. Короткий, д. 7; giaforever1@mail.ru

Information about the author

Gia G. Golava, secondary school no. 59, Ekaterinburg, Russia; 7, Korotky Lane, Ekaterinburg, Russia, 620076; giaforever1@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 94(73):08

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-121-133

Образ католицизма и ирландцев в творчестве Томаса Наста

Татьяна В. Алентьева

*Курский государственный университет,
Курск, Россия, alenttv@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу визуальных образов католицизма и ирландцев, созданных знаменитым американским художником Томасом Настом в 1860–1870-е гг. В подобном ракурсе проблема не рассматривалась ни в американской, ни в отечественной историографии. Томас Наст создал негативный образ римско-католической церкви, как консервативной, застывшей в средневековье, далекой от прогресса, стремящейся установить политическое господство в США. Отдельно рассматривается попытка католической церкви добиться государственного финансирования собственных школ. В статье анализируется расистский дискурс Т. Наста, выразившийся в создании расхожего стереотипа ирландцев, как дегенеративных, обезьяноподобных существ, принадлежащих к низшей по сравнению с англосаксонской, кельтской расе, наделенных набором отрицательных коннотаций. Томас Наст создал десятки антикатолических и антиирландских карикатур, способствовавших формированию американского общественного мнения в духе ксенофобии и разжигания межэтнической и межконфессиональной вражды. В то же время он отстаивал светский характер общественных школ и защищал принцип отделения церкви от государства.

Методологическая основа статьи опирается на компаративистику, включает историко-генетический, историко-типологический методы, дискурсивный анализ текстов, достижения имагологии и *visual studies*. Источниками исследования послужили визуальные материалы, созданные Т. Настом для американского еженедельника “*Harper’s Weekly*” за 1860–1870-е гг. Статья вносит вклад в понимание феномена широкого распространения нативизма, ксенофобии, нетерпимости к ирландским католикам и католицизму в период Реконструкции.

Ключевые слова: США, XIX век, политическая карикатура, имагология, расизм, Томас Наст, ирландцы, католицизм

© Алентьева Т.В., 2025

Для цитирования: Алентьева Т.В. Образ католицизма и ирландцев в творчестве Томаса Наста // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 121–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-121-133

The image of Catholicism and the Irish in the works of Thomas Nast

Tatiana V. Alentieva

Kursk State University, Kursk, Russia, alenttv@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the visual images of Catholicism and the Irish, created by the famous American artist Thomas Nast in the 1860s and 1870s. In this perspective, the problem has not been specifically considered either in American or Russian historiography. Thomas Nast created a negative image of the Roman Catholic Church as conservative, frozen in the Middle Ages, far from progress, striving to establish political dominance in the United States. An attempt by the Catholic Church in the United States to obtain the state funding for its own schools is being discussed separately. The article analyzes T. Nast's racist discourse, expressed in the creation of a common stereotype of the Irish as degenerate, ape-like creatures belonging to an inferior race compared to the Anglo-Saxon, Celtic race, endowed with a set of negative connotations. Thomas Nast created dozens of anti-Catholic and anti-Irish cartoons that helped shape American public opinion in the spirit of xenophobia and incitement to interethnic and interfaith hostility. At the same time, he defended the secular nature of public schools and protected the principle of the separation of church and state. The article's methodological database is founded on comparative studies, includes historical-genetic, historical-typological methods, discourse analysis, the achievements of imagology and visual studies.

The sources of the publication include the materials created for the "Harper's Weekly" for the 1860s and 1870s. The article contributes to the understanding of the phenomenon of widespread Nativism, xenophobia, and intolerance towards Irish Catholics and Catholicism during the Reconstruction period.

Keywords: USA, 19th century, political system, religion, racism, Thomas Nast, Irishman, Catholicism

For citation: Alentieva, T.V. (2025), "The image of Catholicism and the Irish in the works of Thomas Nast", *RSUH/RGGU Bulletin "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 121–133, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-121-133

Введение

На смену «лингвистическому повороту» в историописании пришли «визуальный» и «иконический» повороты, которые привлекли внимание историков к проблеме создания образов в рамках дихотомии «мы – другие», «свой – чужой», к кросс-культурным коммуникациям. Интерес к визуальности определялся углублением исторических исследований в междисциплинарность. Среди множества визуальных источников внимание исследователей стала привлекать карикатура. Особый вклад в изучение достижений американской карикатуристики в формирование образа «другого», визуализации дискурса национальной идентичности внесли исследования В.И. Журавлевой, ее статьи, посвященные имагологии, и, особенно, ее фундаментальная работа «Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914» [Журавлева 2012]. Также немаловажное значение имеют работы других отечественных исследователей, среди которых стоит выделить статьи Л.П. Репиной [Репина 2012], Т.Л. Лабутиной [Лабутина 2016]. В карикатуре зачастую наряду с визуальными образами имеется вербальная составляющая, в виде заголовков или пояснений к тексту. Политические карикатуры, по большей части, состоят из двух элементов: карикатуры, которая пародирует конкретную личность или явление, и аллюзии, которая создает ситуацию или контекст, в который помещается предмет исследования. То есть, помимо визуального объекта, в карикатуре всегда есть некое указание, аналогия или намек на определенный исторический, политический, мифологический, библейский или литературный факт, закрепленный в текстовой культуре или в разговорной речи [Алентьева 2020, с. 7].

Проведенное исследование основано на принципах историзма, объективности, системности, диалектическом подходе. Методологическая основа статьи опирается на компаративистику, включает историко-генетический, историко-типологический методы, философские и социологические теории, изучающие природу общественного сознания и факторов, влияющих на него: теорию К. Юнга о коллективном бессознательном и архетипических образах, теорию У. Липпмана об общественном мнении и стереотипах, дискурсивный анализ. Традиционный инструментарий исторических дисциплин дополнен методами *visual studies* и социологии культуры. Достижения исторической имагологии явились необходимой основой для анализа образов и символов, создаваемых визуальной пропагандой. Здесь важную роль играет теория Р. Барта о риторике образа, согласно которой всякое изображение несет в себе те или

иные знаки, имеет двойственный – одновременно денотативный и коннотативный – характер.

Источниками для исследования явились визуальные материалы, главным образом карикатуры, опубликованные в еженедельнике “Harper’s Weekly” в 1860–1870-е гг.

Томас Наст (1840–1902) – выдающийся американский карикатурист немецкого происхождения. Его называют «отцом американской карикатуры» и считают создателем целого ряда важнейших политических символов США: канонических образов дяди Сэма и девы Колумбии, республиканского слона и демократического осла, символа партийной машины демократов Нью-Йорка – тигра Таммани. По-настоящему культовым персонажем стал созданный художником популярный Санта-Клаус. Не все из этих символов были созданы фантазией художника, но он действительно придал им тот законченный вид, по которому их узнают во всем мире. Признавая заслуги Наста в период Гражданской войны в деле поддержки Союза, Линкольн называл его «нашим лучшим сержантом-вербовщиком»¹. Т. Наст по праву заслужил прозвище «создателя президентов», его карикатуры самым решительным образом способствовали победе на президентских выборах А. Линкольна (1864), У.С. Гранта (1868, 1872), Р. Хейса (1876), Дж. Гарфильда (1880), Г. Кливленда (1884) путем конструирования притягательного для избирателей имиджа и очернения политических оппонентов.

Личность Томаса Наста привлекала внимание американских историков в недостаточной степени. В 2018 г. была переиздана литературная биография Наста, написанная американским писателем Альбертом Пэйном². Впервые книга была издана в 1904 г., в ней автор поместил более 250 рисунков Наста. Книга Джона Винсона³ является популярной биографией известного карикатуриста. В ней он рассмотрел основные политические кампании, в которых известный карикатурист активно участвовал. Биографию Томаса Наста написала также Фиона Халоран⁴. В этой основательной и живо написанной книге автор фокусирует внимание не только на политических достижениях Наста, но и на противоречиях в его

¹ *Paine A.B.* Thomas Nast: His period and his pictures. N.Y.: Pyne Press, 2018. P. 69.

² *Ibid.* 583 p.

³ *Vinson J.C.* Thomas Nast. Political cartoonist. Athens: University of Georgia Press, 2014. 176 p.

⁴ *Halloran F.D.* Thomas Nast: The father of modern political cartoons. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2013. 384 p.

взглядах и просчетах в определении позиции. Собственно, это единственное исследование, где, хотя и кратко, говорится о анти-ирландской позиции художника. Еще одна работа Джона Адлера и Дрэпера Хилла специально посвящена борьбе Наста против Уильяма Твида [Adler, Hill 2008].

В отечественной историографии отношение Т. Наста к католической церкви и ирландцам и созданные им стереотипные образы специально не изучались, хотя имеется ряд работ Т.В. Алентьевой, где рассматривались другие проблемы в творчестве художника [Алентьева 2021а; Алентьева 2021b].

Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать, как в творчестве знаменитого американского карикатуриста Томаса Наста создавался стереотипный образ ирландца, католических священников, Папы римского и самой католической церкви.

Исследование распадается на три части: рассмотрение исторической обстановки и религиозных взглядов Томаса Наста, анализ конструирования стереотипного образа ирландцев и изучение формирования образа католицизма.

Религиозные взгляды Томаса Наста и историческая обстановка в США

Парадоксально, но факт, что по своему рождению и воспитанию Томас Наст принадлежал к католической церкви. Он родился в Ландау, в Рейнском Пфальце. Томас и его братья и сестры были крещены в римско-католической церкви Святой Марии. До 13 лет он обучался в католической школе, где строгая дисциплина и частые наказания внушили ему отвращение к католицизму. Коренное изменение в религиозных взглядах художника произошло после эмиграции его семьи в США. В Нью-Йорке семья оказалась под сильным влиянием протестантской культуры янки и воинственного антикатолицизма. Немаловажное значение имел и тот факт, что Томас Наст стал работать в протестантском издании, редакторы “Harper’s Weekly” принадлежали к методистам. В 1861 г., за год до того, как он начал работать штатным художником в этом издании, Наст женился на протестантке Саре Эдвардс. После женитьбы он перешел в протестантизм и стал прихожанином епископальной церкви.

Согласно данным статистики католическое население США выросло с 318 тыс. человек в 1830 г. до 1606 тыс. человек в 1850 г., а в 1860 г. оно составило 3103 тыс. [Богина 1965, с. 32]. Это вызвало серьезные опасения у американских протестантов,

что католики захватят власть в стране. Нativизм, ксенофобия многих протестантов американского происхождения к новым иммигрантам, был в самом разгаре. Это была прямая реакция на рост ирландской иммиграции в Америку, достигшей своего пика в эпоху «великого голода» 1846–1849 гг. В 1850-е гг. различные шовинистические и масонские организации объединились в Американскую партию «ничего не знающих». Нativистские агитаторы и проповедники с помощью ложных обвинений натравливали толпу на католиков.

Растиражированный многими печатными изданиями образ ирландца как пьяницы, дебошира, насильника, дегенерата, бездельника, лентяя, нищего оборванца, попрошайки стал расхожим стереотипом в американском общественном сознании на долгие десятилетия XIX века. И если английская пресса охотно изображала ирландца как чудовище Франкенштейна, злобного убийцу, особенно в карикатурах Дж. Тенниела в журнале “Punch”, американская пресса охотно подхватила идею об ирландских террористах-фениях. Это должно было порождать в обществе фобии, также как коллективная бессознательная ненависть к католицизму и папизму, заложенные в культурные коды англичан, существовавшие с самого зарождения американского государства, поскольку это была преобладающая религия ирландцев. Популярная тогда физиогномика находила в лицах ирландцев сходство с животными, в том числе с гориллами: плоский нос, сильно выпяченные губы, низкий лоб. В английском и американском обществе ирландцы стояли на одной из низших ступеней социальной лестницы. Уроженцы зеленого Эрина были для США чуждым этническим элементом со своими кельтскими корнями и традициями, преданностью родной стране и ее культуре, фанатической приверженностью к католической вере. Что еще больше отдаляло их от «коренных американцев», так это страшная нищета, безграмотность и бесправность большинства ирландских эмигрантов, которые в новой стране были предосудительными.

Сложившийся в американском массовом сознании стереотип ирландца как бездельника, неудачника, пьяницы, во многом базировался на английском имидже «Пэдди». Это была презрительная кличка ирландцев-мужчин, а для женщин – Бриджит. Автор книги «Пэдди и республика» Кнобель исследовал контент выражений американцев, относящихся к ирландцам. В нем преобладали такие слова, как «драчливый», «наглый», «дерзкий», «невежественный», «злобный» и «порочный». Эти выражения стали частью американского лексикона [Knobel 1986, p. 137–138].

Конструирование стереотипного образа ирландцев

В многочисленных карикатурах Томас Наст очернял ирландцев десятками стереотипов с обезьяньими чертами, а также католическую церковь. У него были веские причины для этого – ирландские беспорядки, насилие, пьянство и фальсификация выборов, а также постоянные споры между протестантами и католической церковью из-за государственного финансирования и религиозных программ для их соответствующих школ.

Томас Наст создал негативный стереотип ирландца, возможно, под влиянием английских карикатуристов. Ирландцы – это агрессивные, невежественные, нецивилизованные дикари, не желающие ассимилироваться и принять американские протестантские ценности. Именно такими изображает ирландцев Томас Наст⁵. В карикатуре *«Невежественное голосование. Козыри равны»*⁶ Наст сравнивает негра и ирландца. И хотя они на весах уравнивают друг друга, ясно видно, что негр – существо веселое и доброжелательное, а ирландец – злобный и обезьяноподобный с дегенеративными чертами лица.

Следующая карикатура называется *«Это правительство белых людей»*⁷. Здесь Наст показывает послевоенное угнетение освобожденных афроамериканцев. Бывший конфедерат, демократ-банкир Бельмонт и ирландец вместе топчут поверженного чернокожего ветерана, из рук которого выпало знамя Союза. Но если обратить внимание на уже ставший расхожим стереотип ирландца, то мы снова видим дегенеративное, обезьяноподобное лицо бандита. Это – настоящий громила и головорез, о чем свидетельствует надпись на его фуражке “5 Points”. Это был район, где как раз обосновались знаменитые банды «мертвых кроликов», состоящие из ирландских католиков. Наст особо подчеркивает религию ирландца, изобразив на его фуражке белый крест.

Карикатура *«Обычный ирландский способ действий»*⁸ изображает ирландца как беспробудного пьяницу, размахивающего бутылкой с ромом. Он восседает на бочке с порохом, держа при этом в левой руке зажженный факел, подчеркивая тем самым, что ирландцы – опасные смутьяны и анархисты. И снова худож-

⁵ Harper's Weekly. 1870. 7 May, 11 June; 1871. 29 April, 12 July, 5 Aug.; 1875. 24 July.

⁶ Ibid. 1876. 9 Dec.

⁷ Ibid. 1868. 5 Sept.

⁸ Ibid. 1871. 2 Sept.

ник придал своему персонажу звероподобные обезьяньи черты. За спиной у ирландца надписи, которые относят его к революционному фенианскому братству и содержащие призыв убивать протестантов-оранжистов. Празднование дня св. Патрика, по мнению Томаса Наста, это повод для кровавых разборок между ирландскими католиками и протестантами-оранжистами, а также возможность подраться с полицией, устроить кровопролитие. На рисунке Т. Наста изображено настоящее побоище, где пьяные ирландцы с видимым удовольствием топчут и избивают дубинками стражей порядка⁹. Не случайно Наст назвал одну из своих карикатур «*Браво! Браво!*»¹⁰. На ней разъяренная Колумбия дает отпор отвратительного вида ирландскому головорезу-оборванцу с окровавленным ножом в руке. Она готова задушить бандита и пустить в ход плеть с надписью «закон».

Карикатура «*Современный Фальстаф и его армия*»¹¹ высмеивает подчиненность ирландцев демократической партии и ее всесильной в Нью-Йорке организации – Таммани. Она также отсылает зрителя к пьесе У. Шекспира «Король Генрих IV», где довольно красочно описывается воинство Фальстафа: «Моя рота со всеми прапорщиками, капралами и лейтенантами представляет сборище оборванцев вроде Лазаря на картине... Можно подумать, будто это вернулись сто пятьдесят блудных сыновей, которые только еще вчера пасли свиней и питались объедками с помойки. По дороге нам встретился какой-то помешанный и спросил, с каких это виселиц посшибал я столько мертвецов? Свет не видал таких пугал» («Король Генрих IV», часть I, акт IV, сцена 2; пер. Б. Пастернака). Эти строки как бы оживают под карандашом художника. Если посмотреть на строй ирландцев в карикатуре, то они представляют собой разношерстный сброд, людей всех возрастов и состояний, от нищих грязных оборванцев до представителей средних классов в приличной одежде и цилиндрах. На первом плане бросается в глаза ирландец в тюремной одежде с метлой и дубинкой. По замыслу Наста, он должен был подчеркнуть, что демократы не гнушаются поддержки откровенных уголовников. Все ирландцы держат плакаты, в которых обязуются голосовать за демократическую партию, не единожды, а много раз, сколько потребуется Таммани. В роли Фальстафа Наст изобразил ненавистного ему босса Таммани Уильяма Твида, а в роли шутов – его помощников, так называемое кольцо Твида. В 1870-е гг. Наст вел непримиримую борьбу против «шайки Твида», укравшей по некоторым данным до

⁹ Ibid. 1867. 6 Apr.

¹⁰ Ibid. 1871. 29 July.

¹¹ Ibid. 1870. 5 Nov.

200 млн долл. [Алентьева 2018]. В Нью-Йорке «Босс Твид» помогал ирландским католикам обустроиться и обрести легитимность. На карикатуре «*Греческое рабство*»¹² дегенеративного вида ирландец прикован цепями к невысокому столбу, на котором стоят две бутылки с ромом, избирательная урна и красуется надпись «Таммани». Внизу на небольшой вкладке ирландцы трудятся как рабы, а затем «погонщики рабов» гонят их кнутами к избирательным урнам. Ирландцы, по мнению Наста, не просто бандиты и головорезы, они смутьяны и увлечены революционными идеями. На карикатуре «*Между двух зол*» съезжившаяся от страха Колумбия оказывается в окружении журналиста-коммуниста, вооруженного пером с чернильницей, и бандита ирландца с дубинкой¹³.

Формирования образа католицизма

Наст считал католицизм угрозой американским демократическим институтам. И был убежден в притязаниях католицизма на мировое господство. На карикатуре «*Захватить все*»¹⁴ он сатирически изображает собор св. Петра и знаменитую колоннаду Бернини в виде головы Папы с разинутым ртом и загребущими руками, готовыми охватить весь земной шар.

На карикатуре «*“Обетованная земля”. Как она сморится с купола собора св. Петра*»¹⁵ Папа римский в сопровождении священников и войска направляется в Америку. Его корабль – это купол собора св. Петра, он указывает рукой направление движения через Атлантику к американским берегам.

Особенно возмутило Наста провозглашение догмата непогрешимости римского Папы. Поэтому на карикатуре «*Теперь я непогрешим*»¹⁶ он нарисовал его, сидящим на толстом суку римской католической церкви. Он пилит этот сук, стараясь отделить его от современного ему XIX столетия. При этом он готов свалиться в темное средневековье. Католическая церковь – это враг всякого прогресса, так считает художник.

Двойная карикатура «*Государство и церковь*»¹⁷ посвящена сравнению положения католицизма в Европе и Америке, и должна

¹² Ibid. 16 Apr.

¹³ Ibid. 1874. 28 March.

¹⁴ Ibid. 1871. 16 Dec.; 1875. 28 Aug.

¹⁵ Ibid. 1870. 1 Oct.

¹⁶ Ibid. 30 July.

¹⁷ Ibid. 19 Febr.

убедить зрителей в его притязаниях на политическое господство в США. Верхний рисунок показывает, как в Европе, в результате объединения Италии, Папа был лишен светской власти над Римом, было упразднено Папское государство. Папа изображен в полуобморочном состоянии в окружении священников. Дева Свободы разрывает связь между церковью и государством с одобрения правящих европейских монархов. На нижней карикатуре ситуация противоположная. Здесь Папу римского и его прелатов радостно приветствуют ирландские головорезы, они протягивают им мешок с государственными деньгами. На заднем плане ирландские бандиты избивают дубинками несогласных. На переднем плане дегенеративного вида ирландка сшивает полотнище, которое должно соединить церковь и государство. В правом углу стоит несчастная Колумбия, ее руки скованы цепями и прикованы к камню, на котором написано – «жульническое голосование». Она гневно смотрит на ухмыляющегося бандита, отвратительного мерзавца с дубинкой, готового пустить ее в ход. В самом углу можно видеть католического священника, с удовлетворением держащего в руках мешок с деньгами на приходские школы, с явного одобрения стоящего рядом чиновника из Таммани.

Карикатура «*Американский Ганг*»¹⁸ – пожалуй, самая известная антикатолическая карикатура Томаса Наста. Художник опубликовал это изображение дважды. Это самое известное и мастерски выполненное Настом антикатолическое изображение. Оно блестяще отражает его обеспокоенность вмешательством Римско-католической церкви в государственное образование. Это изображение – шедевр воображения и техники карикатуры. Наст обесчеловечил католических епископов, превратив их в рептилий-крокодилов. Они выходят из воды на берег Нью-Йорка. У двух священнослужителей на переднем плане стереотипные дегенеративные ирландские лица. Епископы-крокодилы изображены в богато украшенных драгоценными камнями митрах, они готовы проглотить протестантских школьников, учитель стоит с вызывающим видом, охраняя нескольких испуганных детей, которые дрожат, молятся и съеживаются по мере приближения неминуемой смерти. Китайский мальчик ползет на четвереньках, пытаясь убежать. Дети коренных американцев и афроамериканцев прижимаются к скале, им некуда бежать. На вершине холма Твид и его приспешники сбрасывают протестантских детей на кормежку крокодилам. Колумбия связана и отведена к виселице двумя вооруженными дубинками ирландцами.

¹⁸ Ibid., 1871. 30 Sept.; 1875. 8 May.

Наст разделял идею о том, что государственные школы должны быть открыты для всех детей, независимо от расы, вероисповедания или этнической принадлежности, и он нарисовал множество изображений идеализированной системы государственных школ, в которой ученики учатся в гармонии¹⁹. Наст опасался, что появятся отдельные сектантские школы для каждой этнической и расовой группы. Такую католическую школу он изобразил на карикатуре, изображающей засилье религии²⁰. На ней все ученики смиренно стоят на коленях и молятся, в то время как учитель под присмотром священника указывает им на портрет Папы римского и рассказывает о его непогрешимости. Церковный служака выметает как мусор светские учебники по естественным наукам.

На карикатуре «*Распределение в сектантский фонд*» Колумбия с повязкой на глазах отправляет мешки с деньгами на католические школы, чему откровенно радуется католический священник²¹. В то время как учитель светской школы понуро смотрит в пустой мешок. Историк Джастис утверждает: «Наст считал, что объединение детей в общественной сфере под демократическим контролем сгладит их религиозные и расовые различия и сформирует единое многонациональное американское общество» [Justice 2005, p. 174].

Заключение

Наст создал множество антикатолических изображений, но все эти карикатуры на католиков связаны с двумя проблемами: требованием католической церкви Нью-Йорка выделить государственные средства на создание собственных сектантских школ (требования, которые увенчались успехом благодаря их союзу с Твидом) и консервативной (ультрамонтанской) доктриной непогрешимости Папы римского, полностью принятой католиками Нью-Йорка. Слепая преданность непогрешимому монарху озадачивала протестантских республиканцев. Они считали, что преданность американских католиков религиозному лидеру за океаном противоречит американскому происхождению, которое отвергает монархическое правление. Как и большинство протестантов, Наст не мог понять слепую преданность, которую ирландские католики испытывали к римскому понтифику. Для Наста политика американских като-

¹⁹ Ibid. 1875. 8 May.

²⁰ Ibid. 1870. 16 Apr.

²¹ Ibid. 1875. 5 May, 16 Apr., 3 July, 30 Oct.

ликов представляла собой ошибочную доктрину и философию, в которых потенциально могли быть допущены крайние злоупотребления. Поэтому он изображал Папу римского и католиков как самодовольных, развращенных и склонных к чревоугодию, стремящихся к политическому господству и способствующих коррупции. Исходя из расистского дискурса о неполноценности кельтов, Наст создал негативный стереотипный образ агрессивного, отвратительного, невежественного, пьяного ирландца дегенеративного типа. Антиирландские карикатуры Насти отражали отторжение американским обществом инаковости и самобытности ирландцев, они оставались иными, другими, чужими.

Литература

- Алентьева 2018 – *Алентьева Т.В.* Борьба с коррупцией в Нью-Йорке // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 3–16.
- Алентьева 2020 – *Алентьева Т.В.* Разящее оружие смеха: Американская политическая карикатура XIX в. (1800–1877). СПб.: Алетейя, 2020. 458 с.
- Алентьева 2021a – *Алентьева Т.В.* Карикатурама Томаса Насти // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. Курск: Курский государственный ун-т, 2021. С. 298–328.
- Алентьева 2021b – *Алентьева Т.В.* Томас Наст – некоронованный король карикатуры // Американский ежегодник – 2021. М.: Весь мир, 2021. С. 220–240.
- Богина 1965 – *Богина Ш.А.* Иммиграция в США накануне и в период Гражданской войны (1850–1865). М.: Наука, 1965. 251 с.
- Журавлева 2012 – *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.
- Лабутина 2016 – *Лабутина Т.Л.* Актуальные проблемы имагологии // Проблемы исторического познания. Вып. 10. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 200–214.
- Репина 2012 – *Репина Л.П.* «Национальный характер» и «Образ другого» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 39. М.: URSS, 2012. С. 9–19.
- Adler, Hill 2008 – *Adler J., Hill D.* Doomed by cartoon: How cartoonist Thomas Nast and the “New York Times” brought down boss Tweed and his ring of thieves. N.Y.: Morgan James Publishing, 2008. 332 p.
- Justice 2005 – *Justice B.* Thomas Nast and the public school of the 1870s // History of Education Quarterly. 2005. Vol. 45. No. 2. P. 171–206.
- Knobel 1986 – *Knobel D.T.* Paddy and the republic. Ethnicity and the nationality in antebellum America. Middletown: Wesleyan University Press, 1986. 251 p.

References

- Adler, J. and Hill, D. (2008), *Doomed by cartoon: How cartoonist Thomas Nast and the "New York Times" brought down boss Tweed and his ring of thieves*, Morgan James Publishing, New York, USA.
- Alentieva, T.V. (2018), "The fight against corruption in New York", *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 6, pp. 3–16.
- Alentieva, T.V. (2020), *Razyashchee oruzhie smekha: Amerikanskaya politicheskaya karikatura XIX veka (1800–1877)* [The striking weapon of laughter. American political caricature of the 19th century (1800–1877)], Aleteya, Saint Petersburg, Russia.
- Alentieva, T.V. (2021), "The caricaturama of Thomas Nast", *Amerikanistika: Aktual'nye podkhody i sovremennye issledovaniya: mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov* [American studies: Actual approaches and modern explorations: Collected articles], iss. 13, Kurskii gosudarstvennyi universitet, Kursk, Russia, pp. 298–328.
- Alentieva, T.V. (2021), "Thomas Nast – the uncrowned king of caricature", *Amerikanskii ezhegodnik – 2021* [American Yearbook – 2021], Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 220–240.
- Bogina, Sh.A. (1965), *Immigratsiya v SShA nakanune i v period Grazhdanskoi voyny (1850–1865)* [Immigration to the United States on the eve and during the Civil War (1850–1865)], Nauka, Moscow, USSR.
- Justice, B. (2005), "Thomas Nast and the public school of the 1870s", *History of Education Quarterly*, vol. 45, no. 2, pp. 171–206.
- Knobel, D.T. (1986), *Paddy and the republic. Ethnicity and the nationality in antebellum America*, Wesleyan University Press, Middletown, USA.
- Labutina, T.L. (2016), "Actual problems of imagology", *Problemy istoricheskogo poznaniya* [Problems of historical knowledge], iss. 10, IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 200–214.
- Repina, L.P. (2012), " 'National character' and 'The image of the other' ", *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with time: An almanac of intellectual history], iss. 39, URSS, Moscow, Russia, pp. 9–19.
- Zhuravleva, V.I. (2012), *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify: 1881–1914* [Understanding Russia in the USA: images and myths. 1881–1914], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна В. Алentieva, доктор исторических наук, профессор, Курский государственный университет, Курск, Россия; 305000, Россия, Курск, ул. Радищева, д. 33; alenttv@mail.ru

Information about the author

Tatiana V. Alentieva, Dr. of Sci. (History), professor, Kursk State University, Kursk, Russia; 33, Radishchev St., Kursk, Russia, 305000; alenttv@mail.ru

УДК 329(71)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-134-149

Правый популизм в Канаде XXI в.: развитие и влияние на современные институты власти

Анна М. Волошина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, ani_voloshina@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние политической системы Канады с точки зрения развития правого популизма. Правый популизм стал относительно новым явлением в политической жизни страны, в короткие сроки закрепившись в партийной системе в виде Народной партии Канады, а также в виде региональных общественных движений и партий. С момента выборов 2021 г. правый популизм остается в повестке дня, оказывая воздействие на традиционные «всеохватные» партии. С опорой на последние тенденции развития Канады, внутренние причины роста недоверия к федеральным властям и установленному статус-кво была проанализирована корреляция с ростом правого популизма, появлением политиков-популистов или политиков, использующих популистскую риторику внутри Консервативной партии. Выявлены точки роста правого популизма и предпринята попытка прогноза его перспектив в преддверие выборов 2025 г. в Парламент.

Ключевые слова: Канада, партийная система, правый популизм, Консервативная партия Канады, Народная партия Канады

Для цитирования: Волошина А.М. Правый популизм в Канаде: развитие и влияние на современные институты власти // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 134–149. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-134-149

Right-wing populism in Canada: current development and influence on the main political institutions

Anna M. Voloshina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ani_voloshina@mail.ru*

Abstract. The article examines the current state of Canada's political system from the perspective of the right-wing populism development. Right-wing

© Волошина А.М., 2025

populism has become a relatively new phenomenon in the Canadian political process, quickly gaining a foothold in the party system as the People's Party of Canada, as well as the regional social movements and parties. Since the 2021 elections, right-wing populism is still on the Canadian agenda, influencing the Canadian traditional "catch-all" parties, the Liberal Party of Canada and the Conservative Party. Based on the latest development trends in Canada, the internal reasons for the amplifying distrust of the federal authorities and the established status quo, the paper analyzes the correlation with the growth of right-wing populism, the emergence of populist politicians or the politicians using populist rhetoric within the Conservative Party. The points of growth of right-wing populism have been identified and an attempt has been made to forecast its prospects on the eve of the 2025 Parliamentary elections.

Keywords: Canada, party system, right-wing populism, Conservative Party of Canada, People's Party of Canada

For citation: Voloshina, A.M. (2025), "Right-wing populism in Canada: current development and influence on the main political institutions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 134–149, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-134-149

Введение

Партийная и федеральная система Канады представляет собой обширное поле для научных изысканий, поскольку в ней возможно выделить ряд характерных черт, делающих ее отличной от партийных систем англосаксонского мира. Ключевая из них – постоянное доминирование в системе партии центра.

В партийной системе вестминстерского образца возможны две логики развития. Первая – электоральная, при которой обширная географическая протяженность создает эксклюзивные условия партийного соревнования для разных регионов. Другая логика – парламентская, при которой склонность вестминстерской системы к однопартийному правительству благоволит географически инклюзивным партиям. Канадская система своим примером показывает, как сосуществование этих логик может развиваться динамически. Данные условия оказываются критичными для выявления причин фрагментации системы и последующего развития правого популизма.

Природа правого популизма и его концептуализация являются спорными вопросами современной политической науки. Наиболее популярными являются два подхода: популизм как идеология, представленный К. Мадде, согласно которому популизм – идеоло-

гия, вторичная по отношению к фундаментальным, рассматривающая общество в разрезе двух противостоящих друг другу групп: народа и «коррумпированной элиты» [Mudde 2004]; популизм как политическая стратегия, представленный К. Вейландом [Weyland 2001], Г. Бетцем [Betz 2002], согласно которому популизм – стратегия, используемая акторами политического процесса для получения и удержания власти на основе неинституциональной поддержки дезорганизованного большинства, привлеченного обращением к его скрытой фрустрации и спровоцированным ей эмоциям. Также возможно рассмотрение популизма как дискурсивной структуры, характерное для постструктуралистских теорий [Laclau 1980]. В данной работе предпринята попытка охватить представленные выше подходы к популизму для определения феномена правого популизма в Канаде.

Цель статьи – проанализировать тенденции развития правого популизма в Канаде, выявить причины и точки роста, степень влияния на институты власти.

Хронологические рамки статьи охватывают несколько этапов развития правого популизма в Канаде: 1930–1970 гг. как период деятельности в Канаде рабочих движений, Федерации корпоративного содружества в Альберте и Партии социального кредита, 1990–2003 гг. как период возрождения консервативного движения и деятельности Партии реформ и Канадского консервативного альянса, 2018 г. – наст. время как период формирования и активизации современного правопопулистского дискурса в политике Канады.

Среди современных канадских ученых исследованием проблематики современной политической системы Канады занимаются Р. Джонстон [Johnston 2017], А. Ноэль [Noël 2000], Т.-Ж. Куршен [Courchene 2006], А.-Г. Ганьон [Gagnon 1993] и др. В России региональным исследованиям Канады, ее современной внутренней и внешней политики, канадского федерализма посвящены работы Ю.Г. Акимов [Акимов 2006], К.Ю. Барановского [Барановский 2002], С.Ю. Данилова [Данилов 2012], А.Л. Демчука [Демчук, Соколов 2015], Е.Г. Комковой [Комкова 2022], А.Н. Комарова [Комаров 2013; Комаров 2014], В.Е. Шило [Шило 2002]. Правый популизм в Канаде представляет собой малоизученную тему как в зарубежной литературе, так и в отечественной. Многогранный историографический анализ правых движений был представлен доктором исторических наук А.Н. Комаровым [Комаров 2013], занимающимся изучением канадских консерваторов. В связи с этим нами поставлена научная задача по описанию основных трендов, связанных с современным канадским правым популизмом в системе сдержек и противовесов партийной системы.

Предпосылки правого популизма в Канаде

Зарождение партий популистского толка в Канаде можно проследить с формирования в 1930-х гг. различных аграрных, рабочих движений в Канаде, например, Лиги рабочего единства, а также формирования в Альберте политической коалиции социалистической направленности – Федерации кооперативного содружества (ФКС; англ. The Co-operative Commonwealth Federation, CCF) в 1932 г. и Партии социального кредита (ПСК; англ. Social Credit Party of Canada) в 1935 г. [Sinclair 1975]. Причиной одновременного подъема рабочего движения в организованной форме стала череда событий, повлекших ухудшение положения фермеров и рабочих, в особенности в Западных провинциях Канады: забастовка 1919 г. в Виннипеге, последовавшие за этим политические репрессии против Коммунистической партии Канады и ее экономическая рецессия в связи с Великой депрессией, серия катаклизмов, затронувших фермерские хозяйства, и установление нацизма в Германии, в котором рабочим виделся замысел монополистов.

Партию социального кредита, в 1944 г. сформировавшую правительство Саскачевана, и ФКС объединяло несколько общих характеристик, по которым их возможно отнести к популистским партиям: апелляция к родству с простыми людьми, контроль партийных лидеров со стороны большинства – причем приверженность прямой демократии в ПСК приняла авторитарные формы, – а также образ «общего врага», против которого строится идеология: восточной части Канады, эксплуатирующей запад в своих интересах. При этом ПСК и ФКС не являлись сторонниками идей революции: их программа решала классовые проблемы мелкой буржуазии в рамках капитализма. Партия социального кредита подчеркивала, что их требования не представляют угрозы частной собственности, сбережениям или принципу свободного предпринимательства, однако процветание, по мнению ее представителей, могло быть достигнуто лишь посредством денежной реформы. Члены ФКС же считали своей целью перемены в общественной и экономической жизни Канады, в числе которых построение модели смешанной экономики, национализация промышленности, введение плановой экономической модели, регулируемой конкуренции, формирование социальных мер поддержки населения в виде пенсионного обеспечения и страхования по безработице.

На выборах в 1935 г. в Парламент прошло 7 депутатов от ФКС и 17 депутатов от Партии социального кредита. Это стало первым случаем вхождения несистемных течений в правительство. ФКС, переросшей в 1961 г. в Новую демократическую партию (НДП) на

основе слияния с трейд-юнионистским Канадским конгрессом рабочих, удалось встроиться в партийную систему Канады на правах третьей партии в то время, как другие политические движения социалистической/коммунистической направленности либо распались сами, либо не смогли получить далее такого успеха, как в 1935 г.

Повторный подъем правых партий в Канаде прослеживается на рубеже 1990–2000-х гг. в лице западноцентричной Партии реформ, основанной П. Мэннингом в 2000 г., трансформировавшейся в 2003 г. в Канадский консервативный альянс (союз), который возглавил С. Дэй. Формирование Партии реформ произошло как реакция на неудачи политики федерального правительства Б. Малруни, в отдельных пунктах критики центра возможно найти сходство с популизмом образца 1930-х: насаждение восточными провинциями их экономических приоритетов западным, несправедливое распределение федеральным правительством социальных благ.

Реформисты постулировали создание «сбалансированной» федерации провинций, абсолютно равных перед собой, с равными правами для граждан и поступательным развитием общества. Подход Мэннинга был основан на требовании экономических и институциональных реформ. Реформисты избегали аффилиации с социокультурным направлением консерватизма, руководство партии стремилось модернизировать ее имидж для привлечения более умеренных избирателей. С. Дэй со стороны Консервативного альянса, напротив, стремился завоевать поддержку религиозных общин, избранная партией идеология социального консерватизма фокусировалась на традиционных семейных ценностях, защите религии и морали.

Как и популисты 1930-х гг., реформисты и Альянс после кратковременного успеха столкнулись с регрессом числа сторонников, однако пошли по пути объединения с правоцентристской Прогрессивно-консервативной партией в Консервативную партию Канады в 2003 г. во избежание распыления голосов избирателей и для создания эффективной конкуренции либералам. Различия между идеологиями и вынужденная кооперация определили в дальнейшем отсутствие консенсуса внутри объединенной партии и период длительного отсутствия популизма как внесистемного течения в политической системе.

Западные провинции Канады, или Популистский региональный поворот

Ранее среди исследователей канадской политической системы и среди ключевых лиц страны была популярна гипотеза, что

в современной Канаде популизм как идеология и политическая технология нереализуем, поскольку размежевание между интересами провинций, социальными и другими группами граждан не позволяет образоваться популистскому движению, идеология которого охватывала бы интересы «всех» канадцев. Так, в апреле 2018 г., выступая перед французской Национальной ассамблеей, Джастин Трюдо фактически назвал Канаду оплотом сопротивления популизму: «Во времена, когда политические силы эксплуатируют и спекулируют на чувстве реальной тревоги своих граждан, Канада избрала путь храброй и целеустремленной борьбы с цинизмом»¹, где под «цинизмом» имелся в виду набирающий обороты тренд на рост правопопулистских политических течений во всем мире. В 2021 г. политическая ситуация в Канаде стремительно переменялась, и не в пользу прогнозов сторонников идеи «Канады без популизма».

Наиболее благоприятное условие для роста правого популизма – уже присутствующие в социальном поле страны настроения: ощущение фрустрации, ущемления своих прав и свобод, усталость от социально-экономической рецессии. Под данные условия попадает канадская провинция Альберта, где наблюдается продолжительный тренд на рост «идеологии отчуждения» Западных провинций от федерального правительства. Западные нефтедобывающие провинции – Альберта, Манитоба, Саскачеван и Британская Колумбия – один из крупнейших экономико-географических районов, от которого зависит 40% экономического благосостояния федерации. Для Консервативной партии Канады Западные провинции всегда были ядерной избирательной базой, так как исторически ее предшественник – Реформистская партия (1987–2000 гг.) – представляла собой реакционное объединение консерваторов региона против политики центра. Сепаратистские настроения и общественное недовольство сопровождали Запад с 80-х гг., и реформисты служили ответом на нужды граждан Западных провинций с принципиальным видением будущего региона в составе федерации [Farney 2017].

В настоящий момент возможности развития правого популизма на почве недовольства Запада федеральным центром определяются фактором затяжного экономического кризиса в связи с падением цен на газ в 2014–2015 гг., от которого наиболее всего пострадала

¹ Prime Minister's speech to the French National Assembly // Prime Minister of Canada Justin Trudeau official Website. URL: <https://pm.gc.ca/en/news/speeches/2018/04/17/prime-ministers-speech-french-national-assembly> (дата обращения 01.04.2024).

провинция Альберта, основной нефте- и газодобывающий регион. Антагонизм по отношению к федеральному центру стал фактором увеличения протестного голосования внутри провинции, взрыв которого произошел в 2018 г. с появлением оформившегося движения за отделение Западных провинций от Канады – “Wexit” – и с победой на выборах 2019 г. в Законодательное собрание Альберты региональной Объединенной Консервативной партии (ОКП). Ранее Собрание возглавляла Новая демократическая партия (НДП), сменив лидировавшую несколько сроков подряд Прогрессивную консервативную партию (ПКП). Таким образом, в 2019 г. прерванная консервативная традиция была продолжена в новом виде.

Лидера ОКП Джейсона Кенни возможно отнести к правым популистам при рассмотрении используемых им нарративов: инструмент в виде фрустрации граждан был использован для объединения электората против «общего врага», виновника всех их проблем, в данном случае премьер-министра Дж. Трюдо². Тем не менее неэффективность реагирования на пандемию COVID-19 повлекла за собой последующее снижение рейтинга одобрения правительства Дж. Кенни с допандемийных 60% до 33% в 2021 г. и его уход в отставку. Согласно опросам общественного мнения за май 2021 г., только 29% жителей Альберты оказались удовлетворены мерами, предпринятыми провинциальными властями в период пандемии, что, по сравнению с другими регионами, рекордно низкий показатель³.

Следует отметить переход электората Альберты от консерваторов к популистам, демократам и либералам на выборах федерального уровня, пусть и незначительное – с 69% голосов в 2019 г. к 55,3% в 2021 г. с приростом 3% голосов либералам, около 8% НДП и 5% популистам. Данная тенденция отражает шаткое положение консерваторов и внутри провинции: новое правительство ОКП во главе с Даниэль Смит было избрано на второй срок в 2023 г. с более низким, чем в 2019 г., отрывом от Новых демократов.

Д. Смит так же представляет популистский поворот в канадской региональной политике: одним из ключевых ее обещаний стал

² Keller J., Parkinson D. What about Alberta? In federal election, the province's economic woes fail to break through // The Globe and Mail Alberta. 2019. URL: <https://www.theglobeandmail.com/canada/alberta/article-gas-city-blues-in-the-federal-election-albertas-economic-woes-fail/> (дата обращения 20.03.2024).

³ Leger's North American tracker. 2021. May 11. URL: <https://leger360.com/legers-north-american-tracker-may-11-2021/> (дата обращения 26.03.2024).

пересмотр Закона о суверенитете Альберты с целью предоставления провинции большей независимости от центра в части вопросов соотношения местной и федеральной юрисдикции. Кроме того, в своей первой речи на посту премьера она назвала невакцинированных граждан Альберты «самой дискриминируемой» социальной группой за всю ее политическую карьеру. Это и другие тезисы ее программы объединены в рамках идеи противостояния как коалиции либералов и НДП, так и «глобальному истеблишменту», который является причиной «экономического хаоса по всему миру»⁴.

Допандемийный опрос 2019 г., проведенный агентством Ipsos⁵, показывал рекордное для Канады чувство разобщенности, больше половины канадцев согласились с тезисом о том, что менее единой, чем на момент проведения опроса, страна еще не была, при этом наиболее высокий процент респондентов с утвердительными ответами наблюдался в Альберте и Саскачеване – 79 и 77% соответственно. Несмотря на то что по итогам пандемии COVID-19 нация стала сплоченнее относительно некоторых вопросов, согласно результатам муниципального референдума 2021 г. в провинции Альберта об отмене уравнивающих платежей из бюджета федерации, получателями которых являются все провинции, кроме Альберты и Онтарио, 62% населения высказались «за» отмену, что позволяет говорить о присутствии в дискурсе требования большинства населения Альберты о более справедливом отношении к провинции⁶.

Социальные расколы и поляризация электората

Фактором, одновременно сдерживающим рост правого популизма в Канаде и определяющим его, является роль, по типоло-

⁴ Danielle Smith Official Twitter*, 21.07.2022 // X*.com. URL: <https://x.com/abdaniellesmith/status/1550201089063936001?s=46&t=oascGtmweZ8lVr97jtNaZA> (дата обращения 02.06.2024).

⁵ Социальная сеть X (бывшая Twitter) заблокирована на территории России.

⁶ New survey shows continued division in Canada // RCI. URL: <https://www.rcinet.ca/en/2020/01/16/new-survey-shows-continued-division-in-canada/> (дата обращения 02.06.2024).

⁶ Albertans support bid to change equalization, narrowly turn down year-round daylight time // CBC News. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/edmonton/referendum-alberta-equalization-daylight-time-senate-1.6225309> (дата обращения 02.06.2024).

гии М. Липсета и С. Роккана [Lipset, Rokkan 1967], социальных расколов: «город-село», «католики-протестанты». А. Лейпхарт [Lijphart 1979] в своих исследованиях Канады показал, что последняя линия социокультурного размежевания является не менее важной, чем экономическая, поскольку в Канаде католики представляют почти половину всего населения, что делает государство близким к европейской политической культуре, где население либо подавляюще католическое, либо наполовину, как в Германии или Нидерландах. Если в 1960–1970-х гг. данный раскол в обществе Канады был самым критичным относительно других стран Вестминстерской системы, то сейчас он размыт, и де-факто прямой корреляции между католиками и либералами не существует: институциональные интересы данной конфессии сейчас поддерживают практически все представленные на политической арене партии, что позволяет популистам опираться так же на данный электорат как на единый.

Поляризация канадского электората в рамках раскола «город–село», напротив, ярко выражена и ежегодно возрастает по линии Либеральная партия – городское население, Консервативная партия – сельское население⁷. Наиболее принципиальные точки разногласия, определяющие электоральное поведение населения в зависимости от места жительства: изменение климата, миграция, доверие правительству. Популисты, как Народная партия Канады (НПК), со стратегией «умного популизма» – привлечения без таргетирования определенных социальных групп – тесно конкурируют с традиционными консерваторами, поэтому системные политики здесь имеют больший успех. С другой стороны, «всеохватность» двух партий Канады теряет свое значение в пользу привлекательности более радикальных нарративов, что и является причиной проникновения популистов в систему.

Даже несмотря на то что на выборах 2021 г. НПК не получила мест в парламенте, популисты в некоторых провинциях смогли перетянуть потенциальный электорат консерваторов в виде агрессивных сторонников антивакцинаторства и других противников коронавирусных мер, а также тех, кто разочаровался в «системных» правых, кого привлекла расистская, антимиграционная, антимусульманская риторика и т. д. В Альберте за Народную партию проголосовало 7,4% – больше, чем за «векситскую» Партию Маверика,

⁷ Loewen P., Speer S., Bertolo S. Fault lines and common ground: understanding the state of Canada's urban-rural divide // Public Policy Forum. 2021. URL: <https://ppforum.ca/publications/fault-lines-and-common-ground/> (дата обращения 02.06.2024).

среди провинций, в которой НПК выставила своих кандидатов, это наибольший ее результат⁸.

По пути США: популисты в системе

Более значимым с точки зрения перспектив правого популизма в политической системе Канады является лидерство Пьера Пуальевра в Консервативной партии. Данный кейс представляет развитие правого популизма в федерации по пути США, а не Европы, либо синтез двух моделей. П. Пуальевр – «карьерный» консерватор, пример которого демонстрирует правый популизм как политическую технологию завоевания электората. Стратегия привлечения путем активной критики правительства, выступлений за защиту прав дискриминируемого большинства – «синих воротничков», и обещаний радикального характера на обширный круг тем: отмена федерального углеродного налога, стабилизация цен на жилье, обеспечение энергетической независимости Канады, создание условий для быстрой адаптации мигрантов, обеспечение свободы слова в университетах, была успешно опробована на «внутреннем» избирателе в 2022 г. Репрезентативно, что 68,15% голосов он получил как со стороны фракции религиозных консерваторов, так и со стороны умеренных, таким образом, продемонстрировав эффективность «умного» популизма, до этого не так успешно опробованного М. Бернье через НПК. Таким образом, Консервативная партия сделала ставку на возвращение себе потерянного электората, с чем связано появление Пуальевра в публичном поле на митингах антиваксеров, а также попытка продвижения в Парламенте закона об отмене обязательной вакцинации⁹.

После вступления в должность П. Пуальевр последовательно поднимает в публичном поле, на дебатах в Парламенте вопросы доступного жилья, защиты традиционных ценностей и ключевого для получения поддержки от Западных провинций вопроса развития газовых и нефтяных месторождений, требования социально-экономической справедливости отражают преемственность в отношении

⁸ General election. Election results by province, Alberta // Elections Canada. 2021. September 20. URL: <https://enr.elections.ca/Provinces.aspx?lang=e> (дата обращения 02.06.2024).

⁹ Poilievre-backed anti-COVID-19 vaccine mandate bill fails to pass House // CTV News. URL: <https://www.ctvnews.ca/politics/poilievre-backed-anti-covid-19-vaccine-mandate-bill-fails-to-pass-house-1.6616778> (дата обращения 20.04.2024).

современного правого популизма Консервативной партии к популизму Партии реформ П. Мэннинга. Широкое использование различных площадок: СМИ, встречи сторонников, социальные сети, в сочетании с простой лексикой и прагматизмом, а также резкой критикой в отношении «бюрократов» и «слабого премьер-министра» позволили П. Пуальевру охватить электорат в возрасте 20–30 лет, представителей этнических меньшинств и другие «неопределившиеся» слои канадского общества.

Тенденции и перспективы развития правого популизма в Канаде

При взгляде на трансформацию партийной системы Канады становятся очевидными несколько факторов, один из которых – тесная зависимость изменений в партийной конфигурации от социально-экономических факторов. Каждый кризис партийной системы сопровождается, как правило, существенным экономическим кризисом, провальной экономической политикой правительства, а прорыв и ресинхронизация имеют под собой подоплеку в виде структурной перестройки в парламенте и успешных экономических реформ. Популизм опирается на недоверие власти и всеобщую фрустрацию социально-экономической политикой, которая наблюдается у половины жителей западных провинций, а также среди избирателей как левого, так и правого толка. Популисты обещают равные условия для дискриминируемого «коррумпированной элитой» народа в лице рабочих, фермеров и других социальных групп, представляющих большинство населения.

Не последним фактором, который может поспособствовать удержанию правых популистов в политической системе Канады, является отмечаемый постпандемийный тренд на рост популярности ультраправой риторики среди населения, молодежи в частности. Согласно данным Федеральной службы статистики Канады, число преступлений на почве ненависти за 2020 г. увеличилось на 37%, при этом доля преступлений, совершенных по отношению к определенной расе и этничности, выросла на 80% по сравнению с 2019 г., наиболее высокие цифры показав в Новой Шотландии, Британской Колумбии, Саскачеване, Альберте и Онтарио¹⁰. Кроме

¹⁰ Police-reported hate crime, by type of motivation, selected regions and Canada (selected police services) // Statistics Canada. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3510006601> (дата обращения 02.06.2024).

того, из-за паники и общественной дезинформации о COVID-19 и его распространении, в стране значительно выросло число случаев дискриминации и насилия по отношению к азиатской расовой принадлежности¹¹. В 2021 г. было отмечено продолжение увеличения числа преступлений на почве ненависти на 27% к 2020 г., в 2022 г. рост замедлился и составил 7% к предыдущему. Правые популисты в Канаде в настоящий момент не склонны активно привлекать данный потенциальный электорат из ультраправых активистов, так как в условиях поддерживаемого населением канадского мультикультурализма больший отклик имеет дискурс борьбы с «клановым капитализмом» за «свободу слова» и отчуждение доходов корпораций в пользу населения [Budd 2021]. Анализ e-mail рассылок НПК показал, что в формате прямого письма избирателю частота упоминаний темы критики миграционной политики Канады и многонационального характера федерации была ниже, чем в социальных сетях и устных выступлениях, где относительно всех речевых сообщений суммарно доля также невысока [Budd, Small 2022]. На примере П. Пуальевра также прослеживается поддержка идей мультикультурализма в канадском правопопулистском дискурсе: он выступает за поддержку легальной миграции за счет ограничения нелегальной, а также критикует «воукизм» (англ. wokeism, левая политика пропаганды повышенного внимания к вопросам социальной, расовой и другой справедливости) как фактор разобщения канадцев, роста преступности и инструмент государственного контроля.

Заключение

Таким образом, Канада остается одной из наиболее противоречивых современных федераций, волатильность которой способна кардинально изменить политическую обстановку, особенно в последние годы, когда результаты выборов становятся все более непредсказуемыми, и борьба между партиями становится активнее и ожесточеннее. Правый популизм при дальнейшем росте электората имеет перспективу закрепиться в партийной системе в качестве триггера для внутреннего обновления и быстрой адаптации традиционных институтов власти к эпохе информационных войн и новых методов ведения политических кампаний.

¹¹ Perceptions of personal safety among population groups designated as visible minorities in Canada during the COVID-19 pandemic // Statistics Canada, 2020. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/45-28-0001/2020001/article/00046-eng.htm> (дата обращения 02.04.2024).

Политическое доминирование центральной провинции (которой все больше руководит ее собственный столичный центр и избранное правительство), выступавшее сдерживающим фактором системы, находится в поиске решения по компромиссному урегулированию конкурирующих региональных интересов. Может ли обновление идейной базы консерваторов в качестве жизнеспособной альтернативы «всеохватной» либеральной устранить этот синдром, станет ли популизм таким фактором мобилизации общества, как в США – открытый вопрос. На настоящий момент правый популизм в Канаде представляет собой не сформированную идеологию, но набор политических технологий и дискурсивных стратегий, направленных на мобилизацию электората Консервативной партии.

Согласно опросу аналитической компании Ipsos в 2024 г., П. Пуальевра поддерживали 44% канадцев против 25% за Дж. Трюдо и 23% за Дж. Сингха, несмотря на предпринятые либералами усилия по кооперации с НДП. Снижение одобрения деятельности Дж. Трюдо на фоне роста популярности консерваторов и кризиса внутри Либеральной партии привели к отставке премьер-министра с поста в январе 2025 г. Таким образом, элемент протестного голосования на фоне усталости от либералов вместе с реальным ростом одобрения П. Пуальевра среди различных слоев населения способен принести ему победу на парламентских выборах в 2025 г. и обеспечить правому популизму в Канаде выход в систему по американской модели.

Литература

- Акимов 2006 – *Акимов Ю.Г.* Федерализм и организация внешней политики // Канада и Россия. Россия и Канада в начале XXI в.: Материалы Международного семинара, 6 апреля 2005 г. / ред. Ю.Г. Акимов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 13–19.
- Барановский 2002 – *Барановский К.Ю.* Квебек в канадской федерации: политические аспекты // Канада: взгляд из России: Экономика, политика, культура. М.: Анкил, 2002. С. 122–145.
- Данилов 2012 – *Данилов С.Ю.* Эволюция канадского федерализма. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. 304 с.
- Демчук, Соколов 2015 – *Демчук А.Л., Соколов В.И.* Выборы в Канаде: смена правящей партии // США & Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 12. С. 20–36.
- Комкова 2022 – *Комкова Е. Г.* Внеочередные выборы в Канаде: референдум по Трюдо // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 1. С. 5–20.

- Комаров 2013 – *Комаров А.Н.* Правый консерватизм в Канаде на рубеже XX–XXI вв.: партия реформ и канадский консервативный альянс реформ в борьбе за власть на всеобщих выборах 1993, 1997, 2000 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2013. № 13 (114). С. 208–220.
- Комаров 2014 – *Комаров А.Н.* Канадские консерваторы: от оппозиции к власти: 1990–2010-е гг. М.: РГГУ, 2014. 240 с.
- Шило 2002 – *Шило В.Е.* Практика канадского федерализма: достижения и противоречия // Канада: взгляд из России: Экономика, политика, культура. М.: Анкил, 2002. С. 82–106.
- Betz 2002 – *Betz H.* Conditions favoring the success and failure of radical right-wing populist parties in contemporary democracies' // Democracies and the populist challenge / ed. by Y. Mény, Y. Surel. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. P. 197–213.
- Budd 2021 – *Budd B.* Maple-glazed populism: Political opportunity structures and right-wing populist ideology in Canada // Journal of Canadian Studies. 2022. Vol. 55. No. 1. P. 152–176.
- Budd, Small 2022 – *Budd B., Small T.A.* “Many thanks for your support”: email populism and the People’s Party of Canada // Electoral campaigns, media, and the new world of digital politics / ed. by D. Taras, R. Davis. Michigan; University of Michigan Press, 2022. P. 143–162.
- Courchene 2006 – *Courchene T.-J.* Energy prices, equalization and Canadian federalism. Comparing Canada’s energy price shocks // Queen’s Law Journal. 2006. Vol. 31. No. 2. P. 644–695.
- Farney 2017 – *Farney J.* Social conservatives and party politics in Canada and the United States. Toronto: University of Toronto Press, 2017. 168 p.
- Gagnon 1993 – *Gagnon A.-G.* The political uses of federalism // Comparative federalism and federation / ed. by M. Burgess, A.-G. Gagnon. Toronto: Harvester and Wheatsheaf, 1993. P. 15–44.
- Johnston 2017 – *Johnston R.* The Canadian Party system: An analytic history. Vancouver: UBC Press, 2017. 316 p.
- Laclau 1980 – *Laclau E.* Populist rupture and discourse // Screen Education. 1980. Vol. 34. P. 87–93.
- Lijphart 1979 – *Lijphart A.* Religious vs linguistic vs. class voting: The “crucial experiment” of comparing Belgium, Canada, South Africa, and Switzerland // The American Political Science Review. 1979. Vol. 73. No. 2. P. 442–458.
- Lipset, Rokkan 1967 – Party systems and voter alignment: cross-national perspectives / ed. by M. Lipset, S. Rokkan. N.Y.: Free Press, 1967. 554 p.
- Mudde 2004 – *Mudde C.* The populist Zeitgeist // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 542–563.
- Noël 2000 – *Noël A.* Without Quebec: Collaborative federalism with a footnote? // IRPP Policy Matters. 2000. Vol. 1. No. 2. P. 4–26. URL: <https://irpp.org/research-studies/policy-matters-vol1-no2/> (дата обращения 01.04.2025).

- Sinclair 1975 – *Sinclair P.R.* Class structure and populist protest: The case of Western Canada // *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens de Sociologie*. 1975. Vol. 1. No. 1. P. 1–17.
- Weyland 2001 – *Weyland K.* Clarifying a contested concept: Populism in the study of Latin American politics // *Comparative Politics*. 2001. Vol. 34. No. 1. P. 1–22.

References

- Akimov, Yu.G. (2006), “Federalism and organization of international politics: Canada and Russia”, in Akimov, Yu.G., ed., *Rossiya i Kanada v nachale XXI v.: Materialy Mezhdunarodnogo seminar, 6 aprelya 2005 g.* [Russia and Canada at the beginning of the 21st century: Proceedings of the International Seminar, April 6, 2005], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 13–19.
- Baranovskii, K.Yu. (2002), “Quebec in the Canadian Federation: political aspects”, in *Kanada: vzglyad iz Rossii: ekonomika, politika, kul'tura*, [Canada: A view from Russia: economy, politics, culture], Ankil, Moscow, Russia, pp. 122–145.
- Betz, H. (2002), “Conditions favoring the success and failure of radical right-wing populist parties in contemporary democracies”, in Mény, Y. and Surel, Y., eds, *Democracies and the populist challenge*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, pp. 197–213.
- Budd, B. (2021), “Maple-glazed populism: political opportunity structures and right-wing populist ideology in Canada”, *Journal of Canadian Studies*, vol. 55, no. 1, pp. 152–176.
- Budd, B. and Small, T.A. (2022), “‘Many thanks for your support’: email populism and the People's Party of Canada”, in Taras, D. and Davis, R., eds., *Electoral campaigns, media, and the new world of digital politics*, University of Michigan Press, Michigan, USA, pp. 143–162.
- Courchene, T.-J. (2006), “Energy prices, equalization and Canadian federalism. Comparing Canada's energy price shocks”, *Queen's Law Journal*, vol. 31, no. 2, pp. 644–695.
- Danilov, S.Yu. (2012), *Evolutsiya kanadskogo federalizma* [Evolution of the Canadian federalism], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Demchuk, A.L. and Sokolov, V.I. (2015), “Canadian elections: governing party change”, *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 12, pp. 20–36.
- Farney, J. (2017), *Social conservatives and party politics in Canada and the United States*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Gagnon, A.-G. (1993), “The political uses of federalism”, in Burgess, M. and Gagnon, A.-G., eds., *Comparative federalism and federation*, Harvester and Wheatsheaf, Toronto, Canada, pp. 15–44.
- Johnston, R. (2017), *The Canadian party system: an analytic history*, UBC Press, Vancouver, Canada.
- Komarov, A.N. (2014), *Kanadskie konservatory: ot oppozitsii k vlasti: 1990–2010-e gg.* [Canadian conservatives: from political opposition to the power: 1990–2010], RGGU, Moscow, Russia.

- Komarov, A.N. (2013), "The right-wing conservatism in Canada at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries. The Reform Party of Canada and Canadian conservative alliance of reforms in struggle for power during the general elections of 1993, 1997 and 2000", *RGGU/RSUH Bulletin. "Historical Studies. General History" Series*, vol. 114, no. 13, pp. 208–220.
- Komkova, E.G. (2022), "Canadian snap elections: referendum on Trudeau's matter", *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 1, pp. 5–20.
- Laclau, E. (1980), "Populist rupture and discourse", *Screen Education*, vol. 34, pp. 87–93.
- Lijphart, A. (1979), "Religious vs linguistic vs. class voting: the 'crucial experiment' of comparing Belgium, Canada, South Africa, and Switzerland", *The American Political Science Review*, vol. 73, no. 2, pp. 442–458.
- Lipset, M. and Rokkan, S., eds. (1967), *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*, Free Press, New York, USA.
- Mudde, C. (2004), "The populist Zeitgeist", *Government and Opposition*, vol. 39, no. 4, pp. 542–563.
- Noël, A. (2000), "Without Quebec: collaborative federalism with a footnote?", *IRPP Policy Matters*, vol. 1, no. 2, pp. 4–26, available at: <https://irpp.org/research-studies/policy-matters-vol1-no2/> (Accessed 1 April 2025).
- Shilo, V.E. (2002), "The practice of Canadian federalism: achievements and contradictions", in *Kanada: Vzglyad iz Rossii. Ekonomika, Politika, Kul'tura*, [Canada: A view from Russia: economy, politics, culture], Ankil, Moscow, Russia, pp. 82–106.
- Sinclair, P.R. (1975), "Class structure and populist protest: the case of Western Canada", *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens de Sociologie*, vol. 1, no. 1, pp. 1–17.
- Weyland, K. (2001), "Clarifying a contested concept: populism in the study of Latin American politics", *Comparative Politics*, vol. 34, no. 1, pp. 1–22.

Информация об авторе

Анна М. Волошина, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; ani_voloshina@mail.ru

Information about the author

Anna M. Voloshina, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; ani_voloshina@mail.ru

Международный характер движения Black Lives Matter в Канаде в 2013–2020 гг.

Илья Ю. Храмов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, xratov.ilya@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории движения «Жизни чернокожих имеют значение» и его эволюции как международного движения на примере деятельности чернокожих активистов в США и Канаде в 2013–2020 гг. Этим сюжетам практически не уделено внимание в отечественных исследованиях. Однако рассмотрение международных связей активистов движения «Жизни чернокожих имеют значение» помогает лучше понять распространение массовых протестов против расизма по всему миру в 2020 г.

В работе проанализирована деятельность организаций движения «Жизни чернокожих имеют значение» в двух странах и их взаимодействие. В статье показано, что Глобальная сеть «Жизни чернокожих имеют значение» из США стояла у истоков организации «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде и оказывала прямую финансовую помощь канадским активистам. Канадские и американские активисты принимали совместное участие в акциях прямого действия как в США, так и в Канаде. Чернокожие активисты в обеих странах имели общую идейную платформу – анти-расизм и интерсекциональный подход в анализе положения чернокожих в обществе, а также стремление к созданию международного движения. Статья подготовлена на основе публикаций в СМИ и материалах американской и канадской организации движения «Жизни чернокожих имеют значение», которые ранее не были привлечены к анализу отечественными исследователями.

Ключевые слова: Black Lives Matter, международные социальные движения, расизм, движение чернокожих

Для цитирования: Храмов И.Ю. Международный характер движения Black Lives Matter в Канаде в 2013–2020 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 150–165. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-150-165

The Black Lives Matter movement in Canada, 2013–2020: on the international character of the movement

Ilya Yu. Khramov

Saint Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia, xramov.ilya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the Black Lives Matter movement and its evolution as an international movement, on the example of the activities of the Black activists in the United States and Canada in 2013–2020. These issues have not been given much attention in domestic studies. However, examining the international connections of the Black Lives Matter activists helps to better understand the spread around the world of the mass protests against racism in 2020.

The paper analyzes the activities of the Black Lives Matter organizations in two countries and their interaction. The article shows that the Black Lives Matter Global Network from the United States pioneered the Black Lives Matter organization in Canada and provided a direct financial support to the Canadian activists. The Canadian and US activists have jointly participated in the direct actions in both the US and Canada. The Black activists in both countries shared a common ideological platform of anti-racism and an intersectional approach to analyzing the conditions of the Blacks in society; they also expressed a desire to create an international movement. The article is based on the media publications and the materials of the American and Canadian organizations of the “Black Lives Matter” movement; those documents have never been used by Russian researchers.

Keywords: Black Lives Matter movement, international social movement, racism, black movement

For citation: Khramov, I.Yu. (2025), “The Black Lives Matter movement in Canada, 2013–2020: on the international character of the movement”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 150–165, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-150-165

Введение

Движение «Жизни чернокожих имеют значение» (Black Lives Matter, BLM) стало известно на весь мир после протестов весной–летом 2020 г. Этому предшествовала продолжительная работа по формированию связей между чернокожими активистами в разных странах. Массовые выступления привлекли внимание, в том числе российских ученых и СМИ. Отечественными исследователями

уже был дан анализ идейной преемственности движения «Жизни чернокожих имеют значение» с движением за гражданские права и организацией «Черные пантеры», зарождения движения при президенте Бараке Обаме, отношениям афроамериканского сообщества и президента Дональда Трампа к летним протестам 2020 г. [Воробьев 2021a; Воробьев 2021b; Покудов 2020]. В некоторых публикациях исследователями была проанализирована реакция российской общественности на новости о протестах движения «Жизни чернокожих имеют значение» [Морозов 2022].

Зарубежные и отечественные исследователи также уделили внимание международному влиянию движения «Жизни чернокожих имеют значение», прежде всего проведению протестных акций, заявлениям политиков и резолюциям международных организаций¹ [Агальцов 2022]. Часть исследователей пришло к выводу о том, что движение «Жизни чернокожих имеют значение» стало проявлением гражданских инициатив для борьбы с расизмом и полицейским насилием в их собственных странах [Célestine, Martin-Breteau, Re-coquillon 2022]. Однако не был проведен анализ международного характера движения, а именно как социальное движение, его лозунги и требования на низовом уровне распространились по всему миру. В своей работе на примере появления движения «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде мы показываем, как взаимодействовали канадские и американские чернокожие активисты, объединяясь под лозунгом «Жизни чернокожих имеют значение».

Появление движения «Жизни чернокожих имеют значение» в США

Фраза «Жизни чернокожих имеют значение» с момента своего появления использовалась как хэштег в социальных сетях (*#blacklivesmatter*), как название конкретной организации, которую возглавили активистки Алисия Гарза, Патрисс Каллорс и Опал Томети – Глобальная сеть «Жизни чернокожих имеют значение» (*Black Lives Matter Global Network, BLMGN*), и как название широкого низового движения против расизма и полицейского насилия²

¹ *Blain K.* Civil Rights International: The fight against racism has always been global // Foreign Affairs. 2020. Aug. 11. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-08-11/racism-civil-rights-international> (дата обращения 07.01.2024).

² *Lowery W.* They can't kill us all: Ferguson, Baltimore, and a new era in America's racial justice movement. N.Y.: Little, Brown and Company, 2016 //

[Freelon, McIlwain, Clark 2016, P. 9]. Хэштег #blacklivesmatter впервые был опубликован летом 2013 г. в социальной сети Twitter* после оглашения оправдательного приговора Джорджу Циммерману. Патрульный-доброволец Дж. Циммерман застрелил чернокожего Трэйвона Мартина в Санфорде, штат Флорида, 26 февраля 2012 г. Дж. Циммерман следил за Т. Мартиным, посчитав его подозрительным. Большая часть чернокожего населения США была недовольна оправдательным приговором³. Свое недовольство выразила чернокожая активистка А. Гарза, написавшая пост в социальной сети Twitter*. В ответ на ее пост П. Каллорс использовала хэштег #blacklivesmatter⁴. Летом 2013 г. они провели протестные демонстрации, собрав активистов через организации, которые боролись за права чернокожих в начале XXI в. Например, все три активистки в разные годы являлись членами «Организации чернокожих за лидерство и достоинство» (Black Organizing for Leadership and Dignity, BOLD)⁵.

Хэштег #blacklivesmatter стал известен широкой публике лишь в конце 2014 г. во время протестов в Фергюсоне, штат Миссури. Эти протесты начались еще летом после убийства чернокожего Майкла Брауна полицейским Дарреном Уилсоном⁶. Очередное убийство чернокожего полицейскими вызвало протесты в Фергюсоне, куда стали прибывать активисты из разных уголков страны. Гражданские активисты использовали социальные сети для распространения информации о жестокости полиции во время разгонов демонстраций в Фергюсоне [Freelon, McIlwain, Clark

Z – Library. URL: <https://z-library.sk/book/2828029/9ae33a/they-cant-kill-us-all-ferguson-baltimore-and-a-new-era-in-americas-racial-justice-movement.html> (дата обращения 09.06.2025).

*Сайт X (ранее Twitter) заблокирован в России на основании решения Генеральной прокуратуры.

³ Big Racial Divide over Zimmerman Verdict // Pew Research Center. 2013. July, 22. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2013/07/22/big-racial-divide-over-zimmerman-verdict/> (дата обращения 09.02.2022).

⁴ Khan-Cullors P., Bandle A. When they call you a terrorist: A Black Lives Matter memoir. N.Y.: St. Martin's Press, 2018 // Z – Library. URL: <https://z-library.sk/book/5822402/e7047d/when-they-call-you-a-terrorist-a-black-lives-matter-memoir.html> (дата обращения 09.06.2025).

⁵ Garza A. The purpose of power: How we come together when we fall apart. N.Y.: Penguin Random House, 2020 // Z – Library. URL: <https://z-library.sk/book/23705915/820685/the-purpose-of-power.html> (дата обращения 09.06.2025).

⁶ Lowery W. Op. cit.

2016, р. 8]. Осенью 2014 г. активисты стали использовать хэштег #blacklivesmatter чаще других хэштегов для освещения протестов⁷.

22 ноября 2014 г. полицейские застрелили 12-летнего Тамира Райса, который находился на улице с игрушечным пистолетом. Ситуация была запечатлена на камеру и позже видео было опубликовано. Этот случай вызвал новые протесты, в ходе которых в социальных сетях стали чаще использовать хэштег #blacklivesmatter⁸.

24 ноября 2014 г. прокурор округа Сент-Луис решил не предъявлять обвинений полицейскому, застрелившему М. Брауна. В этот день хэштег #blacklivesmatter обрел наибольшую популярность. События конца ноября и начала декабря 2014 г. помогли вывести употребление лозунга и хэштега #blacklivesmatter за узкий круг гражданских активистов движения в защиту чернокожих. Хэштег #blacklivesmatter, созданный изначально в цифровом пространстве, распространился среди активистов во время протестов и позже обрел более широкую популярность в Интернете. Хэштег стал главным лозунгом нового массового движения против расизма и полицейского насилия в отношении чернокожих в США [Freelon, McIlwain, Clark 2016, р. 34].

Участие в протестах в Фергюсоне приняли А. Гарза, П. Каллорс и О. Томети. Они организовали «Рейды свободы» (Black Lives Matter Freedom Ride), собрав деньги на отправку гражданских активистов из других штатов в Фергюсон⁹. Вместе с активистами, участвовавшими в протестах, они создали организацию Глобальная сеть «Жизни чернокожих имеют значение», у которой появились отделения и ячейки в 18 городах США¹⁰. Глобальная сеть «Жизни чернокожих имеют значение» – это лишь одна из организаций, представляющих движение «Жизни чернокожих имеют значение», но ее лидеры заявили об ориентации движения на весь мир¹¹. Одним из отделений новой организации стала группа активистов в Канаде.

⁷ Mckesson DeR. On the other side of freedom: Race and justice in a divided America. L.: One World, 2019. P. 172.

⁸ Tamir rice shooting: video timeline / The New York Times // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7rfVjh5RtVY> (дата обращения 09.02.2022).

⁹ Garza A. Op. cit.

¹⁰ Herstory // Black Lives Matter. URL: <https://blacklivesmatter.com/herstory/> (дата обращения 09.02.2022).

¹¹ We affirm that all black lives matter: Guiding principles // Library of Congress: Black Lives Matter. URL: <https://webarchive.loc.gov/all/20161005235902/http://blacklivesmatter.com/guiding-principles/> (дата обращения 03.03.2022).

Движение «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде

Первое отделение Глобальной сети «Жизни чернокожих имеют значение» за пределами США было образовано в канадском городе Торонто в 2016 г.¹² Однако акции протеста против полицейского насилия в отношении чернокожих начались в Канаде двумя годами ранее. Так, несколько человек вышли на демонстрацию к посольству США в августе 2014 г. после убийства М. Брауна¹³. Изначально кооперация чернокожих активистов в Канаде происходила без влияния активистов из США. П. Каллорс установила контакты со сторонниками антирасистского движения в Канаде через канадских активистов, приезжавших на протестные демонстрации в Фергюсон в 2014 г.¹⁴

Среди чернокожих активистов Канады 17 ноября 2014 г. было распространено сообщение о возможной организации общественных акций в связи со скорым решением суда по делу о смерти М. Брауна. Чернокожие активисты следили за протестами в Фергюсоне, судебным процессом и объявлением решения суда в офисе Ассоциации чернокожих за предотвращение СПИДа (Black Coalition for Aids Prevention). Суд объявил о том, что не будет выдвигать обвинения Д. Уилсону. Чернокожие активисты готовились провести акции для выражения своего недовольства решением американского суда. Организационный комитет этих акций был назван Коалицией «Жизни чернокожих имеют значение» в Торонто (Black Lives Matter – Toronto Coalition). 25 ноября в акциях в Торонто приняло участие около 3000 чернокожих жителей города¹⁵.

Похожие случаи полицейского насилия в отношении чернокожих происходили в Канаде. Не все полицейские службы страны систематически собирали данные о применении силы со стороны полиции¹⁶. Однако была опубликована статистика по отдельным городам. Согласно отчету Комиссии по правам человека г. Онтарио,

¹² Black Lives Matter 4-year anniversary report. Resources // Black Lives Matter. P. 52. URL: <https://blacklivesmatter.com/resources/> (дата обращения 21.07.2023).

¹³ Until we are free: Reflections on Black Lives Matter in Canada / ed. by R. Diverlus, S. Hudson, S. Marcus Ware. Regina: University of Regina Press, 2020. P. 60.

¹⁴ Ibid. P. 58.

¹⁵ Ibid. P. 6–7.

¹⁶ McKay J. Systemic racism in policing in Canada // Report of the Standing Committee on Public Safety and National Security. 2021. P. 60–61.

провинция Торонто (Ontario Human Rights Commission), в период с 2013 по 2017 г. полицейские чаще применяли силу в отношении чернокожих (в 28,8% случаев) и использовали огнестрельное оружие (в 36,6% случаев). Столкновение полицейских с чернокожими чаще приводило к летальным исходам среди гражданского населения в те же годы (в 61,5% случаев с применением силы и в 70% случаев с применением огнестрельного оружия). Чернокожие составляли 8,8% от общего числа населения в г. Онтарио в 2016 г., но чаще сталкивались с полицейским насилием¹⁷.

Расовая принадлежность оказывала влияние на принятие решений в суде. Так, согласно исследованию 1994 г. 36% обвиняемых чернокожих подлежали аресту до суда, а среди обвиняемых представителей других расовых групп было задержано менее 25%. Исследование 2002 г. показало, что 15,5% чернокожих обвиняемых были заключены под стражу до суда, в то время как среди белых это число составляло 7,3%¹⁸.

Джермейн Карби был застрелен полицейскими в Брэмптоне, провинция Онтарио, 24 сентября 2014 г. Изначально полицейские заподозрили Дж. Карби в управлении транспортом в нетрезвом виде, но после проверки документов оказалось, что на Дж. Карби был выписан ордер на арест. Полицейские утверждали, что подозреваемый был вооружен ножом, в то время как свидетели говорили об обратном¹⁹. По приезде сотрудников Отдела специальных расследований (Special Investigations, SIU) ножа Дж. Карби на месте убийства не было, что сделало расследование спорным. Отдел специальных расследований заключил, что применение смертоносной силы полицейским было оправданным. Семья Дж. Карби и гражданские активисты были недовольны таким решением, поскольку не было точных доказательств, что Дж. Карби был вооружен²⁰.

¹⁷ Ontario Human Rights commission. A collective impact. Interim report on the inquiry into racial profiling and racial discrimination of black persons by the Toronto Police Service. Ontario: Government of Ontario, 2018. P. 19, 97.

¹⁸ Fact sheet. Anti-black racism in Canada's Criminal Justice System // Canadian Civil Liberties Association. 2021. Nov. P. 7.

¹⁹ Jermaine Carby ID'd as victim of Brampton police shooting // CBC. 2014. Sep., 25. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/toronto/jermaine-carby-id-d-as-victim-of-brampton-police-shooting-1.2777349> (дата обращения 04.10.2023).

²⁰ Police shooting of Jermaine Carby began with carding, officer testifies // City News. 2016. May 12. URL: <https://toronto.citynews.ca/2016/05/12/fatal-police-shooting-of-jermaine-carby-began-with-carding-officer-testifies/> (дата обращения 04.10.2023).

Канадские чернокожие активисты вышли на демонстрации, чтобы выразить свое недовольство жестокостью полиции в отношении Дж. Карби в Канаде и М. Брауна в США в конце ноября 2014 г.²¹

5 июля 2015 г. в Торонто полиция пыталась задержать чернокожего Эндрю Локу. Он был застрелен через 19 секунд после прибытия полицейских. По утверждениям правоохранителей, Э. Локу был вооружен молотком. Столкновение Э. Локу с полицией попало на запись телефонного звонка²². Описанные выше ситуации вызвали дискуссии в канадском обществе о предвзятости полицейских в отношении чернокожих, о расизме в правоохранительной системе.

Спустя год полиция Онтарио решила не выдвигать обвинения против полицейского, застрелившего Э. Локу. Активисты организации «Жизни чернокожих имеют значение» в Торонто (Black Lives Matter in Toronto) организовали палаточный лагерь в знак протеста с решением полиции. Основным требованием протестующих было оглашение личности полицейского и выдвижение против него обвинений в убийстве. Ближе к ночи демонстрация переросла в марш к зданию полиции в Торонто. Через неделю к демонстрациям присоединились члены Канадского профсоюза государственных служащих (Canadian Union of Public Employees). Его президент заявил, что чернокожие члены профсоюза сталкиваются с расизмом каждый день. Солидарность с движением «Жизни чернокожих имеют значение» проявили и другие организации: Лига коммунистической молодежи (Young Communist League), активисты квир-движения²³, сторонники движения за продовольственный суверенитет²⁴. В палаточный лагерь прибывали активисты из США для помощи канадским протестующим²⁴. Акции продлились 15 дней. Активистам движения «Жизни чернокожих имеют значение» удалось добиться встречи с мэром Торонто Джоном Тори и премьер-министром провинции Кэтлин Винн. Городской совет Торонто единогласно проголосовал за начало проверки работы

²¹ Until we are free... P. 8.

²² Inquest into fatal police shooting of Andrew Loku begins Monday // City News. 2017. June 5. URL: <https://toronto.citynews.ca/2017/06/05/inquest-fatal-police-shooting-andrew-loku-begin-monday/> (дата обращения 04.10.2023).

²³ «Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистской организацией и запрещено в России.

²⁴ Black Lives Matter protest grows at police HQ // CBC. 2016. March 26. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/toronto/black-lives-matter-toronto-loku-1.3508462> (дата обращения 07.12.2023).

²⁴ Until we are free... P. 12.

следственного подразделения²⁵. Протесты прошли в поддержку семьи Дж. Карби в штаб-квартире полиции района Пил провинции Онтарио в сентябре 2016 г.²⁶

Активисты движения «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде были возмущены сбором информации о гражданах в целях создания базы данных (*carding*) для полиции. Чаще всего остановам с целью сбора информации подвергались чернокожие, что говорило о расовых предрассудках среди полицейских, видевших в каждом чернокожем на улице потенциального преступника²⁷.

В 2016 г. активисты «Жизни чернокожих имеют значение» в Торонто участвовали в городском прайде («параде гордости**»). Они устроили сидячую забастовку, остановив демонстрацию. Активисты движения выдвинули требования увеличить количество чернокожих в числе организаторов прайда** в городе, уделить приоритетное внимание найму чернокожих трансгендерных женщин** и представителей коренного населения, а также не использовать во время прайдов** платформы с полицейской тематикой²⁸. Аналогичную акцию провели активисты движения «Жизни чернокожих имеют значение» в Ванкувере – второго отделения организации в Канаде. Требования активистов на прайдах** укладывались в логику интерсекциональной теории угнетения, а также соответствовали стремлению увеличить представительство наиболее маргинализированных групп населения. Подобная идейная основа характерна и для американской организации [Воробьев 2021b, с. 104], с которой были связаны канадские активисты.

Отделение организации в Оттаве летом 2016 г. также организовало крупные акции протеста в связи со смертью чернокожего канадца сомалийского происхождения Абдирахмана Абди 24 июля 2016 г. А. Абди попытался избежать ареста, но был задержан по-

²⁵ *Levin D.* Not just a US problem: Black Lives Matter here, too, Canadians say // The New York Times. 2016. June 15. URL: <https://www.nytimes.com/2016/06/16/world/americas/toronto-police-shootings-black-lives-matter-canada.html?searchResultPosition=23> (дата обращения 07.12.2023).

²⁶ *Family of Jermaine Carby sues Peel police for \$12M, protests at police station with Black Lives Matter* // CBC. 2016. September 28. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/toronto/family-of-jermaine-carby-sues-peel-police-for-12m-protests-at-police-station-with-black-lives-matter-1.3782762> (дата обращения 07.12.2023).

²⁷ Ontario Human Rights commission... P. 52.

²⁸ *Black Lives Matter Toronto stalls Pride parade* // CBC. 2016. July 3. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/toronto/pride-parade-toronto-1.3662823> (дата обращения 07.12.2023).

лицией. По приезде машины скорой помощи была установлена смерть А. Абди. Свидетели говорили о жестокости полиции во время задержания. Камеры видеонаблюдения частично засняли процесс ареста²⁹.

В ответ на новость о смерти А. Абди активисты движения «Жизни чернокожих имеют значение» организовали акции протеста в нескольких городах: Торонто, Ванкувере, Эдмонтоне, Виннипеге, Оттаве, Китченер-Ватерлоо, Гамильтоне. Они требовали выдвинуть обвинения в убийстве в отношении полицейских, которые задерживали А. Абди, а также просили Отдел специальных расследований опубликовать полный отчет о смерти задержанного³⁰. Эти акции свидетельствовали о том, что движение «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде приобрело национальный характер.

Активисты движения в Канаде реагировали и на убийства чернокожих в самих США. Отделение организации в канадском городе Эдмонтоне провело демонстрации после убийства двух чернокожих мужчин Элтона Стерлинга в Батон-Руж, штат Луизиана, и Филландо Кастилья в Миннесоте в США в 2016 г.³¹

Через год в Монреале, провинция Квебек, полиция застрелила чернокожего Пьера Кориолана 27 июня 2017 г. В процессе задержания по подозреваемому было выпущено несколько выстрелов из электрошокера и из пистолета резиновыми пулями. Процесс ареста сняла на камеру соседка П. Кориолана. Обвинения не были выдвинуты против полицейских, проводивших задержание. Чернокожие активисты, увидевшие видеозапись, были возмущены жестокостью полиции³².

²⁹ *Helmer A.* A full picture of Abdirahman Abdi's final moments has finally been painted // *Ottawa Citizen*. 2019. May 2. URL: <https://ottawacitizen.com/news/local-news/a-full-picture-of-abdirahman-abdis-final-moments-has-finally-been-painted> (дата обращения 08.12.2023).

³⁰ *Migdal A.* Black Lives Matter protests death of Abdirahman Abdi across Canada // *The Globe and Mail*. 2016. August 24. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/national/black-lives-matter-protests-death-of-abdirahman-abdi-in-cities-across-canada/article31531189/> (дата обращения 08.12.2023).

³¹ *Charnalia A.* Black Lives Matter rally held in Edmonton // *Edmonton Sun*. 2016. July 9. URL: <https://edmontonsun.com/2016/07/08/black-lives-matter-rally-held-in-edmonton> (дата обращения 11.12.2023).

³² *Rukavina S.* Family of Montreal man fatally shot by police sues over 'brutal' intervention // *CBC*. 2018. Feb. 07. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/montreal-video-police-shooting-rcmp-coriolan-1.4523348> (дата обращения 09.12.2023); *Shingler B.* 'Police, drop your knife!': Sergeant

Через пять дней после убийства П. Кориолана начались демонстрации движения «Жизни чернокожих имеют значение». Активисты требовали огласить имя полицейского, опубликовать данные о происшествии с участием полицейских и чернокожих жителей Канады, а также информацию о работе социальных служб с чернокожими и с людьми, имеющими психические заболевания³³. Многие чернокожие, с которыми были связаны описанные выше ситуации, вызвавшие протесты, имели психические заболевания, что ставило вопрос о проблемах сферы здравоохранения и ненадлежащей медицинской помощи чернокожим в Канаде.

После инцидента с П. Кориоланом активисты движения вышли на сцену во время Международного джазового фестиваля в Монреале 2 июля. Они скандировали «Джаз – музыка чернокожих» (Jazz is Black)³⁴. Таким образом, канадские активисты проводили демонстрации в ответ на случаи полицейского насилия как в США, так и в Канаде. Многие аресты с летальным исходом попадали на запись звонков или видеокamer, на которых была зафиксирована жестокость полиции в отношении чернокожих.

«Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде в статусе самостоятельной организации

В 2017 г. была окончательно сформирована сеть отделений под общим названием «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде³⁵. Ранее с 2015 г., с момента появления первых отделений организации в Торонто, Ванкувере и Ватерлоо, канадские активисты являлись частью американской Глобальной сети «Жизни чернокожих имеют значение». Из-за увеличения количества ячеек в канадских городах,

who shot Pierre Coriolan questioned about final moments before his death // CBC. 2020. Feb. 20. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/pierre-coriolan-inquest-police-sergeant-testifies-1.5469245> (дата обращения 09.12.2023).

³³ Black Lives Matter protest demands change after fatal Montreal police shooting // CBC. 2017. July 2. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/blm-vigil-pierre-coriolan-1.4188192> (дата обращения 09.12.2023).

³⁴ Black Lives Matter protesters take over stage at Montreal International Jazz Festival // The Gazette. 2017. July 2. URL: <https://montrealgazette.com/news/local-news/black-lives-matter-protestors-take-over-stage-at-montreal-jazz-festival> (дата обращения 09.12.2023).

³⁵ About us // Black Lives Matter Canada. URL: <https://www.blacklivesmatter.ca/about> (дата обращения 09.12.2023).

организация в США создала специальную должность куратора отделений в Канаде. В конце 2017 г. было решено сформировать национальную организацию в Канаде под руководством ячейки в Торонто. Глобальная сеть «Жизни чернокожих имеют значение» обязалась предоставить деньги активистам в Торонто для централизованной работы в пределах Канады. В ноябре 2018 г. сеть отделений в Канаде была зарегистрирована под названием Движение за справедливость для чернокожих (Movement for Black Justice, M4BJ)³⁶. Но это вовсе не означало, что активисты движения в Канаде отказались от идей глобального переустройства.

События 25 мая 2020 г. и смерть Джорджа Флойда во время задержания полицией вызвали волну протестов по всему миру. Смертельный инцидент произошел между чернокожей девушкой и полицейскими несколькими днями позже в Торонто. Реджис Корчински-Паке упала с балкона после того, как полицейские вошли к ней в квартиру 27 мая 2020 г. Наряд полиции был вызван ее матерью из-за бытового конфликта, а у самой девушки были проблемы с психическим здоровьем³⁷.

Смерть Р. Корчински-Паке вызвала новую волну недовольства. Около 3,5–4 тыс. человек вышли в Торонто на демонстрации против расизма 30 мая 2020 г. Подобные акции прошли и 5 июня. Среди лозунгов были «Справедливость для Реджис» (*#Justice for Regis*), «Скажи ее имя #Брейонна Тэйлор» (*Say Her Name #Breonna Taylor*)³⁸, «Пожалуйста... Я не могу дышать» (*Please... I can't Breathe*)³⁹, «Жизни чернокожих имеют значение»⁴⁰. Если первый лозунг отсылал к ситуации с чернокожей жительницей Канады, то остальные к инцидентам, произошедшим с чернокожими в США.

³⁶ 2020–2021 Annual report // Black Lives Matter Canada. P. 2. URL: <https://www.blacklivesmatter.ca/about> (дата обращения 16.12.2023).

³⁷ Family of woman who died in Toronto Balcony Fall Want Answers from Police // CBC. 2020. May 29. URL: <https://torontosun.com/news/local-news/siu-probing-death-of-woman-from-toronto-balcony> (дата обращения 10.12.2023).

³⁸ Брейонна Тейлор – чернокожая девушка, убитая полицейскими 13 марта 2020 г. в Луисвилле, штат Кентукки, США.

³⁹ Фраза, которую произносил Дж. Флойд при задержании.

⁴⁰ Thousands rally in Toronto to protest racism in wake of the death of Regis Korchinski-Paquet // CBC. 2020. May 30. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/toronto/protest-toronto-regis-korchinski-paquet-1.5591745> (дата обращения 10.12.2023); Anti-black racism protesters fill streets at Toronto rally // CBC. 2020. June 5. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/toronto/toronto-protests-anti-racism-1.5599966> (дата обращения 10.12.2023).

Активисты движения «Жизни чернокожих имеют значение» провели акции с целью привлечь внимание общественности к наличию памятников в канадских городах, связанных с эпохой колониализма в целом и колонизаторам в частности. В ходе акций они облили розовой краской памятники первому суверенному премьер-министру Джону Макдональду, королю Великобритании Эдуарду VII и создателю системы государственного школьного образования Эгертону Райерсону в Торонто 18 июля 2020 г. Перед одной из статуй активист движения в Торонто Родни Диверлус призвал сократить финансирование полиции на 50%⁴¹. Позже был демонтирован памятник Дж. Макдональду в Монреале 29 августа 2020 г.⁴²

Деятельность канадской организации «Жизни чернокожих имеют значение» была ориентирована на создание разнонаправленных проектов. Среди них: юридическая помощь чернокожим, перераспределение пожертвований для нужд отделений в городах по всей стране, проведение исследований и сбор данных о полицейском насилии. Новые проекты были реализованы в рамках помощи пострадавшим из-за пандемии COVID-19, поскольку именно чернокожие непропорционально больше страдали от последствий пандемии. Активисты «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде оказали финансовую помощь чернокожим канадцам, обеспечивали продуктами семьи чернокожих. Также организация помогала чернокожим канадцам в их творческой деятельности. Сама организация получила статус благотворительной в начале 2021 г.⁴³

Организация «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде активно выступала за сокращение бюджета полиции, а позже за упразднение полиции, тюрем, центров содержания иммигрантов, Канадской службы разведки и безопасности, Канадского агентства пограничной службы. Активисты движения в Канаде требовали создать службу экстренной помощи для людей с психическими

⁴¹ *Draaisma M.* Black Lives Matter renews calls for defunding of police after charges laid in defacing of statues // CBC. 2020. July 19. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/toronto/blm-protesters-released-charged-1.5655267> (дата обращения 13.12.2023).

⁴² *Activists topple statue of sir John A. Macdonald in downtown Montreal* // CBC. 2020. August 29. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/defund-police-protest-black-lives-matter-1.5705101> (дата обращения 13.12.2023).

⁴³ Подробнее о проектах см.: 2020–2021 Annual Report // Black Lives Matter Canada. 33 p. URL: <https://www.blacklivesmatter.ca/about> (дата обращения 16.12.2023).

заболеваниями и для жертв сексуального насилия, приюты для людей, подвергшихся насилию по гендерному признаку, а также выступают за декриминализацию употребления наркотиков и обеспечение помощи людям с наркотическими зависимостями, направление инвестиций для строительства социального жилья, организацию бесплатного транспорта и обеспечение продовольственной безопасности⁴⁴. Подобные требования были связаны с теорией интерсекционального угнетения, которой придерживались члены американской Глобальной сети «Жизни чернокожих имеют значение».

По мнению активистов организации «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде, им удалось повлиять на принятие решений государственных органов. Городской совет в Калгари, провинция Альберта, проголосовал за сокращение расходов на полицию на 16 млн долл. В Торонто впервые за долгие годы полиция представила запрос на бюджет, который не предусматривал увеличения расходов⁴⁵.

Заключение

Таким образом, движение «Жизни чернокожих имеют значение» имело международный характер и оказывало влияние на внутреннюю политику Канады. Демонстрации движения «Жизни чернокожих имеют значение» проходили в канадских городах после случаев полицейского насилия в отношении чернокожих как в США, так и в самой Канаде. Это позволяло канадским активистам демонстрировать свою солидарность с чернокожими в США, а также обращать внимание канадской общественности на расизм в стране.

Взаимодействие американских и канадских чернокожих активистов происходило на низовом уровне еще во время протестов в Фергюсоне в 2014 г. до появления национальной организации Глобальной сети «Жизни чернокожих имеют значение». Дальнейшая кооперация активистов происходила через структуры этой организации. Американская организация оказывала прямую финансовую помощь, помощь в организации деятельности своих канадских ячеек.

Организация «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде имела общую идейную платформу с Глобальной сетью «Жизни

⁴⁴ Ibid. P. 10.

⁴⁵ Ibid. P. 12.

чернокожих имеют значение» в США, сохраняя преемственность после официального выхода из американской организации. Это прежде всего выступление против полицейского насилия и расизма, приверженность теории интерсекционального угнетения и глобальный характер движения чернокожих, а именно его ориентация на борьбу за права чернокожих всего мира.

Для организации «Жизни чернокожих имеют значение» в Канаде характерно привлечение внимания представителей других движений к проблемам чернокожих: будь то движения за права сексуальных меньшинств** или деятельность профсоюзов. Подобная «экспансия» позволяет активистам движения «Жизни чернокожих имеют значение» распространять свои ценности среди представителей других низовых социальных движений.

Литература

- Агальцов 2022 – *Агальцов В.С.* Антирасистское движение “Black Lives Matter” как фактор международных политических отношений // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–188.
- Воробьев 2021a – *Воробьев Д.Н.* Голоса черных имеют значение: взаимоотношения президента Дональда Трампа и афроамериканского сообщества (2016–2020 гг.) // Россия и Америка в XXI веке. 2021. Вып. 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760014719-7-1/> (дата обращения 07.01.2024).
- Воробьев 2021b – *Воробьев Д.Н.* Идеиные истоки движения «Жизни черных имеют значение» // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 12. С. 101–114.
- Морозов 2022 – *Морозов В.Е.* Расовое неравенство и формы субальтерности: о российской реакции на движение Black Lives Matter // Современный расизм: идеология и практика: сборник научных статей. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2022. С. 310–330.
- Покудов 2020 – *Покудов З.В.* Барам Обама и расовый фактор в американской политике: движение «Жизни черных важны» // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 9. С. 71–81.
- Célestine, Martin-Breteau, Recoquillon 2022 – *Célestine A., Martin-Breteau N., Recoquillon C.* Introduction – Black Lives Matter: a transnational movement? // Esclavages & Post-esclavages. 2022. No. 6. URL: <http://journals.openedition.org/slavery/6664> (дата обращения 04.01.2023).
- Freelon, McIlwain, Clark 2016 – *Freelon D., McIlwain C., Clark M.* Beyond the hashtags: #Ferguson, #Blacklivesmatter, and the online struggle for online justice: Research report. Washington, DC: Center for Media & Social Impact. 2016. 92 p.

References

- Agaltsov, V.S. (2022), "The anti-racist movement 'Black Lives Matter' as a factor in international political relations", *Central Russian Journal of Social Sciences*, vol. 17, no. 4, pp. 176–188.
- Célestine, A., Martin-Breteau, N. and Recoquillon, C. (2022), "Introduction – Black Lives Matter: a transnational movement?", *Esclavages & Post-Esclavages*, no. 6, available at: <http://journals.openedition.org/slavery/6664> (Accessed 4 Jan. 2023).
- Freelon, D., McIlwain, C. and Clark, M. (2016), *Beyond the hashtags: #Ferguson, #Blacklivesmatter, and the online struggle for online justice: Research report*, Center for Media & Social Impact, DC, Washington, USA.
- Morozov, V.E. (2022), "Racial inequality and forms of subalternity: On Russia's reaction to the Black Lives Matter movement", in Shnirelman, V.A., ed., *Sovremennyyi razizm: ideologiya i praktika: sbornik nauchnykh statei* [Contemporary racism: ideology and practice: Collections of scientific articles], Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya "Dashkov i K°", Moscow, Russia, pp. 310–330.
- Pokudov Z.V. "Barack Obama and the issues of race in American politics: Black Lives Matter", *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 9, pp. 71–81.
- Vorobyev, D.N. (2021), "Black voters matter: President Donald Trump's relationship with the African-American community (2016–2020)", *Rossiya i Amerika v XXI veke*, available at: <https://rusus.jes.su/s207054760014719-7-1/> (Accessed 7 Jan. 2024).
- Vorobyev, D.N. (2021), "Ideological origins of the Black Lives Matter movement", *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 12, pp. 101–114.

Информация об авторе

Илья Ю. Храмов, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; xramov.ilya@mail.ru

Information about the author

Ilya Yu. Khramov, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 1/3, Smolny St., Saint Petersburg, Russia, 191060; xramov.ilya@mail.ru

Книжная полка

УДК 94+31(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-166-178

Американское общество: традиции и новации в развитии

Рецензия на книгу: США в прошлом и настоящем:
Pro et contra: Курсы лекций: В 2 кн. / В.И. Журавлева,
И.В. Морозова, А.Б. Окунь, А.С. Панов, Г.Ю. Прокопенков,
И.А. Цветков, Н.А. Цветкова / под ред. В.И. Журавлевой.
2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 2025.

Михаил И. Рыхтик

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
Москва, Россия, mrykhtik@yandex.ru*

Для цитирования: Рыхтик М.И. Американское общество: традиции и новации в развитии. [Рец.]: США в прошлом и настоящем: Pro et contra: Курсы лекций: В 2 кн. / В.И. Журавлева, И.В. Морозова, А.Б. Окунь, А.С. Панов, Г.Ю. Прокопенков, И.А. Цветков, Н.А. Цветкова / под ред. В.И. Журавлевой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 2025 // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2025. № 4. С. 166–178. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-166-178

American society: traditions and innovations in development

Book review: SShA v proshlom i nastoyashchem: Pro et contra:
Kursy lektzii: [USA in the past and present: Pro et contra] /
ed. by V.I. Zhuravleva. Moscow: RGGU, 2025

Mikhail I. Rykhtik

*Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia;
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia, mrykhtik@yandex.ru*

For citation: Rykhtik, M.I. (2024), "American society: traditions and innovations in development [Book review]: SShA v proshlom i nastoyashchem:

© Рыхтик М.И., 2025

Pro et contra: Kursy lektsii: [USA in the past and present: Pro et contra] / ed. by V.I. Zhuravleva. Moscow: RGGU, 2025", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 166–178, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-166-178

Сегодня мы являемся свидетелями очередной волны широкого интереса к истории. Количество телевизионных сюжетов и радиопрограмм, а также роликов, распространяемых по всевозможным каналам коммуникаций, заметно возросло за последние годы. Перед профессиональными историками, политологами, регионоведами стоит нелегкая задача рассказать о сложных, почти всегда противоречивых и многослойных исторических и общественно-политических процессах доступным, понятным широкой аудитории языком. Такую задачу выполняет выпущенная в издательстве РГГУ под редакцией В.И. Журавлевой книга с текстами лекций о Соединенных Штатах Америки¹. Профессиональный коллектив авторов, объединивший американистов из РГГУ, Института США и Канады РАН, СПбГУ и Самарского университета, решился по-новому рассказать о том, как американское общество и государство развивались и совершенствовались. Откровенно поднимая сложные вопросы, рассуждая о достоинствах и недостатках американской модели развития в ее различных составляющих, авторы адаптируют обширный материал для научно-просветительской работы со студентами, интересующимися историей, культурой, политикой, экономикой, литературой, музыкой и спортом США. Перед читателем разворачиваются картины (в прямом и переносном смысле, ибо издание снабжено QR-кодами, позволяющими получить доступ к видеоформату представленных текстов), которые помогают понять современные Соединенные Штаты Америки.

Авторский коллектив решился в одном издании, состоящем из двух объемных книг, затронуть практически весь спектр тем, формирующих разноплановое представление об американском обществе. Здесь есть материалы, посвященные межрасовым и межэтническим отношениям, взаимодействию между человеком, обществом и властью, истории технологий и бизнеса, осмыслению своеобразия американской литературы, массовой популярной и потребительской культуры. Хочется поздравить коллектив авто-

¹ США в прошлом и настоящем: Pro et contra: Курсы лекций: В 2 кн. / В.И. Журавлева, И.В. Морозова, А.Б. Окунь, А.С. Панов, Г.Ю. Прокопенков, И.А. Цветков, Н.А. Цветкова / под ред. В.И. Журавлевой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 2025.

ров, которым удалось «возбудить интерес читателя, предложив ему путеводную аналитическую схему...». Уверен, что знакомство с текстом и всеми подготовленными видеоматериалами будет стимулировать российского читателя к получению нового знания и формированию собственного мнения о прошлом и настоящем Соединенных Штатов Америки.

Несмотря, а может даже и по причине современных тревожных политических процессов, уже на протяжении многих лет российское общество демонстрирует стойкий интерес к США, их социально-экономическому, политическому, культурному опыту. Чрезвычайно повышенное, я бы даже сказал, гипертрофированное внимание к заокеанским процессам у представителей российских средств массовой информации влияет на общественные настроения в нашей стране. К сожалению, очень часто этот интерес журналистов и публицистов носит конъюнктурный характер, о чем свидетельствует наличие крайне противоречивых оценок США в России – от восторженно апологетического до резко негативного. По справедливому замечанию одного из авторитетных американистов В.В. Согрина, политический опыт США оброс в нашей стране всевозможными мифами и идеологемами [Согрин 2001, с. 3].

Анализируя последние публикации и материалы, посвященные истории, культуре, политике США, складывается впечатление, что современное поколение экспертов очень трудно расстается со штампами и концепциями, не учитывающими самой главной характеристики любого общества (включая американское) – его развития. Кстати, такой же недостаток можно отметить и у экспертов и аналитиков в США, которые не хотят расстаться с устаревшими взглядами, отказывая российскому обществу в развитии и совершенствовании. Предложенный авторами курсов лекций подход позволяет умному читателю убедиться в многообразии Соединенных Штатов Америки и принять факт их постоянного изменения.

Сегодня мы являемся свидетелями формирования новой структуры международных отношений, которая характеризуется наличием пока еще малопонятных, но, тем не менее, уже сформировавшихся тенденций. Характеризуя эту структуру, российские эксперты говорят о глобализации и регионализации, интеграции и фрагментации, гуманизации и росте насилия. От того, какие из означенных тенденций станут доминирующими, во многом зависит содержание будущих международных отношений. Новые условия существования в окружающем мире требуют иных подходов к организации бытия. Причем перед субъектами этих отношений стоят две задачи: определить новые цели и найти пути решения старых задач в изменившихся условиях. Насколько готово современное

американское общество к решению этих задач – этот вопрос будет постоянно возникать при прочтении предлагаемых курсов лекций.

Молодым американистам на заметку

Книга посвящена теме, которая по сложившейся за последние годы у нас традиции, требует комплексного подхода к изучению, ибо выполнена на стыке конкретно-исторической проблематики, политологии, литературоведения, культурологии, философии. Это определяет ее специфику. Авторы привлекли разнообразные источники, мемуары, научные монографии, литературные произведения, материалы всех возможных сегодня форматов (электронные базы данных, аудио и видеоролики, размещенные на доступных интернет-платформах), что позволяет смело говорить об академическом характере книги. Меня особенно привлекли списки материалов, которые авторы использовали и рекомендовали для дальнейшего самостоятельного изучения темы.

В последние годы многие публикации по США базируются на слабо верифицированных и порой очень спорных источниках информации. Практически забыты такие виды источников как материалы законодательной власти, среди которых особый интерес всегда представляли стенограммы слушаний комитетов и комиссий Конгресса США. А ведь они позволяют проследить преемственность и закономерность в толковании социально-политических процессов США, выявить группы влияния, наблюдать эволюцию общественных и экспертных настроений. Эта группа уникальных источников помогает классифицировать позиции различных групп по важнейшим проблемам внутренней и внешней политики США.

Наиболее подробно и систематически отражают историческую действительность отчеты о дебатах, публикуемые в периодически издающемся вестнике “Congressional Record”. В тексты выступлений членов конгресса включается самый обширный материал (перепечатки статей, интервью, письма и др.), дополняющий понимание исследователем социально-политического климата, в котором протекает процесс принятия решений по важнейшим вопросам американской политики.

Меня особенно порадовало привлечение внимания в первом курсе «США как нация наций, этническая и культурная мозаика» к такому источнику как “Public Papers of the Presidents of the United States”. В следующем курсе «Человек – общество-власть в США» мы видим ссылки на материалы Президентских библиотек. Эти

классические для советского историка-американиста источники сегодня все реже используются в публикациях, посвященных истории и политике США. Выражаю глубокую признательность авторам за то, что сохраняют лучшие традиции отечественной американистики. Кстати, в издании мы также находим ссылки на работы ведущих российских исследователей, среди которых В.В. Согрин, В.О. Печатнов, В.А. Тен, А.Ю. Саломатин, Ю.Н. Рогулев, Э.Л. Нитобург, А.М. Зверев и многие другие. Все они представляют разные направления научного осмысления жизни американского общества и государства. Междисциплинарность, представленная также и в эмпирической базе издания, позволяет с наибольшей полнотой решать поставленные авторами задачи. Новое поколение американистов безусловно привлечет большое обилие ссылок на интернет-ресурсы, что поможет удержать молодого читателя, интересующегося гуманитарными аспектами общественного развития. В этом важнейшая просветительская миссия, которую успешно решают авторы курсов лекций.

Новое общество – другие требования к его изучению

Внутри американского общества определились тенденции, которые заставляют политическую элиту вносить корректировки в традиционные представления о роли США в мире. Во-первых, в стране наметились серьезные демографические изменения. Речь идет не только о снижении рождаемости, меняется структура и количество членов семьи (особенно среди белых американцев). Да и сама роль семьи претерпевает кардинальные изменения. Во-вторых, в последние годы наметилась устойчивая тенденция увеличения доли «не белого» населения США. В-третьих, активное внедрение информационных технологий и открытость американского общества глобальным изменениям, затрагивающим практически каждую сферу жизни человека, вносит серьезные коррективы в представления среднего американца о современных политических проблемах, как внутренних, так и внешних.

Из доступных экспертных материалов вырисовывается новая картина американского общества. Немногие из опрашиваемых сегодня жителей США на вопрос: «Каково Ваше этническое происхождение?» отвечают, что они «американцы». Многие относят себя к одной из этнических групп. Крупнейшие из них: немецкая, ирландская, английская и афроамериканская, за ними следуют мексиканская, итальянская, французская, потом польская, коренных американцев, голландская, китайская и др.

География стран, откуда приехало большинство современных граждан США, послужила основой для формирования европоцентристской традиции американской внешней политики XX в. Белое большинство, имевшее общее европейское происхождение на протяжении XVIII–XX вв., оказывало мощное влияние на процесс принятия политических решений, ориентированных на внутренние и внешние проблемы. В отечественной американистике есть добротные работы, посвященные механизмам влияния этнических групп на формирование внешней политики США (многие из них представлены в разделе «Для дальнейшего изучения» в конце каждой темы лекции). Известный американский политолог профессор Ховард Виарда, выступая как-то в Нижнем Новгороде, убеждал участников научной конференции (а я тогда был еще молодым аспирантом) в необходимости учитывать этнический фактор при изучении процесса принятия политических решений в США. На примере вопроса о расширении НАТО во второй половине 1990-х гг. он демонстрировал, как влияние американских поляков, украинцев, венгров и других этнических групп, выходцев из Центральной и Восточной Европы, отразилось на хронологии и темпах принятия решения администрацией У. Клинтона. Официальное согласие Белого дома «неожиданным образом» совпало с предвыборной кампанией 1996 г.

Республиканец Боб Доул до своего проигрыша на президентских выборах того же 1996 г. активно лоббировал интересы армянской общины США. И не случайно после его ухода из активной политики Азербайджану удалось кардинально улучшить свои отношения с Вашингтоном, что отмечали многие эксперты. Есть много фактов, свидетельствующих о прямой или косвенной зависимости того или иного политического решения в США от влияния определенной этнической группы. Таким образом, пристальное внимание авторов курсов лекций к процессу формирования представлений о расовом, этническом и культурном многообразии американского общества, приравставшего трудом иммигрантов со всего мира, вполне оправдано. Практически в каждом курсе (а их всего 7) находит отражение фактор сложного характера взаимоотношений «белых» и «цветных» американцев, рожденных в стране и натурализованных граждан. Это одна из самых острых и деликатных проблем американского общества, которую авторы издания раскрывают профессионально, с соблюдением всех запутанных норм «политической» и иной корректности.

Исторически американское общество состояло из двух групп: белое большинство и черное меньшинство (при небольшой численности коренного индейского населения, кстати, его история

кратко и доступно также изложена на страницах издания). Сегодня ситуация меняется, Соединенные Штаты становятся многорасовым обществом, что неизменно отражается на восприятии Себя и Других, что находит отражение в массовой культуре, литературе и структурах повседневности. В начале XX в. на территории США проживало население, которое по расовому признаку делилось следующим образом: 87% белых, 12% негритянского населения и около 1% представителей других рас. В 1990 г. в США проживало 240 000 американских индейцев, 240 000 представителей монголоидной расы (преимущественно китайцы, японцы и гавайцы) и 660 000 – латиноамериканцев (преимущественно выходцы из Мексики, которые концентрировались на территории пяти южных штатов) [Emigration and ethnicity 1994, p. 42].

С 1960 г. численность всех расовых групп увеличилась, однако менялось их соотношение. К 1960 г. доля белого населения немного уменьшилась до 85,1% (было почти 87%). Такая же тенденция отмечалась и среди афроамериканского населения США – 11,6% в 1900 г. и 10,5% в 1960 г. Доля азиатского и «испаноязычного» населения постоянно увеличивается в течение последних десятилетий. К концу XX в. выходцы из Азии, Латинской Америки и коренное население Америки составляли уже 12,7% [Emigration and ethnicity 1994, p. 42]. За тот же период увеличилась численность афроамериканского населения Америки: 8,8 млн в 1900 г. и 30 млн в 1990 г. Однако по темпам роста выходцы из Латинской Америки обогнали афроамериканцев: 1 млн в 1900 г. и 22,4 млн в 1990 г. В результате такого развития меняется структура так называемого этнического меньшинства. Место афроамериканцев «занимает» азиатское и латинское население. Несмотря на то, что численность афроамериканцев увеличилась, темпы их прироста значительно меньше, чем у азиатского и испаноязычного населения.

Сухих цифр не много в рассматриваемой книге, однако авторы и не стремились перегружать текст. Лекции читаются легко, а некоторые разделы даже занимательно. Авторам удалось отразить происходящие изменения в структуре американского общества, рассказывая об истории иммиграции и вкладе иммигрантов в развитие США, а также об их современном этнокультурном многообразии (курс 1: «США как нация наций, этническая и культурная мозаика»), о музыке, театре, кинематографе и спорте (курс 5: «Массовая культура в США как национальный проект и предмет экспорта»), о литературе (курс 6: «Роман с американской мечтой»). Кто-то поблагодарит создателей лекций за систематизацию и структуризацию этого интересного материала, а кто-то обратит внимание на неожиданные факты и события, которые малоизвестны

большинству не американцев. Однако их знание поможет нам, сторонним наблюдателям, лучше понять мышление и поступки жителя и гражданина США. Мне как преподавателю будут полезны конкретные примеры и явления, которые имеют «американскую прописку», чтобы раскрасить обсуждаемые в аудиториях проблемы в рамках разных курсов по истории, политологии, зарубежному регионоведению и международным отношениям.

Актуальность рассматриваемых вопросов подтвердили последние выборы 2024 г., когда каждый кандидат на президентское кресло вынужден был обращать пристальное внимание на все увеличивающееся латинское и азиатское население страны. Причем речь идет не столько о нелегальных эмигрантах, сколько о гражданах страны, имеющих право избирать и быть избранными. Они стали заметным фактором избирательных кампаний в США на всех уровнях голосования. Повсеместная латинизация культуры, свидетелями чего мы являлись в последние годы, говорит о возрастающем влиянии выходцев из Латинской Америки на жизнь американцев. Знание испанского языка уже стало необходимым условием для приема на работу во многие государственные структуры, особенно южных и западных штатов.

Есть большая вероятность, что в ближайшие десятилетия доля «традиционного» белого населения США будет составлять менее 60%. Более того, именно эта группа будет самой старшей по сравнению с другими расовыми и этническими группами, что связано с низким уровнем рождаемости среди потомков выходцев из Европы.

Структура американского общества меняется. Однако статистические данные дают только половину информации. Да, белое население в скором времени перестанет доминировать. Доля испаноязычного и азиатского населения увеличится значительно. Однако эти тенденции сохранятся, если не будет изменена иммиграционная политика. Неслучайно она стала важнейшим пунктом последней избирательной кампании и продолжает волновать все группы американского общества (хоть и по разным причинам). История показывает, что заигрывание с иммиграционной проблемой в этнонациональном ключе может создать условия для радикализации политического режима.

Перед США сегодня стоит сложная задача адаптации вновь прибывающих в американское общество. Как использовать потенциал новых иммигрантов для блага американского общества? Как распределить расходы на адаптацию иммигрантов между гражданами страны, чтобы не допустить проявления каких-либо фобий? Все это отнюдь не праздные вопросы. От ответов на них зависит спокойствие и процветание одной из крупнейших стран мира,

претендующих на сохранение лидирующих позиций в мировой экономике и политике.

«Отцы-основатели» очень жестко определяли параметры национальной идентичности – максимально возможное единообразие. Чтобы стать и быть американцем, индивидуум не должен обладать какой-то особой национальной, лингвистической или религиозной исключительностью. Главное – это принять универсальную идеологическую формулу, в основе которой «идеалы свободы, равенства и республиканизма». Эта же идеология настраивала всех вновь прибывших устраиваться самостоятельно и быть готовыми смешиваться с остальным населением. «Достижение максимального единообразия народа этой страны должно, наряду с другими обстоятельствами, обеспечить прочность союза» [США на рубеже веков 2001, с. 171]. Отцы основатели хотели, чтобы иммигранты полностью отказывались от своего языка, обычаев, традиций, и принимали систему ценностей англоязычного большинства. Однако такой подход относительно эффективно срабатывал с представителями европейских народов. Создание единого общества из представителей разных рас, задача более сложная.

По всей видимости, им придется убрать расовый и этнический компонент из американской идентичности, которая со времен президентства Франклина Д. Рузвельта стала рассматриваться в рамках рационального выбора. Те, кто принимают идеалы свободы и демократии, могут считаться американцами. Отрицание системы демократических ценностей и идеалов означало антиамериканизм. А это также одно из условий усиления радикальных подходов, что возможно на фоне фрагментации национальной идентичности. Таким образом, эксперты говорят о возможных рисках обострения противоречий в США, способных привести к конфликтам между различными группами интересов.

В любом случае мы с вами являемся свидетелями очень медленного и постепенного процесса, требующего много времени. Хватит ли у государства США исторического времени? Судя по всему, авторы данных курсов лекций относят себя к числу оптимистов.

Американское общество в той или иной степени оказывает некоторое влияние на формирование внешней политики, хотя последняя и находится в руках узкого круга «посвященных» людей, которых принято объединять понятием «внешнеполитическая элита». Предстоящие кардинальные изменения в структуре общества обязательно внесут изменения во внешнеполитическую стратегию США. Несмотря на рост неоизоляционистских идей, можно с большой долей вероятности ожидать роста внимания со стороны

вашингтонских политиков к проблемам стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

В этой связи интерес представляют курс 5 – «Массовая культура в США как национальный проект и предмет экспорта» и курс 7 – «Культурная, публичная и цифровая дипломатия США», где читатель видит картину непростой эволюции культурной дипломатии (кто-то может сказать и экспансии) государства, решившего предложить другим народам и странам свое понимание эффективности социально-политического и экономического устройства общества через программы обмена книг и образовательных проектов, экспорт культурных стандартов и использование социальных сетей. Очевидно, что озвученные недавно президентом Д. Трампом инициативы по «реформированию» этого направления деятельности государственного департамента в конечном итоге приведут к активизации новых инновационных форм и методов общения с другими народами посредством более современных цифровых технологий и дипломатии данных. США навряд ли откажутся от лидерства в инновационной и технологической сферах.

Почему США успешны в инновационной и технологической сферах?

Курс 4 – «Культура потребления в США» и курс 3 – «Бизнес и технологии в США» погружают читателя в чрезвычайно актуальную и имеющую большую практическую значимость тему – можно ли выявить причины и факторы лидирующего положения США в области инновационной деятельности? Во многом этому способствовала направленность инновационной политики на саморазвитие компаний в жесткой конкурентной борьбе. Подобные меры национальной политики применялись во многих странах мира, однако только в США они приобрели систематический характер. Ориентация на конкуренцию выполняет роль рычага, стимулирующего человека-изобретателя и компании к усилению инновационной активности и обновлению производственной деятельности. Высокий уровень конкуренции во многом способствовал появлению и промышленному производству большинства технологических изобретений в США, изменивших мир за последние двести пятьдесят лет.

Возникновению именно там технопарков, бизнес-инкубаторов, венчурных фондов, а также специальных экономических зон инновационного типа помог так называемый «Закон Шермана», принятый в 1890 г. Необходимо отметить, что достаточно долго го-

сударство предоставляло организациям полную самостоятельность в области науки и технологических разработок. Однако сегодня инновационная система США претерпевает серьезные изменения. За последние десятилетия уровень государственного вмешательства в экономические процессы в области науки и технологий существенно вырос. В настоящее время две трети американских инноваций создаются при помощи партнерства государства и бизнеса. Получившее широкую известность вмешательство законодателей в деятельность гигантов IT-бизнеса в последние пять лет – лишь подтверждение тенденции, о которой эксперты писали двадцать лет назад [Рыхтик, Корсунская 2012].

Погружаясь в историю коммерческого успеха страны, знакомясь с увлекательными судьбами конкретных людей (одиночек-изобретателей, ученых, создателей успешных бизнесов), авторы дают свой ответ на вопрос, почему США стали лидером мирового технологического прогресса. Полагаю, что будут и те, кто расставит другие акценты в осмыслении экономического успеха этой страны, но примеры и факты, приведенные в издании, подтолкнут внимательного читателя к непростым выводам и оценкам.

Завершая свои размышления, вызванные знакомством с текстом курсов лекций «США в прошлом и настоящем: Pro et contra», хотел бы порадовать любителей американской литературы. Вы сможете получить яркую картину отражения всех противоречивых аспектов развития американского общества в художественных образах, рожденных в умах американских поэтов и писателей, погружившись в материалы курса 6 – «Роман с американской мечтой». Столь широкий междисциплинарный охват позволяет говорить о том, что авторам удалась попытка представить предмет своего изучения со всех сторон, вызывающих интерес у гуманитария.

Любопытно, что, давая множество толкований «американской мечты» (что это значит?), я не смог на страницах двух книг увидеть то, которое мне ближе всего. Соглашаюсь с теми американистами, которые полагают, что американская мечта – это уверенность в том, что последующее поколение будет жить лучше нынешнего. И здесь появляется следующий вопрос: «Что значит лучше?». Кто-то скажет: «Больше денег!». Кто-то скажет: «Большой дом!» или образование (Гарвард?). А кто-то за «лучшее» воспримет наличие большой и счастливой семьи. Предлагаемое нашему вниманию издание, подготовленное Викторией Ивановной Журавлевой, Ириной Васильевной Морозовой, Александром Борисовичем Окунем, Антоном Сергеевичем Пановым, Георгием Юрьевичем Прокопенковым, Натальей Александровной Цветковой, Иваном Александровичем Цветковым, поддержанное Российским государ-

ственным гуманитарным университетом, дает каждому заинтересованному читателю возможность найти свой ответ на вопрос, как современный американец понимает то, что значит «жить лучше».

Литература

- Рыхтик, Корсунская 2012 – *Рыхтик М.И., Корсунская Е.В.* Национальная инновационная система США: История формирования, политическая практика, стратегии развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 263–268.
- Согрин 2001 – *Согрин В.В.* Политическая история США: XVII–XX вв. М.: Весь мир, 2001. 389 с.
- США на рубеже веков 2001 – США на рубеже веков / под ред. С.М. Рогова. М.: Наука, 2001. 496 с.
- Emigration and ethnicity 1994 – Emigration and ethnicity. The integration of America's newest arrivals / ed. by B. Edmonston, J.S. Passel. Washington, D.C.: Urban Institute Press: Lanham, MD: University Press of America, 1994. 380 p.

References

- Edmonston, B. and Passel, J.S., eds. (1994), *Emigration and ethnicity. The integration of America's newest arrivals*, Urban Institute Press, University Press of America, Washington, D.C., Lanham, MD, USA.
- Rogov, S.M., ed. (2001), *SShA na rubezhe vekov* [USA at the turn of the century], Nauka, Moscow, Russia.
- Rykhtik, M.I. and Korsunskaya, E.V. (2012), "National innovation system of the USA: Formation history, political practice, development strategies", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 6-1, pp. 263–268.
- Sogrin, V.V. (2001), *Politicheskaya istoriya SShA: XVII–XX vv.* [Political history of the USA: 17th – 20th centuries], Ves' mir, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил И. Рыхтик, доктор политических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2;

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; mrykhtik@yandex.ru

Information about the author

Mikhail I. Rykhtik, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia; 2, Ul'yanova St., Nizhny Novgorod, Russia, 603022;

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198; mrykhtik@yandex.ru

УДК 2:94(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-179-187

Религиозные ландшафты США
в исторической ретроспективе:
Обзор IX международных Зверевских чтений
по американистике
(РГГУ, Москва, 28–29 апреля 2025 г.)

Антон С. Панов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, panov.a@rggu.ru*

Для цитирования: *Панов А.С.* Религиозные ландшафты США в исторической ретроспективе: Обзор IX Международных Зверевских чтений по американистике (РГГУ, Москва, 28–29 апреля 2025 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 179–187. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-179-187

Religious landscapes of the USA in historical retrospective.
Overview of the 9th Aleksei Zverev
International Biennial Conference on American Studies
(RGGU, Moscow, April 28–29, 2025)

Anton S. Panov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, panov.a@rggu.ru*

For citation: Panov, A.S. (2025), “Religious landscapes of the USA in historical retrospective. Overview of the 9th Aleksei Zverev International Biennial Conference on American Studies (RGGU, Moscow, April 28–29, 2025)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 179–187, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-179-187

Вопрос о месте религии в американском культурном, политическом и социальном ландшафте давно занимает достойное место в гуманитарной науке. Начиная с первых поселений англичан

в Новом Свете, религия играла ключевую роль в формировании национальной идентичности, общественных институтов и политической культуры Соединенных Штатов. Уже в колониальный период мессианская риторика, идея «града на холме» (*city upon a hill*) и протестантская трудовая этика стали основой не только религиозной, но и гражданской саморепрезентации американцев [Noll 2002].

Современные исследователи подчеркивают, что в XXI в. религия по-прежнему остается мощным фактором самоопределения, несмотря на секуляризационные тенденции. Политологи и социологи обращают внимание на то, как религиозные нарративы взаимодействуют с расовой, этнической и гендерной идентичностью, влияют на электоральное поведение и внешнеполитические установки [Putnam, Campbell 2010].

В отечественной научной традиции также накоплен значительный материал, посвященный анализу роли религии в американском обществе. Так, Э.Я. Баталов в своей ставшей уже классической работе акцентирует внимание на политико-идеологических аспектах религиозной риторики, включая ее влияние на формирование концепта «американской мечты» и специфики религиозного измерения в американской политической мысли [Баталов 2009, с. 212–226].

Сегодня религия в США оказывает влияние на электоральные предпочтения, обеспечивая легитимацию власти [Суханова 2009], и проявляется в сложной системе отношений между религиозными организациями, государством и обществом [Кармадонов 2002]. В отличие от Европы, где влияние религии снижается, в США она сохраняет мобилизующую функцию [Степанова 2012]. При этом особую обеспокоенность вызывает идеология христианского национализма, воспринимаемая как вызов либеральным ценностям и плюралистическим основам общества [Новикова 2024].

С учетом всего вышесказанного проведение IX Международных Зверевских чтений по американистике «Религиозный нарратив в литературе, истории, политике и культуре США», прошедших 28–29 апреля 2025 г. в Российском государственном гуманитарном университете, представляется как научно и общественно значимая инициатива. Тематическая направленность конференции позволила актуализировать комплекс проблем, связанных с функционированием религиозного дискурса в американской культуре, его историческими трансформациями и современными политическими проекциями. Организованная усилиями кафедры сравнительной истории литератур Института филологии и истории и кафедры американских исследований Института международных отношений и политических наук

РГГУ, конференция стала площадкой для продуктивного междисциплинарного диалога между историками, литературоведами, культурологами, политологами и специалистами по международным отношениям из различных университетов и научных институтов России и Беларуси.

Работу IX Международных Зверевских чтений открыл ректор РГГУ А.В. Логинов, подчеркнувший значение темы религии в американистике и ее актуальность в современном мире. В своем выступлении он связал религиозную динамику США с историческим опытом их духовного многообразия, подчеркнув, что Америка стала убежищем для религиозных диссидентов и разработала уникальную модель сосуществования вероисповеданий. Он также отметил значение академической экспертизы по вопросам взаимодействия религии и политики США для современной внешнеполитической повестки России.

Важным событием церемонии открытия конференции стало подписание меморандума о сотрудничестве между Российским государственным гуманитарным университетом и Институтом США и Канады РАН. Меморандум подписали ректор РГГУ А.В. Логинов и и. о. директора Института США и Канады Н.А. Цветкова. Соглашение предполагает развитие совместных научно-исследовательских и образовательных проектов, обмен экспертными наработками и участие в академических мероприятиях. Этот шаг стал логичным продолжением укрепления межинституционального диалога.

Пленарное заседание включало доклады ведущих специалистов-американистов. В.И. Журавлева (РГГУ) в фундаментальной презентации представила современный религиозный ландшафт США, охарактеризовав его как результат сложной исторической эволюции от мессианских установок пуритан до плюралистичной и поляризованной модели начала XXI в. Особое внимание уделялось пересечению религиозной, политической, расовой и идеологической идентичности, что делает религию важнейшим фактором внутренней политики страны. В докладе был проведен сравнительный анализ опросов Pew Research Center, Gallup и General Social Survey, позволяющий проследить трансформацию религиозных установок среди разных поколений и расово-этнических сообществ США.

Другие доклады пленарного заседания касались репрезентации религии в американской культуре. Т.Д. Венедиктова (МГУ) анализировала богословские и философские образы у Э. Дикинсон, И.В. Морозова (РГГУ) обратилась к теме кризиса веры через призму экспатриантства в творчестве Г. Адамса, а О.Ю. Панова (ИМЛИ РАН) акцентировала внимание на противоречиях между

христианскими и социалистическими мотивами в творчестве Э. Синклера. В свою очередь, В.С. Раздъяконов (РГГУ) предложил исследование женских неоязыческих движений 1970-х гг. Заключение доклад Н.А. Цветковой (ИСКРАН) о роли религии в американской публичной дипломатии в долгосрочной перспективе фокусировался на использовании мессианских мотивов и религиозных кодов в международной риторике США.

Пленарная часть конференции завершилась презентацией курсов лекций «США в прошлом и настоящем: *pro et contra*», подготовленного коллективом авторов под редакцией В.И. Журавлевой, вызвав живой интерес участников. Это двухтомное издание стало значимым вкладом в обобщение отечественного подхода к изучению американского общества и его идентичности¹.

Работа конференции в первый день продолжалась в рамках трех секций.

Первая из них была посвящена религиозному фактору во взаимных репрезентациях русских и американцев в годы холодной войны. Обсуждение включало анализ аудиовизуальной культуры – от комиксов до музыки кантри и кинематографа – и трактовок христианской символики как элемента идеологического противостояния. Особый интерес вызвали доклады О.В. Рябова об американском христианстве в зеркале советского кинематографа, а также А.Б. Окуня и Н.Ю. Спутницкой, в которых деконструировались образы «религиозной Америки» в советской интерпретации и «безбожного СССР», созданного американской пропагандой. Доклад И.М. Тарбеева позволил реконструировать сложную эволюцию восприятия религиозности США в советской американистике 1970–1980-х гг., в то время как В.А. Аванская сосредоточила внимание на анализе христианства как инструмента конструирования американской идентичности во взаимоотношениях с СССР. Обсуждение позволило лучше понять, как образ религиозного Другого использовался в качестве идеологического маркера холодной войны.

Вторая секция, сфокусированная на теме религии в российско-американском культурном диалоге, продемонстрировала широкий спектр подходов к анализу культурных трансферов и религиозных смыслов в художественной и публицистической традиции двух стран. И.В. Львова представила доклад, посвященный влиянию «Христианства Достоевского» на американскую литературу 1940–

¹ США в прошлом и настоящем: *Pro et contra*: Курсы лекций: В 2 кн. / В.И. Журавлева, И.В. Морозова, А.Б. Окунь, А.С. Панов, Г.Ю. Проконенков, И.А. Цветков, Н.А. Цветкова; под ред. В.И. Журавлевой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 2025.

1960-х гг., отметив, как образы страдания, покаяния и духовного преображения интерпретировались американскими писателями в контексте протестантской культуры. Г.В. Алексеева остановилась на малоизвестной странице духовной биографии Л.Н. Толстого – его интересе к американским шейкерам, рассматривая эту тему как ключ к пониманию его критики института церкви и поисков новых форм религиозности. Доклад Т.Н. Беловой дополнил обсуждение сопоставлением этической проблематики в романах У. Фолкнера и религиозной философии Толстого и Достоевского. А.С. Панов проанализировал представления о религиозности американцев в репрезентациях советских инженеров и технических специалистов рубежа 1920–1930-х гг. Секция завершилась выступлением Н.И. Ажгихиной, осветившей гендерные аспекты религиозной дискуссии в российско-американском журнале «Вы и мы» на рубеже XX–XXI вв.

Третья секция была посвящена вопросам религиозной идентичности в контексте расовых и этнических сообществ США. Обсуждение сосредоточилось на том, как религиозная принадлежность и духовная практика становятся инструментами культурной самоидентификации, сплочения и сопротивления. Доклады Т.А. Алентьевой и М.М. Грузкова раскрывали роль католицизма в укреплении этнической солидарности среди ирландской и польской диаспор. Особый интерес вызвали выступления И.В. Щепачевой, Е.С. Галибиной-Лебедевой и А.М. Аронии, посвященные темнокожим протестантским общинам, в которых церковь представляла не только как религиозный институт, но и как политическое и социальное пространство. Анализ произведений Н. Момадея в докладе Н.В. Макарова продемонстрировал, как метафизика и христианская символика помогают осмыслению травмы и исторической памяти коренных народов США. Темы христианской эсхатологии и риторики освобождения в афрофутуристических романах Р. Соломон и Н. Дэйвенпорт позволили Г.С. Мартиросяну рассмотреть процесс взаимодействия религиозного воображения и политической утопии. Секция выявила продуктивность междисциплинарного подхода, соединяющего теологию, этнические исследования и классическую филологию.

Во второй день работы конференции особое место заняла секция четвертая «Религия во внешнеполитических нарративах». Так, Е.В. Аргунов охарактеризовал роль американской протестантской эсхатологии в конструировании образа Японии в годы Второй мировой войны, а Н.А. Цветков, М.И. Рыхтик, О.А. Хлопов и А.А. Новиков рассмотрели религиозный нарратив в стратегической культуре и внешней политике США. В целом,

секция позволила продемонстрировать, как (квази)религиозная риторика функционирует во внешнеполитическом дискурсе Соединенных Штатов одновременно в качестве средства идеологической мобилизации и источника устойчивых интерпретаций международных событий. Образы «избранности», мессианские нарративы и библейская символика формируют культурные коды, посредством которых США объясняют и оправдывают свои действия на глобальной арене.

В рамках докладов участников пятой секции рассматривалось религиозное измерение национальной идентичности в разных исторических контекстах от колониальной эры до современности. Г.В. Александров проанализировал народную религиозность в Новой Англии XVII–XVIII вв. как основу локальных форм гражданской культуры, Е.С. Лиознова обратилась к пуританским истокам идеологии протеста в североамериканских колониях, а М.А. Филимонова – к фигуре Джона Уэсли в британской пропаганде времен Американской революции, демонстрируя, как методистская риторика использовалась в идеологической борьбе. Д.В. Абдурахманова-Павлова представила литературоведческий разбор автобиографии квакера Джона Вулмена как документа о религиозной идентичности эпохи Просвещения. Е.М. Апенко осветила интерпретации религиозных конфликтов XVII в. в романтической прозе XIX в., прослеживая переосмысление сакрального в национальной памяти. Т.Л. Селитрина и М.М. Сиротинская обратились к религиозному опыту семьи Джеймсов и к религиозным сюжетам в американской политической публицистике середины XIX в. Доклады Л.Н. Попковой, Л.С. Байбаковой и А.С. Роговцевой осветили эволюцию «женской религии», концепции социального евангелизма и религиозного протеста 1960-х гг. Оживленную дискуссию вызвали выступления И.В. Брянцевой и Ж.Г. Коноваловой, в которых обсуждались образы религии в литературе XX–XXI вв. – от альтернативных историй до проблем исламофобии. Секция продемонстрировала, что религиозный дискурс в США выступает неотъемлемым компонентом культурной рефлексии и политического самоопределения.

Заключительная секция конференции, посвященная репрезентации религиозного опыта в американской литературе, выявила разнообразие подходов к осмыслению сакрального в прозе и драматургии США. Выступления участников охватывали широкий хронологический и жанровый спектр – от мифологических структур до научной фантастики. О.Ю. Анцыферова представила интерпретацию мифологемы сделки с дьяволом в американской культуре, прослеживая ее трансформации от фольклорной традиции к совре-

менной прозе, М.А. Баранов обратился к роману Т. Драйзера «Американская трагедия» как иллюстрации столкновения кальвинистской этики с социальной детерминацией, Ю.А. Клейман осветила религиозные мотивы в театре эпохи Великой депрессии, выявляя их мобилизационный потенциал. В свою очередь, И.К. Кудрявцева и А.К. Никулина исследовали способы философского осмысления веры в литературе середины XX в. Особое внимание вызвал доклад К.А. Вихровой о религиозной образности в произведениях Филиппа К. Дика, где мистический опыт сочетается с постсекулярной критикой. В рамках секции обсуждались также протестантские и католические топосы в современной литературе, религиозные архетипы в подростковых романах и вопросы веры как культурного конфликта в произведениях XXI в. В целом секция продемонстрировала, что религиозный дискурс в американской литературе остается мощным инструментом рефлексии – как эстетической, так и философской.

Обсуждение на заключительном заседании позволило участникам конференции подвести итоги и обобщить наблюдения, сделанные в ходе работы всех шести секций.

Несмотря на широкий тематический охват – от пуританской идеологии до афрофутуристических утопий и политической риторики XXI в. – участники конференции сходились в одном: религия продолжает играть важную роль в формировании американской идентичности, структурировании политических и культурных нарративов, а также в повседневной и художественной репрезентации личного и коллективного опытов.

Особое внимание было уделено тому, как религиозные сюжеты становятся маркерами «своего» и «чужого», средством легитимации власти, способом организации исторической памяти. Проблематика религиозной риторики в международных отношениях и внутренней политике США подчеркнула необходимость междисциплинарного подхода, сформированного на стыке политологии, истории, культурологии и литературоведения.

IX Международные Зверевские чтения стали важной площадкой для академического диалога между исследователями и продемонстрировали устойчивый интерес к религиозному нарративу как одному из ключевых элементов прошлого и настоящего США.

По итогам конференции планируется публикация докладов в двух сериях «Вестника РГГУ»: «Литературоведение. Языкознание. Культурология» и «Политология. История. Международные отношения».

Литература

- Баталов 2009 – *Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
- Кармадонов 2002 – *Кармадонов О.А.* Особенности религиозной среды современной Америки: опыт социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 4. С. 85–99.
- Новикова 2024 – *Новикова О.Н.* Христианский национализм в США // Россия и современный мир. 2024. № 3. С. 180–193.
- Степанова 2012 – *Степанова Е.А.* Религия в США и Западной Европе: исключение или правило? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. № 12. С. 110–122.
- Суханова 2009 – *Суханова Н.А.* Государство, религия, церковь в политических событиях США // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 3. С. 25–34.
- Noll 2002 – *Noll M.A.* America's God: From Jonathan Edwards to Abraham Lincoln. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 640 p.
- Putnam, Campbell 2010 – *Putnam R.D., Campbell D.E.* American grace: How religion divides and unites us. N.Y.: Simon & Schuster, 2010. 688 p.

References

- Batalov, E.Ya. (2009), *Russkaya ideya i amerikanskaya mehta* [The Russian idea and the American dream], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Karmadonov, O.A. (2002), “Features of the religious environment of modern America: an experience of sociological analysis”, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 5, no. 4, pp. 85–88.
- Noll, M.A. (2002), *America's God: From Jonathan Edwards to Abraham Lincoln*, Oxford University Press, New York, USA.
- Novikova, O.N. (2024), “Christian nationalism in the United States”, *Russia and the Contemporary World*, no. 3, pp. 180–193.
- Putnam, R.D. and Campbell, D.E. (2010), *American grace: How religion divides and unites us*, Simon & Schuster, new York, USA.
- Stepanova, E.A., (2012), “Religion in USA and Western Europe: exception or rule?”, *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, no. 12, pp. 110–122.
- Sukhanova, N.A. (2009), “State, religion, church in political events of the USA”, *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 25–27.

Информация об авторе

Антон С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; panov.a@rggu.ru

Information about the author

Anton S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; panov.a@rggu.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 4
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 6 раз в год

Подписано в печать 31.07.2025
Выход в свет 07.08.2025
Формат 60×90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,7. Усл. печ. л. 11,8
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2208

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru